

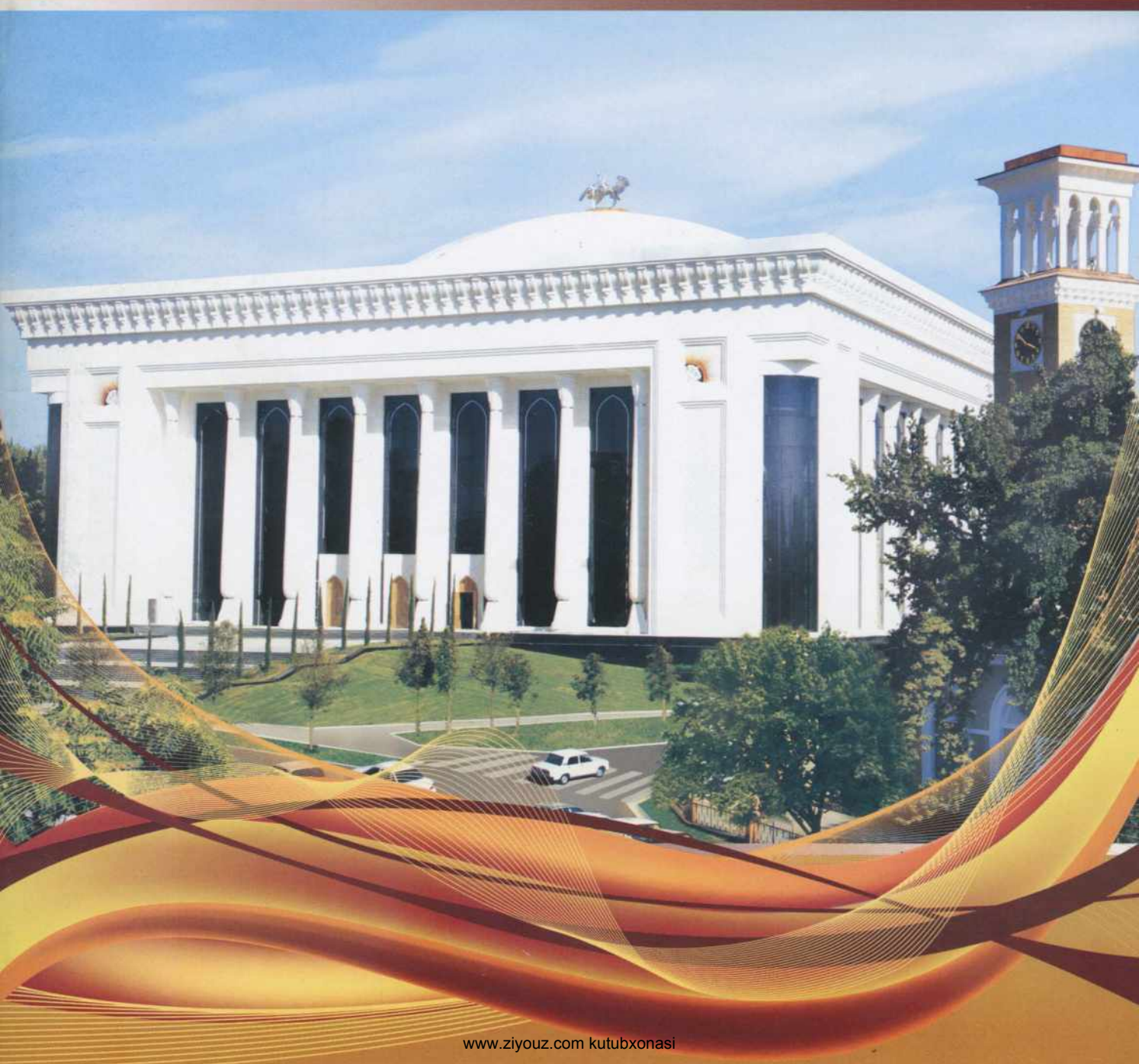
4 (44) 2009

MOZIYDAN SADO

ECHO OF HISTORY
ЭХО ИСТОРИИ

8 ДЕКАБРЬ – ЎЗБЕКИСТОН RESPUBLIKASINI KONSTITUTSIYASI KUNI
8 ДЕКАБРЯ – ДЕНЬ КОНСТИТУЦИИ РЕСПУБЛИКИ УЗБЕКИСТАН
8 DECEMBER – CONSTITUTION DAY OF UZBEKISTAN

2010

БАРКАМОЛ АВЛОД ЙИЛИ ГОД ГАРМОНИЧНО РАЗВИТОГО ПОКОЛЕНИЯ THE YEAR OF A HARMONIOUSLY DEVELOPED GENERATION

Хаётимизнинг маъно-мазмуни, максادلари ўзгариши билан халқимизнинг, аввало, ёшларимизнинг онгу тафаккури, дунёқараши, фикрлаши, сиёсий-ҳуқуқий маданияти ва ижтимоий фаоллиги юксалиб бораётганини ва бундай ижобий ўзгаришлар бугунги ва эртанги ютуқларимизга мустаҳкам замин тугдираётганини катта мамнуният билан таъкидлаймиз.

Ислом КАРИМОВ

Особого внимания заслуживает то, что благодаря новому содержанию жизни нашего общества меняется сознание и мышление, в целом мировоззрение нашего народа, возрастают политико-правовая культура и социальная активность, прежде всего молодежи, что создает крепкую и надежную основу для нынешних и будущих успехов.

Ислам КАРИМОВ

Of particular note is the fact that due to the new content of our society life, consciousness and mind, the whole understanding in our people are changing, political and law culture and social activity are increasing, especially among young people, which creates a strong and solid foundation for current and future successes.

Islam KARIMOV

«МОЗИЙ – ИСТИҚБОЛИМИЗНИНГ ТАРОЗИСИДИР».

Маҳмудхўжа Бехбудий

MOZIYDAN SADO

ECHO OF HISTORY
ЭХО ИСТОРИИ

4.(44).2009

ТАЪСИСЧИЛАР: Ўзбекистон Республикаси

Маданият ва спорт ишлари вазирлиги,

Бадий академияси, Матбуот ва ахборот агентлиги

УШБУ СОНДА:

Абдулахад МУҲАММАДЖОНОВ “ХОРАЗМ” АТАМАСИНИНГ ЭТИМОЛОГИЯСИ	2
Шамсиддин КАМОЛИДДИН, Эргаш УМАРОВ САМАРҚАНДНИНГ ЎРТА АСР ТАНГАСИ	5
Қорёғди ЖУМАЕВ ҚОРАКЎЛ ЁДГОРЛИКЛАРИ	10
Асхат БИЙКУЗИЕВ КУШОН ВА ҚАНҒ ДАВЛАТЛАРИ МУНОСАБАТЛАРИ	13
Нозим ҲАБИБУЛЛАЕВ, Абдугани ВАЛИЕВ, Барно МАҲМУДОВА ҚОҒОЗ ИШЛАБ ЧИҚАРИШ ТАРИХИДАН	17
Афғондил ЭРКИНОВ НОЁБ ҚЎЛЁЗМА ИЗИДАН	20
Дилмурод БОБОЖОНОВ ОҒАҲИЙ АБАДИЯТИ	23
Файзуллаҳон ОТАХОНОВ ҚЎҚОН ХОНИ ТАҚДИРИ	26
Шариф ЮСУПОВ ХОН ЎФИЛЛАРИ ФИТНАСИ	29
Анвар ЯХШИЕВ «ЎЗБЕКЛАР»	34
Зокиржон ҚУТИБОЕВ «ФАРҒОНА ВОДИЙСИНИНГ СУҒОРИЛИШ ТАРИХИ»	36
Баходир КАРИМ «ҲАЗРАТИ БАШИР МАНОҚИБИ»	37
Маъруф ОТАХОНЗОДА АБУЛҚОСИМ МАДРАСАСИ	38
Чинора ЭРГАШЕВА ТОШКЕНТ УШШОҒИ	44
Нигора КУЛТАШЕВА РАНГТАСВИРДА ТОШКЕНТ	46

Журналдан кўчириб босилганда манба кайд этилиши шарт. Тахририятга келган мақолалар тақриз қилинмайди, қайтарилмайди ва ёзма жавоб берилмайди. Ссылка на журнал обязательна. Рукописи не рецензируются и не возвращаются, письменные ответы не высылаются.

Reference to the magazine is required. Manuscript copies are neither reviewed nor returned back, the written responses are not sent.

*Илмий-амалий, маънавий-
маърифий, рангли журнал*

1999 йилдан чоп этила бошлади.

Уч ойда бир марта
ўзбек–инглиз–рус
тилларида чиқади

БОШ МУҲАРРИР
Зафар ҲАКИМОВ

ТАХРИР ҲАЙЪАТИ
Дилором АЛИМОВА
Шодмон ВОҲИДОВ
Анатолий САГДУЛЛАЕВ
Бахтиёр САЙФУЛЛАЕВ
Темир ШИРИНОВ
Усмон ҚОРАБОЕВ
Нозим ҲАБИБУЛЛАЕВ
Акбар ҲАКИМОВ
Маҳмуджон ҲАСАНОВ
Саидбек ҲАСАНОВ

**ЖАМОАТЧИЛИК
КЕНГАШИ**
Роберт АЛМЕЕВ
Мариника БОБОНАЗАРОВА
Исмоил БОТИРОВ
Равшан МАНСУРОВ
Зокиржон МАШРАБОВ
Нўъмонжон МАҲМУДОВ
Наби ХУШВАҚТОВ
Иброҳим ЮСУПОВ

Инглиз тили муҳаррири
Гулҳумор РАҲИМОВА

Бош рассом
Дилмурод ИРГАШЕВ

ТАХРИРИЯТ МАНЗИЛИ:
100129, Тошкент ш.,
Навоний кўчаси, 30.
Тел.: 244-34-65, 244-74-19.
Факс: 244-74-19.

E-mail: moziydansado@mail.ru

Индекс: 1047-шахсий обуначилар,
1048-ташкilotлар учун.

O'ZB.-GERM.
MCHJ «KAMALAK-PRINT»
босмаҳонасида чоп этилди.
Буюртма № 210

Адади 1500.

ISSN 2010-5258

«Қазақстан Республикасының
«Халықаралық» музейи
КК 9361
Инд: № 1258

ЭТИМОЛОГИЯ ТЕРМИНА «ХОРЕЗМ»

Хорезм – исторический край и древнее государство, простиравшееся к югу по руслу реки Амударья до верхнего течения рек Мургаб и Теджен. Древний Хорезм был намного больше современной Хорезмской области, в исторических источниках встречаются наименования: Древний Хорезм и Большой Хорезм. Сведения о Хорезме встречаются в «Авесте», «Бехистунской надписи» Дария I, в книгах древних греческих авторов (Гекатея, Геродота, Страбона и др.), а также в работах арабских географов X–XIII вв. (Истахри, Ибн Хаукаля, Мукаддаси, Абу Саъд ас-Самъони, Ёкут Хамави).

В «Авесте» термин «Хорезм» дается в форме «Хваризем», в древнем персидском языке – «Уваразмис», в латинском – «Хорасмия», в греческом – «Хоразмия». В арабских письменных источниках этот край называется «Хворазм». На хорезмских монетах начала VIII в. отчеканено «Хворзм». В науке приняты различные толкования семантики термина «Хорезм». Большинство из них обоснованы отдельными легендами и преданиями, которые приводятся в письменных источниках. В работах арабских географов средневековья Мукаддаси и Ёкута Хамави приводится предание о происхождении слова «Хворазм», и в связи с тем, что термин состоит из двух слов: «хво» – мясо и «разм» – дрова, Хворазм трактуется как край, богатый мясом и дровами. Ёкут утверждает, что «Хворазм» – это название области, а не города, и на хорезмском языке это слово означает «место, где разделявают мясо, распределяют мясо». С.П.Толстов, всесторонне исследовавший историю Хорезма, утверждает, что самый близкий к истине этимон термина «Хорезм» – это «Солнечный край», «Солнечная земля», произошедшие на базе иранских слов «хурр-хуршед» и «зм-зем», но тем не менее трактует «Хорезм» как «Край народа Хварррий или Харрий (Хуррий), «Земля солнца, солнечного народа»).

По нашему мнению, термин «Хоразм» составлен из двух слов и означает «низкая равнина», «низина», «низкий», «нижний», «плодородное место», «плодородная земля», «солнечная земля». В действительности, термин «Хорезм» состоит не из двух частей, а из отдельно взятых трех слов. На древнем хорезмском языке он произносился как «Хушварзм», «хуш+вар+зм» (зем). В иранских языках он означал «ху» (хуш, хаш) – «хорошо», «сладкий», «красивый».

“ХОРАЗМ” АТАМАСИНИНГ ЭТИМОЛОГИЯСИ

Абдулахад МУХАММАДЖОНОВ

Хоразм – тарихий ўлка ва қадимий давлат Амударё адоқларидан жанубга томон Мурғоб ва Тажан дарёларининг юқори оқимларигача чўзилган. Қадимги Хоразм худудлари шу номдаги ҳозирги вилоят майдонидан анча кенг бўлган ва тарихий манбаларда: Қадимги Хоразм ва Катта Хоразм каби номлар билан таърифланган. Хоразм ҳақидаги илк маълумотлар Авесто, Доро I нинг Биҳистун битиклари, қадимги юнон муаллифлари (Гекатей, Геродот, Страбон ва ҳоказо) ҳамда X–XIII асрлар араб географлари (Ал-Истахрий, Ибн Хавқал, ал-Мукаддасий, Абу Саъд ас-Самъоний, Ёкут Ҳамавий) асарларида учрайди.

«Хоразм» атамаси Авестода «Хваризем», қадимий форсийчада «Уваразмис», латинчада «Хорасмия» ва юнончада «Хоразмия» деб юритилган. Арабча ёзма манбаларда бу ўлка «Хворазм» талаффузида тилга олинади. VIII аср бошларида Хоразмда зарб этилган тангаларда эса бу диёр «Хворзм» шаклида чекилган. Фанда «Хоразм» атамасининг семантикаси ҳақида турли хил фикр ва мулоҳазалар баён этилган. Бироқ уларнинг аксарияти, шубҳасиз, ёзма манбаларда келтирилган айрим афсона ва ривоятларга асосланган. Мукаддасий ва Ёкут Ҳамавий асарларида «Хворазм» сўзининг келиб чиқиши ҳақида ривоят келтирилиб, мазкур атамани «хво» – гўшт ва «разм» – ўтин каби икки сўздан таркиб топгани боис, Хворазм «гўшт ҳамда ўтинга» сероб ўлка деб қайд этилган. Ҳатто Ёкут Хворазм – шаҳарнинг эмас, балки вилоят номи эканини таъкидлар экан, Хоразм тилида бу ном “гўштни нимталайдиган, яъни гўштни тақсимлайдиган жой” маъносини англатади, деб ёзади. Хоразмнинг тарихини ҳар томонлама чуқур тадқиқ этган С.П.Толстов эса, «Хоразм» атамаси эронча «хурр-хуршед» ва «зм-зем» сўзлари асосида юзага келган номнинг «Куёшли ўлка», «Куёшли ер», деб аталиши ҳақиқатга энг яқин этимонидир деб таъкидласа-да, Хоразмни “Хваррий ёки Харрий (Хуррий) халқи ўлкаси”, “Куёш (халқи) ери” деб изоҳ беради.

Бизнинг фикримизча, «Хоразм» атамасини икки сўздан иборат шаклда, яъни «пасттекислик», «пастлик», «паст», «куйи», «унумли жой», «ҳосилдор ер», «куёшли ер» каби маъноларда изоҳлаш мумкин. Аслида, «Хоразм» атамаси икки бўғинли эмас, балки айрим-айрим уч сўздан таркиб топган. У қадимий хоразмча «Хушварзм», яъни «хуш+вар+зм»

(зем) шаклида талаффуз этилган. Эроний тилларда “ху” (хуш, хаш) – “яхши”, “маъқул”, “ширин”, “гўзал” каби маъноларни англатган. Ҳозирги замон ўзбек ва тожик адабий лексикасида ҳам “хуш” иборасига бириккан қатор иборалар: “хушвақт” – яхши дамлар, хурсандчилик; “хушгўй” – ширинеўз; “хушдил” – хурсанд, қувончли; “хушнавис” – хушхат, каллиграф; “хушнаво” – хушовоз, яхши қуйловчи; “хуштаъм” – мазали, лаззатли; “хушқомат” – кўркам, гавдали ва ҳоказолар тарзида истифода этилади. Иккинчи бўғиндаги “вар” (вара) сўзи – девор, марза, ғов, кўрғон, қалъа, кўра маъноларини билдирса, учинчи бўғиндаги “зм” (зим, зем) эса – ер, ўлка, диёр ва мамлакат маъноларини билдиради.

“Хоразм” атамаси манбаларда қандай шаклларда (Хваризем, Уваразмис, Хорасмия, Хоразмия, Хворазм ёки Хворзм) қайд этилмасин, аслида у қадимги хоразмча тилда “Хушварзм” ёки “Хуварзм” деб юритилиб, “яхши кўрали ер”, “ажойиб кўрғонли ўлка”, “мустаҳкам қалъалар қад кўтарган ўлка” ва “обод мамлакат” деган маъноларни англатган. Шу боисдан, Авестонинг “Яшт” қисмида Хоразм “Минг ирмокли дарё”, “Кўллар ва ўтлоқларга бой ўлка”, дунёдаги барча мамлакатлар ичра “Аъло ва бирламчиси” сифатида мадх этилади.

Амударёнинг қуриб қолган қадимги Оқчадарё адоғи, Мурғоб ва Тажан дарёлари ҳавзаларида қазиб очилган милоддан аввалги 6-5, 4-3 ва 2-1 мингйилликнинг биринчи ярмига мансуб моддий маданият обидаларининг тадқиқоти натижалари билан қадимги юнон муаллифларининг Хоразм ҳақидаги ёзма маълумотлари мажмуасининг қиёсий таҳлилидан маълум бўлишича, Қадимги Хоразм худуди табиий жиҳатдан икки минтақадан иборат бўлган. Унинг шимолий Амударё этакларида сон-саноксиз серсув ўзанлару шимол ва шимоли-шарққа томон ястанган кенг яйловлардан иборат бепоён пасттексисликлар; жанубий қисмида эса, Мурғоб ва Тажан дарёлари водийларининг каттагина қисми, тоғ ва адирликлар ҳамда улардан бош олган катта-кичик дарёю жилғалар этакларида юзага келган ҳосилдор ерлар жойлашган. Қадимги Хоразм худудининг ўзига хос табиати, шубҳасиз, фақатгина аҳолисининг турмуш тарзини белгилабгина қолмай, балки бу диёрда юзага келган қадимги маданиятларнинг шаклланиши, ривожи ва бир-бирига қоришувига ҳам кучли таъсир этган. Шуниси эътиборлики, Хоразмнинг тарихий номларида ўлканинг географик манзарасидан тортиб, аҳолиси томонидан яратилган моддий ва маънавий қадриятларнинг айрим белгиларигача маълум даражада ўз инъикосини топган.

“Хоразм” атамасининг топонимистик ва лингвистик талқинидан аниқланишича, мазкур номнинг шаклланиб, тарихда машҳур бўлиши ўлка табиатининг серқуёшли экани, ер сатҳининг текислиги ёки унумдор ва унумсизлиги, шунингдек, улкан ва мустаҳкам мудофаа иншоотлари – қалъаларининг сифати ҳамда уларнинг хоразмликларнинг ижтимоий-сиёсий, иқтисодий ва маънавий ҳаётида тутган ўрни билан узвий боғлиқдир.

Демак, “Хоразм” атамаси ёзма манба, тарихий ва географик асарларда қандай шаклларда қайд этилмасин, у “Яхши кўрали ер”, “Ажойиб кўрғонли ўлка” ва “Мустаҳкам қалъалар қад кўтарган мамлакат” деган маъноларни англатган. Шу боис, Хоразм диёри тарихда “Минг қалъали ўлка” номи билан шухрат топган.

ETYMOLOGY OF THE TERM “KHOREZM”

Khorezm is a historic land and ancient state that stretched between Turan and Iran to the south along the bed of the Amu Darya River up to the upper reaches of the rivers Murghab and Tedjen. The territory of ancient Khorezm was much bigger than that of the modern Khorezm region. Historical sources give the following names of this region: Ancient Khorezm and Big Khorezm. Information about Khorezm is found in the “Avesta”, “Bekhistun inscription” by Darius I, in books of ancient Greek authors (Hecataeus, Herodotus, Strabon, and others), as well as in works of the Arab geographers of the 10th - 13th centuries (Istakhri, Ibn Khavkal, Muqaddasi, Abu Sa’d as-Samoni, Yokut Hamawi).

In the “Avesta”, the term “Khorezm” is given in the form of “Hvarizem”, in ancient Persian language – “Uvarazmis”, in Latin – “Horasmiya”, in Greek – “Khorazmiya”. The Arab written sources call this region “Hvorazm”. The word “Hvorzm” was coined in the Khorezm coins of the early 8th century. Science accepts different interpretations of the semantics of the term “Khorezm”. Most of them are justified by individual legends and myths given in written sources. The research-works of the medieval Arab geographers Muqaddasi and Yokut Hamawi mention a legend about the origin of the word “Hvorazm”. And since the term consists of two words: “hvo” – “meat” and “razm” – wood, the word “Hvorazm” is interpreted as a region rich in meat and firewood. Yokut states that “Hvorazm” is the name of the region not the city, and in the Khorezm language this word means “a place where meat is cut and shared”. S.P.Tolstov, who thoroughly researched the history of Khorezm, states that the closest to the truth etymon of the term “Khorezm” – is “a solar land”, “sunny ground”, which came from on the basis of the Iranian words “hurr-hurshed” and “zm-zem”, but nevertheless he interprets the word “Khorezm” as “Land of the people of Hvarry or Harriy (Hurriy, “Land of the Sun of the sun people”).

In our opinion, the term “Khorazm” consists of two words and means “lower plateau”, “lower land”, “low”, “lower”, “fertile place”, “fertile land”, “sunny ground”. In fact, the term “Khorezm” does not consist of two parts but of three individual words. In the ancient Khorezm language it is pronounced as “Hushvarzm”, “hush + var + zm” (zem). In the Iranian languages it meant

В современном узбекском языке и таджикской литературной лексике выражение «хуш» используется с добавлением других выражений: «хушвакт» – приятные минуты, удовольствие; «хушгуй» – сладкоречие; «хушдил» – довольный, радостный; «хушнавис» – каллиграф; «хушнаво» – приятный голос, хороший певец; «хуштаъм» – вкусный; «хушкомат» – видный, рослый и т.д. Слово во второй части – «вар» (вара) – означает «стена, граница, преграда, курган, крепость», а слово в третьей части – «зм» (зим,зем) – «земля, край, страна».

В какой бы форме термин «Хорезм» ни давался в источниках (Хвайризем, Уваразмис, Хорасмия, Хоразмия, Хворазм), на самом деле на древнем хорезмском языке он произносился как «Хушварзм» или «Хуварзм» и означал «хорошая земля», «край уникальных курганов», «край мощных крепостей», «благоустроенная страна». Именно поэтому в части «Яшт» книги «Авеста» Хорезм прославляется как «Река с тысячью потоков», «Край, богатый озерами и пастбищами», «Лучший и единственный среди всех стран мира».

Из сравнительного анализа исследования памятников материальной культуры 6-5, 4-3 и первой половины 2-1 тысячелетия до н.э., найденных в русле древней реки Окчадарё (Амударья), бассейнах рек Мургаб и Теджен, и комплекса письменных сведений о Хорезме греческих авторов следует, что территория древнего Хорезма состояла из двух регионов. На севере в пойме реки Амударья были бесчисленные полноводные русла и простирающиеся к северу и северо-востоку бескрайние пастбища; в южной части большие долины рек Мургаб и Теджен, горы, холмы и стекающие с них большие и малые реки, в пойме которых были плодородные земли. Своеобразная природа древнего Хорезма не только определяла образ жизни населения, но и оказывала воздействие на формирование, развитие и смешение возникающих на этой земле древних культур. Вместе с тем заслуживает внимания тот факт, что в исторических названиях Хорезма в определенной степени отразились географическое расположение края и даже определенные признаки созданных народом материальных и культурных ценностей.

Из топонимических и лингвистических толкований термина «Хорезм» установлено, что формирование этого названия и его распространение в истории неразрывно связано с тем, насколько теплым был этот край, с равнинной поверхностью и плодородием или наоборот, а также фундаментальностью больших и прочных сооружений – крепостей, и их роли в социально-политической, экономической и духовной жизни хорезмийцев.

Следовательно, в какой бы форме термин «Хорезм» не был представлен в письменных источниках, исторических и географических работах, по смыслу он означал «хорошая земля», «край уникальных курганов» и «край мощных крепостей». Именно поэтому исторически Хорезмская земля известна как «Край тысяч крепостей».

“hu” (hush, hash) – “good”, “sweet”, “beautiful”. In the modern Uzbek and Tajik literary vocabulary the phrase “hush” is used in combination with other expressions: “hushvakt” – pleasant moments, fun, “hushguoy” – honeyed-speech, “hushdil” – happy, joyful, “hushnavis” – a calligrapher, “hushnavo” – a pleasant voice, good singer, “hushta’m” – delicious, “hushkomat” – a prominent, tall, etc. The word in the second part – “var” (vara) means “wall, border, barrier, mound, fortress”, and the word in the third part – “zm” (zim, zem) – “land, region, country”.

In whatever form the term “Khorezm” is given in the sources (Hvairizem, Uvarazmis, Horasmiya, Khorazmiya, Hvorazm), actually in the ancient Khorezm language it is pronounced as “Hushvarzm” or “Huvarzm” and meant “good land”, “land of unique mounds”, “land of powerful fortresses”, “well-organized country”. That is why in the part “Yasht” of the book “Avesta”, Khorezm is glorified as the “River of a thousand streams”, “land rich in lakes and pastures”, “the best and the only one among all the countries of the world”.

From the comparative analysis of the study of artifacts of the 6th – 5th, 4th – 3rd and the first half of the 2nd – 1st millennia BC found in the beds of the ancient rivers Okchadaryo (Amu Darya) and in the river basins of Murghab and Tedjen and of the complex of written sources about Khorezm by the Greek authors, it follows that the territory of ancient Khorezm consisted of two regions. Countless full-flowing channels and the boundless pastures stretching to the north and north-east were located in the north in the floodplain of the Amu Darya; in the southern part – large river valleys of Murghab and Tedjen, mountains, hills and large and small rivers flowing down on them whose flood plains had fertile grounds. The peculiar nature of ancient Khorezm not only defined the lifestyle of the population but also had an impact on formation, development and mixing of ancient cultures arising in this land. However, noteworthy that the historical names of Khorezm to some extent reflect the geographical location of this land and even some characteristics created by the people’s material and cultural values.

From toponymic and linguistic interpretations of the term “Khorezm” it was found that the formation of this name and its spreading in the history is inextricably linked to how warm was the province with a plain surface and fertility, or vice versa, and with fundamentality of large and most substantial structures – the fortresses and their role in the socio-political, economic and spiritual life of the Khorezmians.

Consequently, in whatever form the term “Khorezm” was presented in the written sources, in the historical and geographical works, its meaning still was “good land”, “land of unique mounds” and “land of powerful fortresses”. Therefore, the Khorezm land is historically known as “The Land of thousands of fortresses”.

САМАРҚАНДНИНГ ЎРТА АСР ТАНГАСИ

Шамсиддин КАМОЛИДДИН,
Эргаш УМАРОВ

1896 йили В.В.Бартольд Санкт-Петербург университетидаги тангаларни тадқиқ этаётиб, Самарқандда 663/1264-65 йиллари зарб этилган, ёзувлари туркий тилда битилган 5 та мис танга топган. 1941 йили эса Самарқанд атрофида 663/1264-65 йиллари зарб этилган, устига кумуш югуртирилган шу хил 43 та мис дирхам топилган. Тангалар Чигатой хони, Байдарнинг ўғли ва Чигатойнинг невараси, 1260-1266 йиллари хукмронлик қилган Олғунинг зарбхонасига тегишли бўлган.

Бундай тангаларнинг аверс (юз) ва реверс (орқа) томонларидаги айлана битикда зарб қилишга доир маълумотлар араб ёзувида келтирилган:

ضرب هذا الدرهم ببلدة سمرقند بتاريخ شهر سنة ثلث وستين وستماية
“Бу дирхам Самарқанд шаҳрида олти юз олтинчи учинчи йилнинг ойларида бирида зарб қилинди”.

Танганинг юз томонида, ўртада уч сатрли ёзув бор:

سمرقند دا ايجلين تاشلين

Танганинг орқа томонида, ўртада уч сатрли ёзув (юз томонидаги ёзувнинг давоми) бор:

الماغوجي يازوقلوغ بولغاي

Танганинг юз томонидаги, ўз вақтида В.В.Бартольд ўқий олмаган ёзув туркий тилда Самарқанд/да ичлайин/ташлайин – “Самарқандда – унинг ичида ва ташқарисида” деб ўқилди. Танганинг орқа томонидаги ёзувни В.В.Бартольд *باک قلوغ يالفاغوجي بولغاي* – *йолфогучи (олмоғу(в)чи) пок (йор, йоз) ва қулўғ бўлғой* (ким олмаса, жинояткор бўлғай) деб ўқиган бўлса, тадқиқотчи З.А.Альхамова эса *الماغوجي يال و قلوغ بولغاي* – *олмоғу(в)чи йол ва қулўғ бўлғой* (ким олмаса, ёлланма ва қул бўлғай) деб ўқиди. Биз эса бу ёзувни *الماغوجي يازوقلوغ بولغاي* – *олмоғу(в)чи йозуқлуг бўлғой* туркийда “ким олмаса, айбдор бўлғай”, деб ўқиш керак деган фикрдамиз. Сўнгги жумладаги иккинчи сўз *يازوقلوغ* *йозуқлуг* шунингдек, қадимги туркий тилдаги ёзма ёдгорликларда ҳам *jazyqluq* ва *jazyqluq* шаклларида учрайди, яъни “гуноҳкор, айбдор” маъноларида келади.

Бу тангалар Қорахонийлар жорий этган мис дирхамлар сирасига қиради, лекин улар Хоразмийшоҳлар ва мўғуллар хукмронлиги даврида ҳам зарб қилинган. Шу турдаги тангаларнинг энг қадимийси – Эрмитажда сақланаётгани 474/1081-82 йилга мансуб.

XI асрнинг 30-йилларидан бошлаб то XIII асрнинг иккинчи ярмига қадар бутун мусулмон олами каби Ўрта Осиё ҳам кумуш танқислигига учраган. Кумуш етишмаганлиги сабабли, тангалар мис ва олтиндан зарб қилинган. Кумуш танга ўрнини босувчи устига кумуш югуртирилган мис дирхамлар айнан шу даврда чиқарилиб, мажбурий муомалага киритилган, “тахдид”ли ёзувларнинг сирини ҳам шунда. Бу тангалар қарийб 30 йил мобайнида фақат Самарқанднинг ўзида ва атрофида савдо ишлари олиб бориш учунгина зарб қилинган. Самарқанднинг туркий тилдаги ёзувли тангалари давлат томонидан чиқарилиб, катта миқдорда зарб қилинган. Шу вақтда шаҳарда кумуш югуртирилган ва худди шундай “тахдид”ли форс тилидаги ёзувли мис тангалар ҳам чиқарилган. Форсий битиклар XV-XVI асрлардаги айрим тангаларда ҳам учрайди. Амир Темур тангаларида эса арабий, форсий ёзувлардан ташқари, туркий ва мўғул ёзувлари ҳам кўзга ташланади.

Ўрта Осиёда Сомонийлардан тортиб Шайбонийларгача бўлган хукмдорлар зарб этган тангалардаги ёзувларнинг бари фақат араб тилида битилган. Қорахонийлар даврида фақат битта тангада ёзув форс тилида битилган – XII асрда Ўзжандда Тўғрулхон Хусайн ибн Ҳасан номидан зарб қилинган дирхамларга ҳикмат ёзилган. Қорахонийлар тангаларидаги айрим битиклар араб ёзувида эмас, уйғур ёзувида битилган.

Бу тангаларнинг энг қадимийси 384/994-95 йилга, кейингилари эса 472/1079-80 йилга тегишли. Уйғур ёзувли тангалар Шарқий Туркистондан ташқари Ўрта Осиёда ҳам, яъни Самарқанд, Бухоро, Кеш ва бошқа шаҳарларда зарб қилинган. Уйғур ёзувлари (ном ва унвонлар) фақат дирхамларга эмас, балки фальслар, яъни майда савдо учун мўлжалланган чақа тангаларга ҳам туширилган. Буларнинг бари эса, шу ёзувлар нафақат сарой аҳлининг тор доирасига, балки Ўрта Осиё аҳолисининг кенг қатламларига ҳам тушунарли бўлган, деб тахмин қилишга имкон беради.

Топонимик тадқиқотларнинг маълумотларига асосланиб фараз этиш мумкинки, туркийлар энг ўтмишдаёқ Самарқанд Суғди маҳаллий аҳолисининг бир қисми бўлган. Келиб чиқишига кўра туркий, Ўрта Осиё худудида қадим замонлардаёқ кенг тарқалган номлар шу худуднинг ўрта асрлардаги топонимиясида катта қисмини эгаллаган бўлса, замонавий топонимияда аксари қисмини ташкил этиб турибди. Илк ўрта асрлар даврида бу номларнинг келиб чиқиши Шарқий Эрон бўлган топонимлардан кейин сонига кўра иккинчи гуруҳни ташкил этган, ўрта асрларда эса Ўрта Осиё топонимиясининг энг қудратли қатлами улардан иборат бўлган – бу ерда кўплаб шаҳарлар ва қишлоқлар иккита: суғдча ва туркча номга эга эди.

Ўрта Осиёда Ғарбий Эрон (форс) топонимиясининг фаол шаклланиши араб истилоси даврида бошланган. Айнан шу даврда муомалага янги форсий топоформантлар “қишлоқ” маъносидаги *-деҳ* ва *-обод* кириб келади ва Ўрта Осиёда келиб чиқиши Ғарбий Эрон бўлган янги форс тили (*форсий*) билан биргаликда кенг тарқалади. Ўрта Осиёда Ғарбий Эрон топоформантлари *-ан*, *-кирд* (*-гирд*, *-джирд*), *-диза* (*-диз*), *-руд*, ва *-стан* (*-истан*)лар иштирокидаги топонимлар пайдо бўлиши ҳам худди шу даврга тегишли. Форсларнинг Ўрта Осиёга кириб келиши 21/642 йилга тўғри келади дейиш мумкин,

СРЕДНЕВЕКОВАЯ МОНЕТА САМАРКАНДА

В.В.Бартольд в 1896 г. исследуя монеты, хранящиеся в Санкт-Петербургском университете, обнаружил 5 медных монет с тюркскоязычными надписями, чеканенных в 663/1264-65 г. в Самарканде. В 1941 г. в окрестностях Самарканда был найден клад из 43 аналогичных медных посеребрённых дирхемов, чеканенных в 663/1264-65 г. в Самарканде. Монеты принадлежали чекану чагатайского хана Алгу (правил в 1260 – 1266 гг.), который был сыном Байдара и внуком Чагатая.

Круговая легенда как на AV, так и на RV монет этого типа содержит выпускные данные на арабском языке.

ضرب هذا الدرهم ببلدة سمرقند بتاريخ شهر سنة ثلث وستين وستماية
«Этот дирхем был выбит в городе Самарканде в одном из месяцев шестьсот шестьдесят третьего года»

Л.с. В поле – трехстрочная надпись:

سمرقند دا ايجلین تاشلین

Об.с. В поле – трехстрочная надпись (продолжение надписи л.с.)

الماغوجي يازوقلوغ بولغاي

Надпись на л.с., которую В.В.Бартольд в свое время прочесть не смог, была прочитана по-тюркски как *самарканд/да ичлайин/ташлайин* – «в Самарканде – внутри него и вне его». Надпись на об.с. В.В.Бартольд читал как **يازوقلوغ بولغاي** - *iyālfāwūchi (ālmāgūchi) pōk (iyār, iyās) wa kulūg būlgāy* (кто не возьмет, будет преступником), а З.А.Альхамова как **الماغوجي يال و قلوغ بولغاي** - *ālmāgūchi iyāl wa kulūg būlgāy* (тот, кто не будет брать, станет наемником и невольником). Мы считаем, что эту надпись следует читать как **الماغوجي يازوقلوغ بولغاي** - *ālmāgūchi iyāzūklūg būlgāy*, что на тюркском языке означает «тот, кто не возьмет, будет виновным». Второе слово в последнем предложении **يازوقلوغ** *iyāzūklūg* встречается также в памятниках древнетюркской письменности в формах *jazyqluq* и *jazyqlur* со значением «грешный», «виновный».

Монеты принадлежат к числу медных дирхемов, введенных Караханидами, но чеканились также в правление хорезмшахов и монголов. Самая ранняя из монет этого типа, хранящаяся в Эрмитаже, относится к 474/1081-82 г.

Начиная с 30-х гг. XI в. до второй половины XIII в. Средняя Азия, как и весь мусульманский мир, переживала так называемый «серебряный» кризис. Из-за нехватки серебра монеты чеканились из меди и золота. Именно в это время и выпускались медные посеребрённые дирхемы с принудительным курсом, которые заменяли серебряную монету, и «угрожающими» надписями. Монеты рассматриваемого типа чеканились только для внутреннего оборота в Самарканде и его окрестностях на протяжении примерно 30 лет. Тюркскоязычные монеты Самарканда относились к государственному выпуску и чеканились в большом количестве. В этот период в Самарканде выпускались также медные посеребрённые монеты с персоязычными надписями такого же «угрожающего» содержания. Персоязычные надписи встречаются также на некоторых монетах XV – XVI вв. На монетах Амира Темура, наряду с арабскими и персидскими надписями, встречаются также тюркские и монгольские.

Все легенды на монетах, чеканенных правителями Средней Азии от Саманидов до Шайбанидов, писались исключительно на арабском языке. В правление Караханидов была выпущена только одна монета с надписью на *фāрс*и – благочестивое изречение на дирхемах, чеканенных в Узджанде от имени Тогрул-хана Хусайна ибн Хасана (XII в.). Некоторые легенды на караханидских монетах выполнены не арабской графикой, а уйгурским письмом. Самые ранние из таких монет датируются 384/994-95 г., а поздние – 472/1079-80 г. Монеты с уйгурскими надписями выпускались как в Восточном

чунки ўшанда Ниҳованд яқинида Сосонийлар қўшини араблардан мағлубиятга учраган форслар Амударё ортидан паноҳ топишга мажбур бўлишганди.

Аҳоли пунктларига нисбатан географик объектлар – тоғ, қўл, дарё ва ҳоказоларнинг номи анча барқарор эканлиги маълум. Грек сайёҳи Василио Ватаченинг (1730) Ўрта Осиё харитасида Зарафшон дарёси *карасови* (Carasui) дарёси деб кўрсатилган, дарёнинг куйи оқимида, чап соҳилида жойлашган шаҳар *каракол* (Caracol) деб аталган. Бундан чиқадики, ўша даврда Зарафшон дарёси туркча Қорасув номи билан танилган, унинг куйи оқимида Қоракўл шаҳри бўлган. Ҳозиргача сақланиб келаётган Қоракўл топоними асосида «қора қўл» маъносидаги гидроним ётади. X асрда Бухоро вилоятидаги Сомжан (Сом-хвош, Овоза, Баргин-и Фарох)нинг туркча Қоракўл ва Дингиз номлари ҳам бўлган. Ибн Ҳавқал харитасига кўра Суғд дарёси (Зарафшон, Қорасув) Харахаза қўлига куйилган, бу номда эса Қоракўл гидронимининг бузилган шакли сезилади. Айнан шу ном Птолемейнинг харитасида *Characharta* кўринишида учрайди. Бу маълумотлардан аён бўлиб турибдики, Бухоро вилояти худудида милоднинг бошларидаёқ эроний аҳоли билан бирга туркий тилли аҳоли ҳам яшаган ва бу қўл ўша пайтдаёқ туркча аталган. Ўрта асрларнинг куйи босқичларидаги хариталарда Суғд (Қоракўл) деб кўрсатилган дарёнинг номи Қоракўл каби қадимий ва милоднинг дастлабки асрларидаёқ Суғднинг туркий тилли аҳолиси томонидан қўлланган, деб фарз қилиш мумкин.

Ҳозирги вақтда дарё фақат куйи оқимида Зарафшон, юқори ва ўрта оқимларида эса Қорадарё деб аталади. Шуниси диққатга сазоворки, Қоракўл, Қорасув, Қорадарё гидронимлари асосида туркча *кара* - «қора» сўзи ётади. Самарқанддан куйироқда Зарафшоннинг ирмоқларидан бири Оқдарё деб юритилади. Хилма-хил ранглари (оқ, қора, қизил ва ҳоказо) аниқлаётган номлар тарихий топонимиянинг энг дастлабки босқичига мансуб, бунда *кара* - «қатта», «улкан», *ак* эса «қичик», «иккинчи» даражали маъноларни билдиради.

Самарқанд шаҳрининг номи Авестодаги *Zmār-kanta* - «ер остида пинҳон» ёки суғдча *Smāra-kanta* - «тошлар шаҳри» сўзларидан келиб чиққан. XI асрда шаҳар номи туркча «Семиз кент» («бой шаҳар») сўзларидан ясалган, деб ҳисобланарди. Афсонага кўра, Самарқанд номи унга асос солган яманлик подшоҳ Самар ибн Африкиш (Шамара ибн ал-Хорис) ёки туркий хон Самарнинг исмидан олинган. XIII аср Европа хариталарида *Samarcha* ёки Хазариядаги *Samarcan* шаҳри шаклида эслатилади. Ўрта асрларда Самар ёки Самур номи бошқа жойларда ҳам учрайди – Урал бўйи ғарбидаги дарё, Туркистондаги шаҳар (Самур), Эльбурс тоғларидаги дарё (Самур) ҳамда Сибирдаги Селенга дарёсининг ўнг ирмоғи (Самар ёки Самур). Бу дарёнинг номи (Самар суйи), шунингдек, бу худуддаги бошқа дарёнинг номлари (Ёйик, Ийик, Идил, Эртиш ва бошқалар) ҳам туркий сўзлардан келиб чиққан бўлса керак. Ушбу гидроним туркий этноним *субар* фонетик вариантлари – *суар, сумер, самар, савир, сабир, сибир* ва ҳоказолардан ясалган. Марказий Осиё, Урал ва Сибирдаги Урал-Олтой халқлари орасида учрайдиган *саман, шаман, самай, самар* этноними Олтой тил муштараклиги туфайли бу муҳитга қадимги замонларда жанубий худудлардан олиб келинган, деб ҳисобланади.

Ўрта асрларда Самарқандда шаҳар девори ёнидаги бир кўча (*ха'ит*) Кўсакон деб аталган, бу ном XV асрга оид вақф ҳужжатларида Кўсахо тарзида учрайди. Бу ном соқол-мўйловсиз эркакларни англатувчи «кўса» сўзидан олинган бўлиб, ушбу кўчада яшовчи эркакларнинг аксарисига «Кўса» лақаби берилган бўлса ажаб эмас.

Маълумки, танада тук бўлмаслиги шимолий ва шарқий халқларнинг ўзига хос жиҳатларидан бири ҳисобланади. Ўз даврида Геродот скиф ва савроматлар орасида *eparees* – “аёлсимон эркаклар” тоифаси борлигини қайд этиб ўтган, бу эса уларда тук қатлами йўқлигидан далолат беради. Юнон-лотин манбалари ҳам хунларни “аёлларга ўхшаш” деб аташган. Бу ўринда, шарқий турклар ҳақида гап бораётган бўлса, ажабмас. Бинобарин, Кўсакон маҳалласида Турк хоқонлиги даврига келиб, шу ерда жойлашиб қолган турклар яшаган бўлиши керак, кейинчалик бу аҳоли Исфижоб, Фороб, Тороз ва Қордардан келган одамлар ҳисобига кўпайиб борган. Самарқанд Қорахонийлар давлатининг пойтахтига айланган XI асрдан бошлаб эса бу ерга Болосоғун, Кошғар, Хўтан, Ёркенг ва Шарқий Туркистоннинг бошқа шаҳарларидан турклар оқиб келаверган. Улар орасидан илк туркий тилда ижод қилган шоир Аҳмад Югнакий етишиб чиққан. Охириги таджикотларга кўра, у XI-XII асрларда эмас, балки VIII асрнинг иккинчи ярми – IX асрнинг бошларида яшаган. Халифа Ҳорун ар-Рашиднинг (IX аср) турк хотини, халифа ал-Муътазимнинг онаси Морида келиб чиқиши Самарқанддан бўлган. Абу Ҳафс ан-Насафийнинг (XII аср) асарида келиб чиқиши турк шаҳарлари Исфижоб, Тороз ва Поробдан бўлган бир қатор самарқандлик олимлар ҳақида маълумотлар келтирилган.

Шундай қилиб, Самарқанд Суғдининг тарихий топонимиясини тарихий-лингвистик жиҳатдан таҳлил этиш бу ҳудудда туркий номлар энг қадимий номлардан бири эканлигини кўрсатади. Бу эса ўз навбатида, туркий элатлар мазкур ҳудудда маҳаллий ўтроқ аҳолининг узвий бир қисмини ташкил этган ҳолда олис ўтмишдан буён яшаб келганлигидан далолат беради.

XIII асрда Самарқандда зарб қилинган чигатой тангаларида туркий тилдаги ёзувлар мавжудлиги шуни кўрсатадики, ўша вақтда Самарқанд шаҳри ҳамда вилояти аҳолисининг муайян бир қисми туркий тилли одамлардан иборат бўлган, улар арабчани ҳам, форсчани ҳам билишмаган. Мазкур тангаларнинг аксарият қисми умумий аҳоли орасида бундай кишилар кўпчиликни ташкил этганидан хабар беради, ёзувлар эса туркий тилли халқнинг юксак даражада саводхон бўлгани белгисидир. Ёзув таркибиде қадимги туркий сўз борлиги XIII асрда Самарқанд туркларининг тили қадимги туркий тил ва Қорахонийлар даври тилининг меъёрларига ҳам анча яқин бўлганини кўрсатади.

XV асрда Амир Темур ва Темурийлар, XVI-XVII асрларда эса Шайбонийлар даврида эронлик хунармандлар Самарқанд ва Бухорода улкан меъморчилик иншоотларини барпо қилиш мақсадида ёппасига мажбуран кўчириб келтирилган. Бунинг натижасида Самарқанд шаҳри ва унинг атрофидаги этник вазият катта ўзгаришларга учради, бу эса маҳаллий аҳолининг туркий тилга ҳамда унинг келгуси ривожланишига муайян даражада таъсир кўрсатди. Шундан кейинги даврда туркий адабий тил араб ва форс тилларининг кучли таъсирига учради.

A MEDIEVAL COIN OF SAMARKAND

In 1896, V.V. Bartold examining coins stored at St. Petersburg University found 5 copper coins with Turkic-language inscriptions minted in 663/1264-65 in Samarkand. In 1941 a buried treasure of 43 similar silver plated copper dirhams minted in 663/1264-65 in Samarkand was found near the city. The coins belonged to the chisel of the Chagatai Khan Algu (reigned in 1260 - 1266) who was the son of Baydar and grandson of Chagatai.

The circular legend on the obverse as well as on the reverse of coins of this type contains final data on the Arabic language. ضرب هذا الدرهم ببلدة سمرقند بتاريخ شهر سنة ثلث وستين وستماية “The dirham was minted in the city of Samarkand one of the months of the year of six hundred and sixty-three”

Obverse. In the field – a three-line inscription:

سمرقند دا ايجلين تاشلين

Reverse. In the field – a three-line inscription (continuation of the inscription on the obverse):

الماغوجي يازوقلوغ بولغاي

The inscription on the obverse, which V.V. Bartold was unable to read in his time, was read in Turkic as *samarkand/da ichlayin/tashlayin* – “in Samarkand - inside and outside of it”. V.V. Bartold read the inscription on the reverse side as *الماغوجي يال و قلوغ بولغاي* - *йәлфәғүчи (älmägüchi) päk (üär, üäs) va külüg bulgäi* (one who does not take would not be a criminal), and Z.A. Alkhamova read it as *الماغوجي يال و قلوغ بولغاي* – *älmägüchi yäl va külüg bulgäi* (one who would not take would become a mercenary and slave). We believe that this inscription should be read as *الماغوجي يازوقلوغ بولغاي* – *älmägüchi yäzükluğ bulgäi* which in the Turkic means “one who does not take will be guilty”. The second word in the last sentence *يازوقلوغ yäzükluğ* also occurs in the monuments of the ancient Turkic writing in forms *jazuqluq* and *jazuqlur* with a value of “a sinner”, “guilty”.

The coins belong to the copper dirhams imposed by the Karakhanids but they were also minted during the reign of the Khorezmshakhs and the Mongols. The earliest coin of this type stored in the Hermitage refers to 474/1081-82 years.

Starting from the 30s of the 11th century until the second half of the 13th century, Central Asia as well as the entire Muslim world experienced the so-called “silver” crisis. Because of shortage of silver, coins were minted from copper and gold. It was at this time when the copper silver-plated dirhams were produced with forced currency rate, which replaced silver coins, and with “threatening” inscriptions. The coins of this type were minted only for internal circulation in Samarkand and its suburbs over approximately 30 years. Turkic-language coins of Samarkand referred to the state coinage and were minted in large quantities. During this period in Samarkand there were also minted copper silver-plated coins with Persian inscriptions of the same “threatening” content. Persian inscriptions are also found on some coins of the 15th – 16th centuries. On the coins of Amir Temur, along with the Arabic and Persian inscriptions, there are also found the Turkic and Mongolian ones.

All the legends about coins minted by the rulers of Central Asia starting from the Samanids up to the Shaybanids were written exclusively in the Arabic language. During the reign of the Karakhanids there was released only one coin with the inscription on *färsi* – a pious utterance on dirhams minted in Uzdzhand on behalf of Togrul-Khan Husayn ibn Hasan (12th century). Some legends on the Karakhanid coins are done not in the Arabic but the Uigur writing. The earliest of these coins are dated 384/994-95, and the latest - 472/1079-80. The coins with the Uigur inscriptions were minted both in East Turkestan and

Туркестане, так и в Средней Азии, в таких городах как Самарканд, Бухара, Кеш и др. Уйгурские надписи (имена и титулы) помещались не только на дирхемах, но и на фельсах, т.е. разменных монетах, предназначенных для мелкой торговли. Все это позволяет предполагать, что надписи эти были понятны не только узкому придворному кругу, но и более широким слоям населения Средней Азии.

Данные топонимических исследований позволяют предполагать, что тюрки с глубокой древности составляли часть местного населения Самаркандского Согда. Названия тюркского происхождения, распространенные на территории Средней Азии еще в глубокой древности, составляли значительную часть средневековой и продолжают составлять подавляющую часть современной топонимии этого региона. В эпоху раннего средневековья они составляли вторую по численности группу названий после топонимов восточноиранского происхождения, а в средние века – наиболее мощный слой топонимии Средней Азии, где многие города и селения имели по два названия: согдийское и тюркское.

Активное формирование западноиранской (персидской) топонимии на территории Средней Азии началось в период арабского завоевания. Именно в это время входят в употребление новые персидские топоформанты *-dех* и *-абад* со значением «селение», получившие распространение в Средней Азии вместе с новоперсидским языком (*фарси*) западно-иранского происхождения. К этому же времени относится и появление в Средней Азии топонимов с участием западно-иранских топоформантов *-ан*, *-кирд* (*-гирд*, *-джирд*), *-диза* (*-диз*), *-руд*, и *-стан* (*-истан*). Проникновение персов в Среднюю Азию можно датировать 21/642 г., когда войска Сасанидов потерпели поражение от арабов при Нихаванде, после чего персы были вынуждены отойти за Амударью.

Известно, что названия урочищ, т.е. географических объектов – гор, озер, рек и т.д., в отличие от названий населенных пунктов, характеризуются сильной устойчивостью. На карте Средней Азии греческого путешественника Василио Ватаче (1730 г.) река Зарафшан обозначена как река *караови* (*Carasui*), в нижнем течении которой на левом берегу находился город *каракол* (*Caracol*). Из этого следует, что в то время река Зарафшан была больше известна под тюркским названием Карасу, а в её нижнем течении находился город Каракуль. В основе топонима Каракуль, существующего до сих пор, лежит древний гидроним Каракул – «черное озеро». В X в. в области Бухары упоминается озеро Самджан (Самхваши, Аваза, Баргин-и Фарах), которое называлось также тюркскими Каракул и Дингиз. Согласно карте Ибн Хаукала, река Согда (Зарафшан, Карасу) впадала в озеро Харахаза, в названии которого прослеживается искаженная форма гидронима Каракул. Это же название упоминается на карте Птолемея в форме *Characharta*. Из этих данных следует, что в области Бухары еще в начале н.э. наряду с ираноязычным населением проживало тюркоязычное, и это озеро уже тогда имело тюркское название. Возможно, название реки Согда (Карасу), зафиксированное на позднесредневековой карте, было столь же древним, как и Каракул и употреблялось тюркоязычным населением Согда еще в первых веках н.э. В настоящее время название Зарафшан носит только нижнее течение реки, тогда как верхнее и среднее называются Карадарья. Примечательно, что в основе гидронимов Каракул, Карасу и Карадарья лежит тюркское слово *кара* – «черный». Один из рукавов реки Зарафшан ниже Самарканда называется Акдарья. Названия, обозначающие различные цвета (белый, черный, красный и т.д.), относятся к наиболее ранней исторической топонимии, в которой *кара* означает «большой», «великий», а *ак* – «малый», «второстепенный».

Название города Самарканд этимологизируется от авест. *Zmār-kanta* – «скрытый под землей» или согд. *Smāra-kanta* – «город камня». В XI в. считали, что название города происходит от тюркского Семизканд, что означает «густой город». По преданию, Самарканд был назван по имени основавшего

его йеменского царя Самара ибн Африкиша (Шамара ибн ал-Хариса) или тюркского хана по имени Самар. На европейских картах XIII в. упоминается город *Samarcha* или *Samargan* в Хазарии. Название Самар или Самур в средние века носили также река в западном Приуралье, город (Самур) в Туркестане, река в горах Эльбурса (Самур) и правый приток Селенги (Самар или Самур) в Сибири. Название этой реки (Самар суйи), также как и других рек этого региона (Йаик, Ийик, Идил, Эртиш и др.), скорее всего, тюркского происхождения. Этот гидроним этимологизируется от тюркского этнонима *субар* с фонетическими вариантами *суар*, *сумер*, *самар*, *савир*, *сабир*, *сибир* и др. Среди урало-алтайских народов Центральной Азии, Урала и Сибири встречается этноним *саман/шаман/самай/самар*, происхождение которого связывается с южными регионами, откуда он был занесен в их среду в глубокой древности алтайской языковой общностью.

В средние века в Самарканде была улица у стены (*ха'им*) Каусакан, которая упоминается в вакфном документе XV в. в форме Кусаха. Название это образовано от слова *куса*, которое относится к разряду прозваний, применяемых для описания внешности людей, в основном мужчин, без бороды и усов. Можно предполагать, что большинство жителей этой улицы имели прозвание Куса. Известно, что отсутствие растительности на теле является одной из характерных особенностей северных и восточных народов. Еще Геродот отмечал в составе скифов и савроматов категорию людей *енареес* – «женоподобных мужчин», что объяснялось отсутствием у них волосяного покрова. Греко-латинские источники также называли хуннов «женоподобными». В данном случае речь идет, скорее всего, о восточных тюрках. Следовательно, квартал Каусакан мог быть основан и населен именно тюрками, обосновавшимися здесь еще в эпоху Тюркского каганата, который впоследствии пополнялся за счет выходцев из Исфиджаба, Фараба, Тараза и Кардара, а, начиная с XI в., когда Самарканд стал столицей государства Караханидов, сюда стали стекаться тюрки из Баласагуна, Кашгара, Хотана, Йарканда и других городов Восточного Туркестана. Из их среды вышел самый ранний тюркоязычный поэт Ахмад ал-Йугнаки, который по последним данным, жил не в XI-XII вв., как предполагалось ранее, а во второй половине VIII – начале IX в. Родом из Самарканда была Марида – тюркская жена халифа Харуна ар-Рашида, мать халифа ал-Мувтасима (IX в.) В сочинении Абу Хафса ан-Насафи (XII в.) приводятся биографии целого ряда ученых, выходцев из городов тюрков Испиджаба, Тараза и Параба, живших в Самарканде.

Таким образом, историко-лингвистический анализ исторической топонимии Самаркандского Согда показывает, что тюркские названия являются одними из древнейших на этой территории, что в свою очередь, свидетельствует о том, что тюрки проживали здесь с глубокой древности, составляя часть местного оседлого населения.

Наличие тюркоязычной надписи на чагатайских монетах Самарканда XIII в. говорит о том, что определенную часть населения Самарканда и его области в то время составляли тюркоязычные жители, не владевшие ни арабским, ни персидским языками. Большое количество этих монет свидетельствует о том, что процент такого населения был довольно значительным, а надпись – о высоком уровне грамотности тюркоязычного населения. Наличие древнетюркского слова в составе надписи указывает на то, что в XIII в. язык тюрков Самарканда был еще близок к нормам древнетюркского языка и языка эпохи Караханидов.

В XV в. при Амуре Темуре и Темуридах, а в XVI – XVII вв. при Шайбанидах совершалось массовое принудительное переселение ремесленников из Ирана в Самарканд и Бухару с целью строительства грандиозных архитектурных сооружений. В результате этническая ситуация в Самарканде и его округе претерпела большие изменения, что оказало влияние и на дальнейшее развитие тюркского языка местного населения. В последующий период тюркский литературный язык подвергся сильной арабизации и иранизации.

in Central Asia, in cities such as Samarkand, Bukhara, Kesh, and others. Uigur inscriptions (names and titles) were placed not only in dirhams, but also on fells, i.e. petty cash meant for small-scale trading. All this suggests that these inscriptions were understood not only to a narrow circle of the court but also to a wider population of Central Asia.

The data from the toponymic studies suggest that the Turks from the ancient times were part of the local population of Samarkand Sogdiana. The names of Turkic origin spread on the territory of Central Asia in ancient times formed a significant part of the Middle-Age toponymy and continue to form the most of the present-day toponymy of this region. In the early Middle Ages they were the second largest group of names after the toponyms of Eastern Iranian origin, and in the Middle Ages – they were the most powerful layer of the toponymy in Central Asia, where many towns and villages had two names: the Sogdian and Turkic ones.

Active formation of the West Iranian (Persian) toponymy in the territory of Central Asia began during the Arab conquest. It was at this time when there started the use of new Persian topoformants - *deh* and - *abad* meaning “a village” widely spread in Central Asia along with the new-Persian language (*farsi*) of the West-Iranian origin. To this time in Central Asia also falls the appearance of toponyms with the West-Iranian topo-formants - *an* - *kird* (- *gird* - *dzhird*) - *disa* (- *diz*) - *rud*, and - *stan* (- *istan*). Penetration of the Persians into Central Asia can be dated 21/642, when the Sassanid troops were defeated by the Arabs in Nihavand, after which the Persians were forced to withdraw across the Amu Darya.

It is known that the names of tracts, i.e. geographical sites – mountains, lakes, rivers, etc., unlike the names of settlements, are characterized by strong resistance. The map of Central Asia made by the Greek traveler Vasilio Vatache (1730) defines the Zarafshan river as the river *καρασουι* (Carasui), the lower current of which at the left bank had the city of *καρακολ* (Caracol). It follows that at that time the river Zarafshan was better known under the Turkic name Karasu, and in its lower reaches was a town Karakul. At the heart of the toponym Karakul, existing until now, lies the ancient hydronym Karakul – “a black lake”. In the 10th century the Bukhara region is mentioned to have the Lake Samdzhan (Sam-hvash, Avaza, Bargin and Farah), which was also known as Turkic Karakul and Dingiz. According to the map by Ibn Khaukal the River of Sogd (Zarafshan, Karasu) flowed into the lake Kharakhaza, whose name traces the distorted form of the hydronym Karakul. The same name is mentioned on the map by Ptolemy in the form *Characharta*. These data indicate that in the region of Bukhara in the early AD along with the Iranian-speaking population there also lived the Turkic-speaking population, and this lake even then had its Turkic name. Perhaps we can assume that the name of the river Sogd (Karasu), recorded in later medieval map, was as old as the Karakul and the Turkic people of Sogd used it even in the first centuries AD. At present, the name Zarafshan belong only to the lower reaches of the river, while the upper and middle currents are called Karadarya. It is noteworthy that the basis of hydronyms Karakul, Karasu and Karadarya carry the Turkic word *kara* – “black”. One of the branches of the river Zarafshan below Samarkand is called Ak-Darya. The names used to distinguish different colors (white, black, red, etc.) belong to the earliest historical toponymy, in which *kara* means “big”, “great”, and *ak* – “small”, “minor”.

The name of the city of Samarkand is etymologized from the Avesta *Zmār-kanta* – “hidden under the earth” or Sogdian *Smāra-kanta* – “a city of stone”. In the 11th century it was believed that the name comes from the Turkic *Semizkand* which means “fertile city”. According to legends, Samarkand was named after the Yemeni king Samar ibn Afrikish (Shamar ibn al-Kharith) who founded the city, or after the Turkic khan called Sa-

mar. The European maps of the 13th century mention the city or Samarcha or Samarcan in Khazaria. The name Samar or Samur in the Middle Ages also belonged to a river in the western Urals, the city (Samur) in Turkestan, a river in the mountains of Elbrus (Samur) and a right tributary of the Selenga (Samar and Samur) in Siberia. The name of this river (Samar suyi), as well as of other rivers in the region (Yaik, Iyik, Idil, Ertish, etc.), is most likely of the Turkic origin. This hydronym is etymologized from the Turkic ethnonym *subar* with phonetic variants *suar*, *soumer*, *samar*, *savir*, *sabir*, *sibir* and others. Among the Ural-Altai peoples of Central Asia, Urals and Siberia we can meet the ethnonym *saman/shaman/camai/samar*, whose origin is associated with the southern regions from where it was imported into their environment in ancient times by the Altaic linguistic community.

In medieval Samarkand there was a street near the wall (*ha'it*) Kausakan which was mentioned in the vakf document of the 15th century in the form of *Kusakha*. The name derives from the word *kusa* which belongs to the category of epithets used to describe the appearance of people, mostly men without beards and mustaches. We can assume that most residents of the street had a nickname Kusa. It is known that the lack of vegetation on the body is one of the characteristics of the northern and eastern peoples. Even Herodotus differed among the Scythians and Sauromates the category of people *enarees* – “effeminate men” owing to their lack of hair. The Greek-Latin sources also called the Huns “effeminate”. In this case, most likely it is about the eastern Turks. Consequently, the quarter Kausakan could be established and populated by the Turks who settled here as early as the era of the Turkic Kaganate, which was later replenished by immigrants from Isfidzhab, Farab, Taraz and Kardar, but since the 11th century, when Samarkand became the capital of the state of the Karakhanids, here began to flock the Turks from Balasagun, Kashgar, Khotan, Yarkanda and other cities of Eastern Turkestan. The earliest Turkic-language poet Akhmad al-Yugnaki, who according to the latest data lived not in the 11th - 12th centuries as was assumed earlier but in the late 8th - early 9th centuries, also comes from these places. Also Marida, a Turkic wife of the caliph Kharun ar-Rashid and the mother of the caliph al-Muvtasim (9th century), was from Samarkand. The book by Abu Khavs an-Nasafy (12th century) provides biographies of a number of scientists who originated from the towns of the Turkis such as Ispidzhab, Taraz and Parab, who lived in Samarkand.

Thus, the historical and linguistic analysis of the historical toponymy of Samarkand Sogd shows that the Turkic names are among the oldest in the territory, which, in turn, suggests that the Turks have lived here since ancient times, forming a part of the local settled population.

Presence of Turkic inscriptions on the Chagatai coins of Samarkand of the 13th century suggests that a certain portion of the population of Samarkand and its region at that time was formed by the Turkic-speaking residents who possessed neither Arabian nor Persian literacy. A large number of these coins shows that the percentage of such population was quite significant, and the inscription testifies to a high level of literacy among the Turkic-speaking population. Presence of an ancient Turkic word in the inscription indicates that in the 13th century the Turkic language in Samarkand was still close to the norms of the ancient Turkic language and the language of the era of the Karakhanids.

In the 15th century during the rule of Amir Temur and the Temurids, and in the 16th - 17th centuries during the reign of the Shaybanids there were carried out mass forced relocation of artisans from Iran to Samarkand and Bukhara to construction of the grand architectural complexes. As a result, the ethnic situation in Samarkand and its district has undergone great changes that had an impact on the further development of the Turkic language of the local population. Thereafter, the Turkic literary language has undergone sufficient Arabization and Iranization.

ҚОРАҚҮЛ ЁДГОРЛИКЛАРИ

Қорёғду ЖУМАЕВ

Қоракўл Республикамизнинг жанубида, Қизилкум ва Қорақум саҳролари туташган ҳудудда, Зарафшон дарёси куйи оқимида жойлашган.

Қадимда Қоракўл ҳудудидаги Замонбобо мавзеси, Пойкент, Кичиктузкон, Каттатузкон, Одилкудук, Қурбонбой, Раҳматбобо, Эчкиқирон, Оқрабод, Нарғизқалъа ва Хатар деган жойларда одамлар гавжум яшаган.

Замонбободан топилган милоддан аввалги II-I минг йилликларга оид археологик топилмалар орасида аёл ҳайкалча, ховонча дасталари, олтин мунчоқ, қимматбаҳо тош – ложувард, ҳар хил ибтидоий қуроллар, жездан ишланган пардоз-андоз буюмлари мавжуд.

Тарихга “Замонбобо маданияти” номи билан кирган ушбу маскан бронза даври уруғ жамоасининг маданияти бўлиб, бу ердан иккита ярим ертўла шаклидаги чайла-уй, кулолчилик ҳумдони ва 43 та қабр топилган. Бу эса жамоанинг деҳқончилик, чорвачилик ва хунармандчилик билан шуғулланганини англатади. Қабристондан Бадахшон тошидан ишланган мунчоқлар, Жанубий Туркمانистон қабилалари сопол идишлари ва бошқа буюмлар топилгани Замонбобода яшаган қабилаларнинг кўшни қабилалар билан иқтисодий ва маданий алоқада бўлганлигини кўрсатади.

Қоракўлнинг яна бир қадимий ёдгорлиги Пойкент ёки Бойкент шаҳридир. Машҳур тарихчи Муҳаммад Наршахий у ҳақда шундай деб ёзади: “Бойкентни шаҳарлар жумласидан деб ҳисоблайдилар. У Бухородан қадимийроқдир...”

Пойкентнинг тарихи 2500 йилдан зиёд бўлиб, унинг арки ва иккита шаҳристони мустаҳкам қалъа девори билан ўралган. 20 гектарли майдонга эга шаҳар сунъий тепалик устида жойлашган. Шаҳар деворининг ташқарисида кенг ва чуқур зовур қазилиб, ундан кўтарма кўприклар орқали ўтилган. Хукмдор жойлашган 3 гектарли арк шаҳристондан 5-7 метр баландроқда қурилган. Шаҳристон эса маҳаллаларга бўлинган, савдогарлар ва хунармандлар яшаган уйлар ҳашаматли қилиб қурилган. Шаҳарда шиша идишлар, сопол буюмлар тайёрлайдиган устахоналар, дорихоналар мавжуд бўлган. Шунингдек, қадимги ибодатхона, VIII асрда барпо қилинган илк масжид, IX асрда қурилган миноранинг курси қисми, X аср тош қудуғи шаҳарнинг бой ўтмишидан дарак беради.

Қоракўлнинг яна бир тарихий обидаси Чибирдон ота – Шоҳ Абдурахмон вали мақбараси комплекси ҳам Ўрта Осиё меъморчилигининг ноёб намуналари сирасига қиради.

Шоҳ Абдурахмон вали мақбараси баланд қум тепалиги устида барпо қилинган бўлиб, у икки қисмдан: ер остида жойлашган гўрхона ва унинг устки қисмида қурилган ягона гумбазли зиёратхонадан иборат. Зиёратхонага тўртала томондан ҳам эшик мавжуд бўлиб, бинодаги марказий пештоқ мрамор тошлар, нақшлар ва қуфий ёзувидаги эпиграфика билан безатилган. Уларда тарихнинг сирли саҳифалари битилган бўлса ажаб эмас.

Саккиз бурчакли мақбара XI асрнинг бошларида қурилган. Мақбаранинг кўриниши, Сомонийлар даврига хос (22x22x35 см ли) квадрат пишиқ ғиштлари, ўзига хос конструкцияси, композицион тузилиши, чўзинчоқ гумбази, сал оғирроқ ва баландроқ қурилган пештоқи унинг

қадимийлигидан хабар бериб турибди. Мақбара ташқи томонидан ортиқча безакка эга эмас. Энг аввало, қурилиш вазифасини бажарган ғишт, турли хил ҳолатдаги териш услуби билан ташқи фасаднинг беағи вазифасини ҳам ўтаган.

Бино композицияси оддий: ҳар томони 2,65 метрли саккиз томонли, саккиз бурчакли бўлиб, диаметри 6,4 метрли гумбаз билан ёпилган. Гумбазнинг юқорисидан 1,4 метр диаметрга эга туйнук мақбара ичкарасини ёритишга хизмат қилган. Бундан ташқари, мақбара ичкарасини учта тободони – панжара ёритиб туради. Марказий пештоқ тепаси ҳамда шарқ ва жануб томонларда жойлашган панжаралар терракотадан ясалган.

Мақбаранинг яна бир ўзига хос жиҳати шундаки, бино деворининг ташқи томонидан баландлиги 2 м келадиган қисмининг квадрат юза қисми ташқарига қаратиб ғиштдан 9 қатор қилиб терилганидир. Бундай услуб Ўрта Осиё ва Эронда IX-X асрларда ҳам ғишт ва паҳсадан қурилган ёдгорликларнинг улкан устунларининг атрофини қоплашда ишлатилган. Булар Эроннинг Дамғон шаҳридаги Тархон ва Ҳазорадаги Дегарон мачитларида учрайди. Саккиз бурчакли мақбаралар Ўрта Осиё меъморчилигида IX-XI асрларда ҳам ғиштдан, паҳсадан, гумбази пишиқ ғиштдан бажарилган. Шундай ёдгорликлар сирасига Сурхондарё вилоятида Сурхон дарёсининг чап қирғоғига қурилган Тўртоғиз мақбараси, Ангар туманидаги Хўжа Рўшнои мақбараси, Кўҳна Урганчдаги Тўрабек хоним мақбаралари қиради.

Чибирдон ота ёки Ширбурдон ота мақбараси эса чорвадорлар пири, авлиё Ширбурдон ота шарафига Соҳибқирон Амир Темур даврида, XIV-XV асрларда қурилган. Ёдгорлик учта хонадан: хонақоҳ, чиллахона ва гўрхонадан иборат.

Мақбаранинг пештоқ қисми ўзидан шарқ томонда жойлашган саккиз бурчакли мақбарага қараб туради. Пештоқ юқори қисмида бешта равоқчалар, икки бурчагида минорасимон гулдасталар қурилган. Бинонинг ўлчови 14,5x10,5 м ҳажмдаги ғарб-шарқ қизиги бўйлаб чўзилган иншоотдир. Бинонинг баланд гумбазли хонақоҳи диаметри 10 м келадиган сферик гумбаз билан равоқлар устига саккиз бурчак ҳосил қилиб жойлаштирилган. Мақбаранинг гўрхона ва чиллахоналари диаметри 4 м ҳажмдаги пастрок қилиб қурилган гумбазлар билан ёпилган. Гўрхонадаги қабрлар устига терилган ҳам ғишт ҳисобига ердан бир оз кўтарилган. Бу ғиштлар 33x21x17 см ҳажмда бўлиб, гўрларнинг ер ости қисмига ҳам терилган. Марҳумларни бундай қабрларга дафн қилиш Марказий Осиёда X-XI асрларда урф бўлган. Гўрхонанинг дастлаб тўртта эшиги бўлган. Шимолий ва жанубий деворлардаги эшиклар бир-бирига симметрик жойлашган бўлиб, ғарбий деворда эса иккита бир хил ўлчамли эшиклар бўлган.

Бино девори остидаги пойдевор қуйидаги тартибда жойлашган: қаттиқ қум қатлами устига қалин лой ётқизилган, устидан тиккасига икки қатор квадрат ғишт терилган, унинг устидан қалин қатлами ётқизилиб, устидан ғишт терилган. Бино ёнида қазилма ишлари олиб борилганда 1428-29 йилларда Бухорода зарб қилинган танга топилган. Бино ўзининг ташқи кўринишига кўра Бухородаги Сайфиддин Боҳарзий мақбарасига ўхшаб кетади. Аммо Чибирдон ота мақбарасининг пештоқи анча паст эканлиги, унинг XIV аср II ярмида қурилганидан дарак беради.

Чибирдон ота мақбаралар мажмуаси таниқли қадимшунос олим Яхё Фуломов экспедицияси томони-

дан 1951 йилда аниқланган. Шу экспедициянинг аъзоси бўлган меъмор В.В.Нильсен макбараларнинг меъморий ўлчовлари ва қурилиш услубини тадқиқ қилиб, саккиз бурчакли макбарани XI асрга, уч хонали хонақоҳни XIV

ПАМЯТНИКИ КАРАКУЛЯ

Каракуль расположен на юге нашей республики, между Кызылкумскими и Каракумскими степями, в пойме реки Зерафшан.

Издавна каракульские местности Замонбобо, Пайкент, Кичиктузкон, Каттагузгон, Одилкудук, Курбонбой, Рахматбобо, Эчкикирон, Окрабад, Наргизкала, Хатар были густо заселены.

Среди археологических находок в Замонбобо II-I тысячелетий до н.э. есть женская фигурка, пестики ступок, золотое ожерелье, лазурит, различные религиозные принадлежности, изделия из меди.

На этой территории, вошедшей в историю под названием «Культура Замонбобо», найдены два дома-шалаша в форме полуподвалов, керамический кувшин и 43 захоронения культуры родовых коллективов бронзового периода. Это свидетельствует о том, что люди здесь занимались земледелием, разведением скота, ремесленничеством. Найденные в захоронениях ожерелья из бадахшанского камня – лазурита, керамическая посуда и другие изделия, характерные для родов Южного Туркменистана, указывают на экономические и культурные связи племен в Замонбобо с соседними племенами.

Города Пайкент и Байкент – это тоже древние памятники Каракуля. Известный историк Мухаммад Наршахи пишет: «Байкент считается городом. Он древнее Бухары...».

История Пайкента насчитывает более 2,5 тысячелетий, арк и два городских укрепления окружены прочными крепостными стенами. Город площадью 20 гектаров расположен на искусственном холме. За городскими крепостными стенами вырыт глубокий ров, въезд в город осуществлялся по подъемным мостам. Арк правителя города занимал 3 гектара и был расположен выше других построек на 5-7 метров. Территория была разделена на махалли, в которых были прочные дома торговцев и ремесленников. В городе размещались мастерские по производству стекла, керамических изделий, аптеки. О богатом прошлом города свидетельствуют древняя молельня, первая мечеть, построенная в VIII в., основание минарета IX в., каменный колодец X в.

Еще один исторический памятник Каракуля - Чибирдон ота - комплекс мавзолея Шоха Абдурахмона Вали также причисляется к уникальным образцам зодчества Средней Азии.

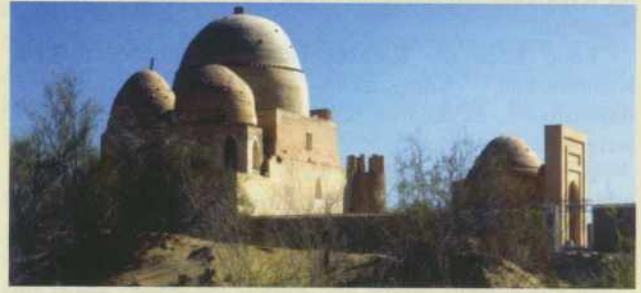
Мавзолей Шоха Абдурахмона Вали возведен на высокой песчаной насыпи и состоит из двух частей: захоронение в подвальной части и однокупольная молельня в верхней части. В четырех сторонах молельни двери, центральный портал оформлен мрамором, узорами и эпиграфикой, выполненной методом куфи. Вполне вероятно, что в ней содержатся хранящие тайну страницы истории.

Восьмиугольный мавзолей построен в начале XI в. О его древности свидетельствуют своеобразный внешний вид, присущие эпохе саманидов квадратные жженые кирпичи (22x22x35 см), конструкция, композиционное решение, вытянутый купол, несколько тяжеловатый и расположенный довольно высоко портал. С внешней стороны стены мавзолея не оформлены. Украшением фасада служили сами кирпичи и разнообразие их кладки.

Композиция построения проста: восемь стен по 2,65 м длиной, диаметр завершается 6,4 метровым куполом. Отверстие диаметром 1,4 метра в верхней части купола и три решетки служили для внутреннего освещения мавзолея, а

асрга тааллукли деб хулоса беради.

Ҳозирги кунда ёдгорликлар хашар йўли билан таъмирланиб, сайёҳларни қабул қиладиган мажмуа қурилиши олиб борилмоқда.

решетки на портале восточной и южной сторон мавзолея выполнены из терракоты.

Еще одно своеобразие мавзолея – внешняя сторона квадратной плоской части стены выполнена из кирпичей, выложенных в 9 рядов. Такой метод применялся в Средней Азии и Иране в IX-X веках для облицовки больших колонн из кирпича и пахсы. Они применены в мечетях Тархон и Дегарон в иранских городах Дамгон и Хазор. Восьмиугольные мечети в Средней Азии в IX-XI вв. строились из кирпича, пахсы, а их купола – из жженого кирпича. К мавзолеям такого типа можно отнести мавзолей Туртогиз, что на левом берегу реки Сурхан в Сурхандарьинской области, мавзолей Хужа Рушюн в Ангарском районе, мавзолей Турабек хоним в древнем Ургенче.

Мавзолей Чибирдон ота, или Ширбурдон ота построен в честь святого Ширбурдона в эпоху Амира Темура. Памятник имеет три помещения: молельня, чиллахона и захоронение.

Портальная часть направлена в сторону восьмиугольного мавзолея, расположенного в восточной стороне. В верхней её части пять арок, по двум углам – узоры цветов, вытянутых в форме минарета. Размеры расположенного по западно-восточной линии сооружения – 14,5x10,5 метра. Высокая молельня завершается сферическим куполом диаметром 10 м, установленная на нише и таким образом образует восемь углов. Захоронение и чиллахона мавзолея завершаются расположенными ниже куполами диаметром по 4 метра. Поверхность захоронений выложена кирпичом-сырцом и потому они несколько возвышаются над землей. Размеры кирпича – 33x21x17 см, таким кирпичом выложена и нижняя часть захоронений. По такому методу хоронили в Центральной Азии в X-XI вв. Двери в стенах с северной и южной стороны расположены симметрично, а в западной стене две двери одинакового размера.

Основание стен выполнено следующим образом: на прочный слой песка выложен толстый слой глины, поверх нее стояком выложены два ряда квадратных кирпичей, на них положен слой камыша, а сверху вновь выложен кирпич. В ходе раскопок рядом с сооружением были найдены монеты, отчеканенные в Бухаре в 1428-29 годах. По внешнему облику сооружение схоже с мавзолеем Сайфиддина Бохарзи в Бухаре. Но довольно низкое расположение портала мавзолея Чибирдон ота свидетельствует о том, что оно построено во второй половине XIV в.

Комплекс мавзолеев Чибирдон ота был открыт в 1951 г. экспедицией известного ученого-археолога Яхъё Гулямова. Член экспедиции архитектор В.В.Нильсен исследовал масштабы и методы возведения мавзолеев и пришел к выводу, что восьмиугольный мавзолей относится к XI в., молельня с тремя помещениями – к XIV в.

В настоящее время эти памятники реконструируются методом хашара, ведется строительство комплекса для приема туристов.

MONUMENTS OF KARAKUL

Karakul is located in the south of our republic, between the Kyzylkum and Karakum steppes, in the valley of the river Zeravshan.

Long since the Karakul lands Zamonbobo, Paikent, Kichiktuzkon, Kattakuzkon, Odilkuduk, Kurbonboi, Rahmatbobo, Echkikiron, Okrabad, Nargizkala, and Hatar were densely populated.

Among the archeological finds discovered in Zamonbobo of the 2nd-1st millennia B.C. there also were a female statuette, pestles of mortars, a gold necklace, lazurite, various religious accessories, and things made of copper.

In this territory which has become the history under the name "the culture of Zamonbobo", there have been found two houses-tents in the form of semi-basements, a ceramic jug and 43 burial places of the culture of patrimonial communities of the bronze period. It proved that people here were engaged in agriculture, cattle-breeding, and workmanship. The necklaces made of the Badakhshan stone – lazurite, ceramic dishes and other products found in the burial places and characteristic for the tribes of the Southern Turkmenistan indicate economic and cultural relations of the tribes in Zamonbobo with the neighboring tribes.

The cities of Paikent and Baikent are also ancient monuments of Karakul. A well-known historian Mukhammad Nurshahi writes: "Baikent is thought to be a city. It is much older than Bukhara ...".

The history of Paikent lasts for more than 2.5 millennia, the arq and two city fortifications are surrounded with strong and safe fortification walls. The city with the area of 20 hectares is located on an artificial hill. A deep ditch is dug behind the city fortification walls, so the people could get to the city on drawbridges. The arq of the governor of the city occupied 3 hectares and was located 5-7 meters higher than the other constructions. The territory was divided into several makhallyas inhabited by safe houses of traders and handicraftsmen. The workshops for manufacturing glass, pottery, as well as drugstores were placed in the city. The rich past of the city can be attested by the ancient chapel, the first mosque constructed in the 8th century, the basis of the minaret built in the 9th century, and a stone-well of the 10th century.

Another historical monument of Karakul – Chibiridon-ota – a complex of the mausoleum of Shokh Abdurakhmon Vali is also considered a unique sample of architecture of Central Asia.

The mausoleum of Shokh Abdurakhmon Vali is built on a high sandy embankment and consists of two parts: a burial place in its basement part and a one-dome chapel in its upper part. The doors in four sides of the chapel, the central portal are decorated with marble stones, patterns and epigraphic performed in the method kufi. It is quite probable that it contains the pages of history storing some secrets.

The octagonal mausoleum was constructed in the beginning of the 11th century. Its antiquity can be proved by its original appearance inherent into the epoch of the Samanids as well as square burnt bricks (22x22x35cm), its design, the composite decision, the extended dome, its portal rather tough and high-located. The external sides of the walls of the mausoleum are not decorated at all. The only decoration of the external façade were bricks and variety of methods of their laying.

The composition of the construction is rather simple: eight walls 2,65m high, and the diameter ends with a 6,4-meter dome. An aperture with the diameter of 1,4 meters in the upper part of the dome and three lattices served for inner illumination of the mausoleum, while the lattices on the portal in the eastern and

southern sides of the mausoleum are made from terracotta.

Another peculiarity of the mausoleum is that its external side of a square flat part of the wall is performed from bricks arranged in 9 rows. Such method was applied in Central Asia and Iran in the 9th-10th centuries to the facing of the greater columns made of bricks and pakhsa. They were used in the mosques of Tarkhon and Degaron in the Iranian cities of Damgon and Khazor. The octagonal mosques in Central Asia in the 9th-11th centuries were built from bricks and pakhsa, and their domes – from burnt bricks. The mausoleum of Turtogiz at the left coast of the river Surkhan in the Surkhan-Darya region, the mausoleum of Khudja Rushnon in the Angarsk region, as well as the mausoleum of Turabek-khonim in ancient Urgench can refer to the mausoleums of such type.

The Mausoleum of Chibiridon-ota, or Shirburdon-ota is constructed in honor of the saint Shirburdon during Amir Temur's epoch. The monument has three facilities: a chapel, a chillyakhona and a burial place.

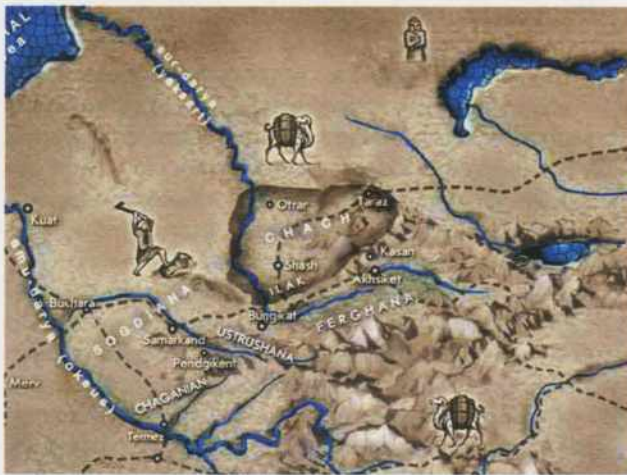
The portal part is directed aside to the octagonal mausoleum located in east. Its upper part has five arches, at two corners there are patterns of flowers stretched in forms of minarets. The sizes of the construction located on the west-east line are 14,5x10,5 meters. A high chapel ends with a spherical dome with the 10m-diameter supported by a niche and thus forms the eight corners. The burial place and chillyakhona of the mausoleum are completed with lower-located domes of 4-meter diameter. The surface of the burial places is laid out with adobe brick and therefore they tower a little above the ground. The sizes of bricks are 33x21x17cm, the same sized bricks were used to pave the bottom part of the burial places. That was a method for burying people in Central Asia in the 10th-11th centuries. The doors in the walls on the northern and southern sides are symmetrically located, and two doors in the western wall are of the identical size.

The basis of walls is performed as follows: a thick layer of clay is laid on a strong layer of sand, atop of it there are two rows of square bricks, then atop of it all there is put a layer of cane, and finally there comes the brick again. During the excavation works near the construction there were found some coins that were minted in Bukhara in 1428-29. The outer appearance of the construction is pretty similar to that of the mausoleum of Saifiddin Bokharzi in Bukhara. But a rather lower location of the portal in the mausoleum Chibiridon-ota tells that it was built in the second half of the 14th century.

The complex of mausoleums of Chibiridon-ota was opened in 1951 by the expedition of a known scientist-archeologist Yahhyo Gulyamov. A member of the expedition, architect V.V.Nilsen had examined the scales and methods of erection of the mausoleums and made a conclusion that the octagonal mausoleum dates back to the 11th century, whereas the chapel with three premises dates back to the 14th century.

At present these monuments are being reconstructed with a method khashar, there are also carried out construction works of the complex for tourists.

КУШОН ВА ҚАНҒ ДАВЛАТЛАРИ МУНОСАБАТЛАРИ

Асхат БИЙКУЗИЕВ

Ўрта Осиё даштларида мил. авв. II асрга келиб ижтимоий-сиёсий вазият ўзгарди. Хуннлар сикуви остида юе-чжи қабилалари икки дарё оралиғига кириб келдилар. Мил.авв. 140-130 йилларда улар Юнон-Бактрияни босиб олдилар. Лекин кўп ўтмай юе-чжилар қабилавий иттифоқи 5 мустақил князлик: Хюми, Шуанми, Гуйшуан, Хэйтун, Гаофу қабилаларига бўлиниб кетди. Милодий I асрга келиб Гуйшуан (Кушон) кучайиб, бошқа тўрт князликни ўзига бўйсундирди. Шу тариқа Ўрта Осиёнинг жанубида Кушонлар давлати юзага келди. Бу давлатга Гуйшуанлар ябғуси Кудзула Кадфиз асос солган эди.

Тарихдан маълумки, мил. I-II асрларга келиб Ўрта Осиёда юзага келган Кушон давлати худудий жиҳатдан Марказий ва Шимолий Ҳиндистон, Шимоли-шарқий Эрон, Ўрта Осиёнинг жанубий сарҳадларигача ўз назоратини ўрнатган эди. Кушон – Қанғ давлатларининг чегаралари борасида ҳар хил фикрлар мавжуд. Қанғ жанубий-шарқда Довон давлати билан чегарадош бўлган, қадимги Хитой солномаларида: «Довондан 2000 ли шимолий-ғарбда жойлашган», деб айтиб ўтилган. Б.А.Литвинский, В.М.Мак Говерн ва В.В.Тарнлар фикрича, қанғлар юе-чжилар ортидан силжиб, Суғдиёнанинг ғарбий қисмида ўз назоратларини ўрнатган эдилар. Қанғликларнинг этник кўриниши ҳақида маълумотлар жуда кам. И.Я.Бичурин уларни Хитой манбаларига таяниб, қанғликлар яньцайликларга ўхшашлигини таъкидлайди. Яньцай худуди эса Орол денгизи бўйидаги ўлка эканлиги, унинг Қанғ давлатига қарамлиги айтиб ўтилади.

Қанғ давлати мил. авв. III асрда Сирдарёнинг ўрта қисмида юзага келди. Аҳолисининг катта қисми кўчманчи саклардан иборат бўлиб, чорвачилик билан шуғулланар эдилар. Ю.Ф.Буряков ва Б.А.Литвинскийларнинг фикрига кўра, Қанғ давлатининг пойтахти ҳозирги Тошкент вилояти Оккўрғон туманида жойлашган қадимги Қанқа шаҳри ҳисобланади. Бу давлатнинг таркибига Тошкент вилояти, жанубий Қозоғистон, Суғд ва Хоразм кирган. Мил. авв. I – мил. I асрларда қанғликлар Хан империясининг Ўрта Осиёга кириб келишига қаршилик қилган ягона давлат эди.

Кучсизланиб қолган хуннлар эса, хитойликларга қарши узок муддат қаршилик кўрсатгандан кейин Осиёнинг ғарбига қараб силжишга мажбур бўлдилар. Кушонлар империяси пайдо бўлгунига қадар Қанғ давлати Довонга (Фарғона) хитойликларга қарши курашишда ёрдам берди. Довон давлати Қанғ ва Хитой ўртасидаги буфер давлат ҳисобланган. Аммо Довон ўз мустақиллигини йўқотмаган эди. Кушон, Қанғ ва Хан давлатлари ўртасида савдо алоқалари ривожланиб борган.

Хан империясининг пайдо бўлиши қадимги Хитойни ягона миллатга бирлашуви учун замин яратган. Хан давлати атрофида йирик кўчманчи қабилавий иттифоқлар ва давлатлар мавжуд эди. Улар Хан империяси тинчлигига хавф соларди. Қадимги хитойликларнинг қўшни халқлар билан алоқалари эгоцентризм асосида бўлиб, атрофдаги халқларни камситиш ва уларга варварона муносабат хитойликлар учун одатга айланган эди. Хитойга бўйсуннишни истамаган халқлар жинойтчи саналган.

Геосиёсий таъсир доираларини белгилашда Кушонлар эллин ва маҳаллий анъаналар асосида юзага келган бошқарув тизимидан унумли фойдалана билганлар. Жумладан, Кушонлар ҳинд-сак ва парфияликларнинг сатрапликларга бўлиб бошқариш тизимидан андоза олдилар. Суғдиёналиклар ва саклар ўртасидаги чегараларни Эротосфен ва Страбон Яксарт дарёси билан белгилайди. Окс дарёси эса, Суғдиёна билан Бактрия учун чегара бўлганини таъкидлайди. Аммо қадимги Хитой манбаларида Бактриянинг шимолий чегаралари Гуйшуй (Амударё) дарёсидан шимолга қадар чўзилгани айтиб ўтилади. Демак, ўлкадаги сиёсий шароитга қараб Бактриянинг чегаралари ўзгариб турган. Мил. авв. II асрнинг 30-йилларида юе-чжилар Сурхондарё бўйларидаги ерларга ўрнашган эди.

Катта юе-чжиларни Шимолий Бактрияга кўчиб келишларидан олдин Амударёдан шимолда ва Суғдиёнанинг жанубида қанча муддат яшаганлари ёзма манбаларда аниқ кўрсатилмаган. Аммо Кушонлар империяси даврида Бактрия шимолда мустақкам плацдарм вазифасини бажаргани маълум. Кушонлар Ҳиндистон ва Шарқий Эрондаги вазиятни ўз қўлларига олишлари учун шимолдаги чегаралари мустақкамлигига ишонганлар.

Мил. I-II асрларгача Суғдиёнанинг катта қисми қанғлар таъсирида эди. Лекин Кушон подшоси Канишка I (78-123) даврига келиб, қанғларнинг Суғдиёнага таъсири сусайган. Буни биз Хитой манбаларидан биламиз. Мил. 85 йили Шарқий Туркистондаги Хан империясининг ноиб Бан Чао (32-102) Қанғнинг Ғарбий Ўлкадаги таъсирини сусайтириш мақсадида кушонларга элчи юбориб, улардан қанғликларга босим ўтказишни илтимос қилади. Кушонлар талаби билан қанғликлар Ғарбий Ўлкадан кўшинларини олиб чиққанлар. Демак, мил. I аср охирида Қанғ кўчманчи конфедерал давлати Суғдиёна каби буфер худуд таъсиридан ажрала бошлаган. Лекин кушонлар милодий 90 йили Бан Чаога қарши юриш қилиб мағлубиятга учрагач, кўшинларини Шарқий Туркистондан Помир тоғлари орқали олиб чиқиб кетдилар. Бу қанғликларнинг Суғдиёна устидан бутунлай назоратни йўқотмаганини билдиради.

Кушонлар кўчманчи бўлган пайтларидаёқ ўзларининг дастлабки давлат бошқарув тизимига эга эдилар. Хитой манбаларида Кушон ва Қанғ давлатларидаги ижтимоий-иктисодий шароит хуннларники билан ўхшаш деб

таъкидланиши – бу муаммога бир ёклама караш саналади. Зеро, Кушон ва Қанғ давлатларида шаҳарларнинг мавжудлиги уларнинг тўлик кўчманчилар ўзагидаги давлат эмаслигидан далолат беради.

Мил. I-II асрларда Ўрта Осиёдаги сиёсий шароит муқим эмас эди. Дастлаб хуннлар асосий душман саналган. Кушонлар Хан империясининг Шарқий Туркистондаги сиёсатига мил. I асрнинг ўрталарида эътиборсизлик билан қараганлар. Қанғ эса, Шарқий Туркистоннинг ғарбий қисмидаги таъсир доирасидан ажрала бошлади. Олдин бу ерлар, хусусан, қанғларнинг ўзлари ҳам хуннларга бўйсунар эди. Усун қабилалари Хан ва Хунн давлатлари ўртасида оғмачилик сиёсатини юргизиб, ўзларининг сиёсий мустақиллигини сақлаб қолишга интилар эди.

Мил. I асрнинг иккинчи ярмида Бан Чао Шарқий хуннларнинг Туркистондаги таянч нуқтаси бўлган Аксу давлатига қарши қанғларни ҳам жалб эта олган. Мил. 91 йили 70 минг кишилик қўшинга эга бўлган Бан Чао Ўрта Осиё худудларига ҳам хавф сола бошлаган.

Шу йили шимолий хуннлар ҳам тор-мор келтирилиб, Ўрта Осиёнинг шимоли-шарқий чегараларига (тахминан, Қанғ давлатининг шимолий сарҳадлари) шимолий Хитой ва Мўғулистондан сиқиб чиқарилди. Мил. 107 йили Шарқий Туркистон шаҳар давлатлари Хитой ноиблари Жён Шань ва Дуань Силарни қамал қилиб, Хитойдан ажралиб чиқишди. Хан салтанати алоқавий йўллардаги хавфни ҳисобга олиб, ўз ноибларига ёрдам кўрсата билмади.

Кушон, Қанғ, Хан ва бошқа катта-кичик давлатлар Ўрта Осиёда сиёсий таъсир доираларини кенгайтириш орқали ўзларининг иқтисодий манфаатларини кўзлаганлар. Буюк Ипак йўли ушбу давлатлар орқали ўтган. Ўрта Осиёдан келаётган маҳсулотлар Кушонлар худудидан Парфияга, сўнгра Рим империяси вилоятларига тарқалган. Кушонлар даврида кўплаб олтин тангалар зарб этилган, савдо-сотик учун имкониятлар яратиб берилган. Бу омил давлатлараро иқтисодий, ижтимоий-сиёсий муносабатлар тарихида муҳим аҳамият касб этган, албатта.

МЕЖГОСУДАРСТВЕННЫЕ ОТНОШЕНИЯ КУШАН И КАНГЮЯ

Ко второму тысячелетию до н.э. социально-политическая ситуация в степях Средней Азии изменилась. Племя юэчжей под давлением хуннов проникло в Междуречье. В 140-130 гг. до н.э. они завоевали Греко-Бактрию. Но вскоре союз племен юэчжей распался на 5 самостоятельных княжеств – Хьюми, Шуанми, Гуйшуан, Хэйтун, Гаофу. К I в. н.э. усилившееся княжество Гуйшуан (Кушаны) подчинило себе оставшиеся четыре княжества. Таким образом, на юге Средней Азии появилось государство Кушан, основу которого заложил ябгу Гуйшуана Кудзула Кадфиз.

К I-II в. до н.э. сформированное в Средней Азии государство Кушан установило контроль до южных границ Средней Азии, Центральной и Северной Индии, северо-запада Ирана. В источниках встречаются различные данные о границах государств Кушан и Кангюй. В летописях древнего Китая, граничившего с Кангюем и государством Давань на юго-востоке, пишется: «Давань расположен в 2000 ли в сторону северо-запада». По мнению Б.А.Литвинского, В.М.Мак Говерна и В.В.Тарна, кангюйцы, двигаясь в кильветре за юечжами, установили контроль над западной частью Согдианы. Сохранилось мало сведений об этническом происхождении кангюйцев.

Н.Я. Бичурин, опираясь на китайские источники, утверждает их схожесть с яньцайями. Яньцай – это территория на побережье Аральского моря, подвластная государству Кангюй.

В III в. до н.э. в среднем течении Сырдарьи было образовано государство Кангюй. Основная часть населения, состоявшая из кочевых племен саков, занималась скотоводством. По мнению Ю.Ф.Бурякова и Б.А.Литвинского, столицей государства стал расположенный в Аккурган-

ском районе Ташкентской области древний город Канка. В состав этого государства входили Ташкентская область, южный Казахстан, Согд и Хорезм. В I в. до н.э. – I в. н.э. Кангюй был единственным государством, выступившим против завоевания Средней Азии империей Хань. Обессилившие хунны, после долгого противостояния китайцам, были вынуждены отступить к западу. До империи Кушан Кангюй помогал Давани (Фергана) в её борьбе против Китая. Давань считалась буферной зоной между Кангюем и Китаем, но не теряла своей независимости. Между государствами Кушан, Кангюй и Хань постоянные торговые связи не прерывались, а развивались.

Формирование Ханьской империи создало условия для объединения Китая в единую нацию. Вокруг Ханьского государства существовали крупные кочевые родовые союзы и государства, представлявшие угрозу для него. К тому времени у древних китайцев сложились эгоцентрические идеи, для китайцев в те времена стало правилом считать окружающих их народы варварами.

В определении геополитических отношений кушаны эффективно использовали систему управления, сформированную на основе эллинистических и местных традиций. Так, они применяли сатрапскую систему правления индосаков и парфян. Границы между Согдианой и саками Эротосфен и Страбон определяют рекой Яксарт. Утверждают, что река Окс была границей между Согдианой и Бактрией. Но в древних китайских источниках пишется, что северные границы Бактрии пролегали от реки Гуйшуй (Амударья). Следовательно, в зависимости от политической ситуации края изменялись его границы. В 30-е годы II в. до н.э. племена юечжи обоснавались на берегах Сурхандарьи.

В письменных источниках точно не указывается как долго проживали Большие юечжи на севере Амударьи и юге Согдианы до поселения в Северной Бактрии. Однако известно, в эпоху Кушанской империи Бактрия была мощным плацдармом на севере. При установлении контроля над обстановкой в Индии и Восточным Ираном, кушаны были уверены в прочности северных границ.

До I-II в. до н.э. большая часть Согдианы находилась под влиянием кангюйцев. Но ко времени правления царя Канишки I (78-123) влияние кангюйцев на Согдиану ослабло. В 85 г. до н.э. наместник империи Хан в Восточном Туркестане Бан Чао (32-102) в целях ослабления влияния Кангюя на западных территориях, посылает к кушанам посла и просит оказать давление на Кангюй. По требованию кушан Кангюй выводит свои войска с Западного края. Значит, к концу I в. н.э. конфедеральное государство Кангюй лишается влияния на территории Согдианы, которая служила им своеобразным буфером. Однако после поражения в походе против Бан Чао в 90 г. кушаны через Памирские горы выводят свои войска с Восточного Туркестана. Это указывает на тот факт, что Кангюй все же не полностью утратил контроль над Согдианой.

Юечжи (или кушаны), еще будучи кочевыми племенами, имели собственную систему государственного правления. В китайских источниках утверждается, что социально-экономические условия государств Кушан и Кангюй были схожи с условиями хуннов. Но это не совсем точно, ибо наличие городов в государствах Кушан и Кангюй свидетельствует о том, что эти государства не полностью были сформированы на основе кочевых племен.

В I-II вв. до н.э. политическая обстановка в Средней Азии не отличалась стабильностью. Сначала основным врагом считались хунны. В середине I в. н.э. кушаны без особого внимания воспринимали политику империи Хань в Восточном Туркестане. Кангюй начал терять вли-

яние западной части Восточного Туркестана. Ранее эти земли, в частности сами кангюйцы, подчинялись хуннам. Племена Усун проявляли непостоянство в политике между государствами Хань и хуннов, стремясь сохранить собственную политическую независимость.

Во второй половине I в. н.э. наместник Западного края империи Хань Бан Чао сумел привлечь Кангюй к борьбе против государства Аксу – опорной точки хуннов в Восточном Туркестане. В 91 г. н.э. он с войском из 70 тыс. человек стал представлять угрозу Средней Азии.

В этот же год северные хунны также были вытеснены из северного Китая и Монголии до северо-восточных границ Средней Азии (приблизительно к северным границам государства Кангюй). В 107 г. н.э. из-за опасностей на связующих путях империя Хань не смогла оказать помощь своим наместникам Жен Шанью и Дуань Сиго.

В Средней Азии государства Кушан, Кангюй, Хань и другие путем расширения политического влияния обеспечивали свои экономические интересы. Через эти границы пролегал Великий шелковый путь. Товары из Средней Азии через территорию Кушан вывозились в Парфию, затем в области Римской империи. В эпоху государства Кушан чеканились золотые монеты, развивалась торговля. Однако товары провозились через Аньси (Парфию) в Римскую империю по очень высоким ценам. Древние историки Китая так описывали эту ситуацию: «Правитель этих земель (император Рима) желает установить связи с Китаем, но парфяне хотят сами обеспечивать Дацинь (Римскую империю) китайским шелком и не пропускают дациньцев в Китай через свои территории». Только после установления контроля империи Хань над городами Восточного Туркестана – Согтой, Сулз, Харашар и др., были созданы условия для свободной торговли в Согдиане и Даване, которые находились под влиянием Кангюя и Кушан.

RELATIONS BETWEEN THE STATES OF KUSHAN AND KANGYUI

By the second millennium BC the socio-political situation in the steppes of Central Asia changed. The Yuech-zhi tribe under the pressure of the Huns penetrated into Mesopotamia. In 140-130 BC they won over Greco-Bactria. But soon the Union of the Yuech-zhi tribes collapsed into 5 independent principalities - Hume, Shuanmi, Guyshuan, Heytun, and Gaofu. By the 1st century AD the most powerful principality Guyshuan (the Kushans) overrode the rest four principalities. Thus, in the south of Central Asia there appeared the state of the Kushans, which was founded by Yabgu Guyshuan Kudzula Kadphis.

By the 1st-2nd centuries AD the state of Kushan generated in Central Asia had established its control over the southern borders of Central Asia, Central and Northern India, northwest of Iran. Different sources give different data about the borders of the states Kushan and Kangyui. The annals of ancient China that bordered with Kangyui and with the

state Davan in southeast inform: "Davan is located 2000 leeh to northwest". According to the opinion of B.A.Litvinskiy, V.M.McGovern and V.V.Tarn, the Kangyuuis moving after the Uechzhi established their control over the western part of Sogdiana. There is very little data about the ethnic origin of the Kangyuuis.

N.Ya.Bichurin, leaning on teh Chinese sources, states their similarity with the Yantsaii people. Yantsai is the land on the coast of the Aral lake subject to the state of the Kangyuuis

In the 3rd century BC in the middle reaches of the Syr Darya there was formed the state Kangyui. Most of the population consisted of nomadic tribes of Saks was engaged in animal

husbandry. According to Y.F.Buryakov and B.A.Litvinskiy the capital of the state was the ancient city of Kanka located in the Akkurgan district of the Tashkent region. The Tashkent region, southern Kazakhstan, Sogd and Khorezm were parts of this state. In the 1st century BC – the 1st century AD Kangyui was the only country that acted against the conquest of Central Asia by the Han empire. The Hunns weary after a long standoff to the Chinese were forced to retreat to the west. Prior to the Kushan Empire Kangyui used to Davan (Fergana) in its struggle against China. Davan was considered a buffer zone between Kangyui and China, but did not lose its independence. Permanent trade relations between the States of Kushan, Kangyui and Han had never broke off but always developed.

Formation of the Han empire created conditions for China to unite into one single nation. The state of Han was surrounded by the large nomadic patrimonial unions and states which were threat to it. By then the ancient Chinese had very egocentric ideas, it became a rule for the Chinese in those days to take the neighboring nations as barbarians.

In establishing the geopolitical relations, the Kushanians effectively applied the control system generated on the basis of the Hellenic and local traditions. So, they used Satrap system of government of the Indo-Saks and Parfians. Erothosphen and Strabon define the borders between Sogdiana and the Saks along the river Yaksart. It is said that the river Oks was a borderline between Sogdiana and Bactria. But the ancient Chinese sources state that the northern borders of Bactria laid from the river Guishui (Amu Darya). Hence, the borderline of Bactria changed depending on the political condition of the land. In the 30s of the 2nd century B.C. the Uechzhi tribes settled along the coasts of Surkhandarya.

The written sources do not precisely indicate how long the Great Yuechzhi lived in the north of Amu Darya and in

the south of Sogdiana before they settled in Northern Bactria. However, it is known that during the epoch of the Kushan empire Bactria was a powerful base in the north. When establishing their control over the situation in India and Eastern Iran, the Kushanians were very confident about strength of their northern borders.

Before the 1st-2nd centuries B.C. most part of Sogdiana was under the influence of the Kangyuis. But by the time of tsar Kanishka I's rule (78-123) the power of the Kangyuis in Sogdiana had weakened. In 85 B.C. the deputy of the empire

Han in Eastern Turkestan, Ban Chao (32-102), with a view of easing the influence of the Kangyuis in the western territories, sends his ambassador to the Kushanians and asks them to put pressure onto the Kangyuis. Under the Kushanians' demand, the Kangyuis disengage their armies from the Western lands. It means that by the end of the 1st century B.C. the confederative state Kangyui loses its influence in the territories of Sogdiana which had served them as an original buffer-zone. However, after defeat in the campaign against Ban Chao in 90, the Kushanians disengage their armies from Eastern Turkestan through the Pamir mountains. This in fact tells that the Kangyuis had not completely lost their authority over Sogdiana.

The Yuechzhi (or the Kushanians), being nomadic tribes, had their own system of state government. The Chinese sources affirm that social and economic conditions of the states Kushan and Kangyui were similar to those of the Hunns. But it is not really so because presence of the cities in the states Kushan and Kangyui confirm that these states were not generated only on the basis of nomad tribes.

In the 1st-2nd centuries B.C. the political conditions in Central Asia were not very stable. First the basic enemy were the Hunns. In the middle of the 1st century B.C. the Kushanians did not really care about the policy of the Han empire in Eastern Turkestan. Kangyui started to lose the power from the western part of Eastern Turkestan. Earlier these grounds, in particular the Kangyuis, used to submit to the Hunns. The tribes Usun showed inconstancy in their politics between the Han states and the Hunns, endeavoring to keep their own political independence.

In the second half of the 1st century B.C. the deputy of the Western land of the empire Han, Ban Chao, managed to involve the Kangyuis into the war against the state Aksu – a strong reference point of the Hunns in East Turkestan. In 91 B.C. he with the army of 70 thousand people began to constitute a menace to Central Asia.

The same year the northern Hunns were also superseded from northern China and Mongolia to the northeast borders of Central Asia (approximately to the northern borders of the state Kangyui). In 107 B.C. because of dangers on the communication ways the empire Han could not assist its deputies Zhen Shanyu and Duan Sigo.

The states Kushan, Kangyui, Han and other states in Central Asia secured their economic interests by expanding their political influence. The Great Silk Road was passing through these borders. The goods were exported from Central Asia through the state of Kushan out to Parfia, then to the provinces of the Roman empire. Gold coins were minted and trade developed during the epoch of the state of Kushan. Nevertheless, the goods were transported through Antsi (Parfia) to the Roman empire under very high prices. Ancient historians of China described this situation as follows: "The Governor of these lands (the emperor of Rome) wishes to establish relations with China, but the Parfians wish to provide Datsin (the Roman empire) with the Chinese silk themselves and do not let the Datsinians pass through their territories to China". Only after establishment of the control by the empire Han over cities of the Eastern Turkestan – Sogyui, Suleh, Kharashar, and other, there were created conditions for free trade in Sogdiana and Davan which were under the influence of Kangyui and Kushan.

ҚОҒОЗ ИШЛАБ ЧИҚАРИШ ТАРИХИДАН

**Нозим ҲАБИБУЛЛАЕВ,
Абдугани ВАЛИЕВ, Барно МАҲМУДОВА**

Минг йиллик кадриятлар, ўтмишда тараққий топган илм-фан ютуқлари натижалари ҳамда маънавий ёзма мерос оддий хунармандчилик маҳсулоти бўлган қоғозларга битилган ва шу боис бизгача етиб келган.

Қоғоз ишлаб чиқариш дастлаб II асрда Хитойда махсус ўсимлик толаларининг сувли бўтқасини тўрдан ўтказиш орқали олинган. Бу усул кўп вақтгача сир сақлаб келинган. Қоғоз ишлаб чиқариш VI аср бошларида Японияга, VI-VIII асрларда эса Осиёга ҳам тарқалган. VII асрдан бошлаб Самарқандда ишлаб чиқарилган қоғоз Ўрта Осиё шаҳарларидагина эмас, балки қўшни минтақаларда ҳам машҳур бўлган.

Тарихий манбалардан маълум бўлишича, кўҳна Самарқандда VIII аср ўрталарига келиб қоғоз тайёрлаш кенг ривож топган. Шаҳарнинг қоғозгарлик устахоналарида тайёрланган қоғознинг сифати жуда юқори бўлиб, хатто бу ҳақда Абу Мансур Саолибий ўз асарларидан бирида: “Самарқандга хос нарсалардан бири, унинг қоғози бўлиб, бу қоғоз Миср қоғозидан устун туради. У жуда чиройли, нозик, нафис ва ёзиш учун жуда қулайдир”, деб ёзган.

Самарқандда қоғоз тайёрлаш усулларига қараб турли “хатма”, “ҳаририй”, “султоний”, “нуҳар” каби номлар билан аталган. Қўли гул қоғозгар усталар пахта толаси ва пахта момигидан хом ашё тарикасида фойдаланиб “хатма”, ипак толасидан эса “ҳаририй” қоғози тайёрлаганлар. Ипак, пахта, каноп толаларининг омукта аралашмасидан “ним ҳаририй” қоғоз ишлаб чиқарилган. Китобат усталарига эса усти махсус сув юритилган «султоний» ва «нуҳар» қоғозлари ҳам тайёрлаб берилган. Ҳар бир китоб қоғозидан муқовасигача, сиёҳидан то бўёқларию зарҳалигача маълум меъёрга модда, режа, тартибот асосида тайёрланган. Китобнинг қоғоз варақларидан хушбуй ҳид анкиб туриши учун баъзан сиёҳга гулоб ёки анбар қўшилган. Ҳашаротларга чидамли бўлиши учун қоғоз таркибига табиий ўсимликлардан тайёрланган махсус қуқунлар қўшилган.

Самарқандда қоғоз ишлаб чиқаришнинг яна бир усули куйидагича бўлган, яъни эскирган бўз кийимлар ва пахта чиқиндиларидан қоғозбоп бўтқа кўринишида хом ашё тайёрланиб, махсус идишга қуйилган, сўнгра сайкал берилган.

Самарқанд қоғози ўрта аср шарқ хатотлари орасида ғоят кадрли бўлиб, унинг бир қисми қўшни ўлкаларга ҳам чиқарилиб эди. Бироқ XVII асрга келиб, ҳар хил урушлар, кўзғолонлар, ҳудуддаги нотинчликлар хунармандларнинг тинчлигини бузган ва улар нисбатан тинч бўлган бошқа шаҳарларга бориб, ўз хунарларини давом эттирганлар. Хусусан, XVIII-XIX асрларда Қўқонда ҳам қоғоз чиқарила бошлади. Машҳур Самарқанд қоғози ўрнига келган Қўқон қоғози дастлаб сифати сезиларли даражада паст бўлса-да, анча арзон эди. Бу эса Ўрта Осиё бозорларида Қўқон қоғозининг хари-доргир бўлишини таъминлаган.

Қўқон қоғози учун хом ашё сифатида асосан эски газламалар, пахта чиқиндилари ишлатилган. Йиллар ўтиши билан унинг сифат кўрсаткичи яхшиланиб борган ва хатотлар орасида кенг қўлланила бошлаган.

XIX аср – XX аср бошларига келиб қоғозга талаб ошиб кетганлиги учун Тошкентда, Бухорода ҳам қоғоз ишлаб чиқарила

бошлаган. 1924 йилдан қоғоз ишлаб чиқариш ҳукумат ихтиёрига ўтказилиб, 1932 йилдан эса Тошкентда илк бор қоғоз фабрикаси ишга туширилган.

Айтиш жоизки, қоғозгар аجدодларимиз томонидан ўз даврида яратилган қоғоз намуналари бугунги кунда замонавий фан-техника ютуқлари билан қуролланган қоғоз ишлаб чиқариш фабрикаларида ишлаб чиқарилган юқори сифатли қоғозлардан баъзи бир кўрсаткичлари билан устун туради. Шундай экан, хунарманд усталарнинг йиллаб машаққатли меҳнати эвазига яратилган ҳар бир давр қоғоз намуналарининг сифат хусусиятларини ўрганиш, ўзаро таққослаш, ўша даврдаги ютуқ ва камчиликларни кўрсатиб бериш ватанимизда қоғоз хунармандчилиги тарихини ўрганишда алоҳида аҳамият касб этади. Ҳозирги кунда Темурийлар тарихи Давлат музейи қошида бу борада тарихий қўлёмаларни сақлаш ва муҳофаза қилиш ҳамда келажак авлодга сифатли равишда етказиб бериш ишлари бўйича илмий-амалий изланишлар олиб борилмоқда.

Бу соҳада 1932 йилдан бери етарли тажрибага эга бўлган “Ўзбек қоғози” очик турдаги Акциядорлик Бирлашмаси илмий-текшириш лабораторияси етакчи ходимлари билан ҳамкорликда Қўқон қоғозининг механик хусусиятлари ўрганилди. Аниқланган кўрсаткичлар жадвалда замонавий стандарт кўрсаткичлари билан ёнма-ён қиёслаб чиқилди.

№	Физик кўрсаткичлар	Ўлчов бирлиги	Кўрсаткичлар қиймати	
			Стандарт ёзув қоғози учун	XVIII-XIX асрлардаги Қўқон қоғози намунаси
1.	1м ² оғирлиги	гр	65,0	60,2
2.	Елимланиш даражаси ёки сиёҳнинг ёйилиши	мм	1,6	1,2
3.	Узилиш узунлиги	м (метр)	3000	3338
4.	Қалинлиги	мкм (миллимикрон)	80-70	60
5.	Зичлиги	г/см ²	0,6	1,0
6.	Оқлилик даражаси		79,0	33,2
7.	Тозалик даражаси 1м ² даги доғлар сони	дона	80	1332
8.	Силликлilik даражаси	сек	100-200	120
9.	Синишга мустаҳкамлиги	сек	8	6
10.	Куйдирилгандаги қўл миклори	%	4,5-5,0	0,00
11.	Намлик даражаси	%	5+1	5

Таҳлил натижаларидан шу нарса маълум бўлдики, ўз даврида қўқонлик хунармандлар қоғоз ишлаб чиқариш соҳасида ўзига хос ютуқларга эришганлар.

Ишлаб чиқариш босқичларининг барчаси қўл кучи ва оддий кўз кузатуви билан олиб борилган. Масалан, ёзув учун зарур бўлган қоғоз юзасининг силликлиги катта аҳамиятга эга бўлган. Бу борада қўқонлик қоғозгарлар юқори сифат даражасига эриша олганлар. Лекин қоғозни оқартириш технологиялари мавжуд бўлмагани сабабли қоғознинг оқлик даражаси бир оз паст бўлган. Шунга қарамастан, оқлик даражасига бошқа усуллар билан эришилган. Масалан, табиий бирикмалар қўшиш йўли билан ҳар хил рангли қоғозлар, масалан, оч-жигарранг, ҳаво ранг, оч-қизил ёки пушти рангли қоғозлар ишлаб чиқаришга муваффақ бўлинган. Диккатга сазовор томони шундаки, қўқонлик хунармандлар оғир қўл меҳнати ҳисобига сифатли юпка қоғоз ишлаб чиқаришга ҳам эришилган. Маълумки, қоғоз ишлаб чиқариш соҳасида қоғознинг тозалик даражаси ёзув қоғозлари учун зарур кўрсаткич ҳисобланади. Замонавий стандарт талаби бўйича 1 м² да 80 та доғ мавжуд бўлса, Қўқон қоғозидан 1 м² да 1332 та доғлар борлиги маълум бўлди. Сабаби, иш, асосан, қўл меҳнатида бажарилгани учун юқори даражали тозалikka эриша олинмаган ёки Қўқон қоғози эски мато қолдикларидан тайёрлангани учун қоғоз юзасида ҳар хил доғлар кўпайган.

Коғоз куйдирилганда қоладиган кул (ноорганик тузлар) микдори Кўкон коғозиди йўқ даражада, замонавий коғоз ишлаб чиқариш норматив шартларига кўра эса коғоз таркибидати кул микдори 4 фоизгача бўлади.

Замонавий коғоз ишлаб чиқариш технологиясида коғоз юзасининг етарли силлиқлигини таъминлаш учун ҳар хил ноорганик моддалар тўлдирувчи сифатида қўшилади. Коғоз куйдирилганда унга қўшилган ноорганик моддалар ёнмайди, натижада куйдириш охирида кул ҳосил қилади. Демак, Кўкон коғозига силлиқловчи вазифасини бажарувчи ноорганик моддалар қўшилмаган, аксинча, силлиқ бўлиши учун буғдой уни сув билан суюлтирилган ҳолда коғоз юзасига суртилган ва қаттиқ жисм билан мукамал ишлов берилган, натижада коғоз юзасининг силлиқлик даражаси юқорида айтиб ўтилгандек, стандарт коғоз силлиқлигига яқин бўлган.

Ёзув коғозининг яна бир муҳим сифат белгиси – сиёхнинг коғоз юзиди ёйилувчанлик даражасидир. Бу кўрсаткичга Кўкон коғозиди оддий кул мехнати эъзига эришилган. Замонавий ускуналарда юқори технология асосида ишлаб чиқарилган коғоз юзасиди сиёхнинг ёйилувчанлиги 0.6 мм бўлса, Кўкон коғозиди 0.2 мм ли кўрсаткични ташкил этган. Коғознинг узиллиш узунлиги замонавий коғоз учун стандарт кўрсаткич 3000 м бўлса, шунча асрлар ўтишига қарамадан, Кўкон коғози намунаси 3388 м да узилган.

ИЗ ИСТОРИИ ПРОИЗВОДСТВА БУМАГИ

Многовековые ценности, научные достижения прошлого, письменное наследие сохранились и дошли до нас благодаря бумаге – продукции обычного ремесленничества.

Производство бумаги началось во II в. в Китае методом процеживания водянистой массы растительных волокон. Этот метод длительное время держался в секрете. Затем производство бумаги распространилось в начале VI в. – в Японии, в VI-VIII вв. – в Азии. Бумага, производство которой было начато с VII в. в Самарканде, пользовалась большим спросом не только в городах Средней Азии, но и в соседних государствах.

Из исторических источников известно, в древнем Самарканде производство бумаги было широко развито уже в середине VIII в. Самаркандская бумага отличалась высоким качеством. Об этом писал в одном из своих произведений Абу Мансур Саолиби: «Самарканд также известен своей бумагой, которая по качеству лучше египетской бумаги. Бумага красивая, тонкая, удобная для письма».

В зависимости от методов производства в Самарканде выпускали несколько видов бумаги – «хатма», «харири», «султони», «нухар». Из хлопкового волокна и ваты мастера-бумажники производили бумагу «хатма», из шелкового волокна – «харири». Из смеси шелковых, хлопковых и конопляных волокон производилась бумага «ним харири». А для издания книг готовилась обработанная специальной водой бумага «султони» и «нухар». Каждая книга – страницы, обложка, использовавшиеся чернила и краски, золочение – готовилась по определенной норме. Чтобы страницы книги источали приятный аромат иногда в чернила добавляли розовую воду или амбру. Для устойчивости против насекомых в состав бумаги добавляли специальные порошки, приготовленные из природных растений.

Один из методов производства бумаги в Самарканде заключался в следующем: из хлопчатобумажного старья и отходов хлопчатника заготавливали сырьевую массу, которую помещали в специальные емкости и обрабатывали.

Самаркандская бумага высоко ценилась писарями средневекового Востока, часть продукции даже экспортировалась в соседние государства. Однако к XVII в. внутренняя обстановка вынудила ремесленников выехать в другие города и

там продолжать свое ремесло. В XVIII-XIX вв. бумагу начали производить в Коканде, но она уступала по качеству, хотя была относительно дешевле. Это обеспечивало спрос на нее на рынках Средней Азии.

В качестве сырья для производства кокандской бумаги использовали тряпье, отходы хлопчатника. С годами качественные показатели продукции повышались и кокандская бумага стала пользоваться большим спросом.

К XIX-нач. XX вв. спрос на бумагу возрос и ее начали производить в Ташкенте и Бухаре. С 1924 г. производство бумаги было передано в ведомство правительства и в 1932 г. в Ташкенте была создана первая бумажная фабрика.

Образцы бумаги, произведенной в те годы, по нескольким показателям имеют преимущества перед качественной бумагой, которую вырабатывают современные бумажные фабрики. И в связи с этим изучение образцов бумаги каждой эпохи, сопоставление достижений и недостатков, имеет важное значение для изучения истории производства бумаги в нашей республике. В настоящее время в Государственном музее истории Темуридов ведется научно-практическая работа по сохранению для последующих поколений исторических рукописей.

Совместно с ведущими специалистами научно-исследовательской лаборатории действующего с 1932 г. Акционерного объединения открытого типа «Узбек когози» были изучены механические свойства кокандской бумаги. Сравнительный анализ показывает, что в свое время кокандские мастера достигли определенных положительных результатов.

Все этапы проводились вручную. Например, особое значение имела гладкость бумаги. В этом плане кокандские мастера-бумажники достигли высокого уровня. Но в те времена не были разработаны технологии производства мелованной бумаги и потому уровень белизны был низким. Но, несмотря на это, белизна достигалась другими методами. Так, при помощи добавления природных соединений производили бумагу бежевого, голубого, розового цветов. Кокандские мастера при помощи сложного ручного труда производили качественную тонкую бумагу. Известно, в сфере производства бумаги уровень чистоты считается высшим показателем писчей бумаги. По требованиям современного стандарта допустимо 80 пятен на 1 м², а на кокандской бумаге было выявлено 1333 пятна на 1 м². Причина, видимо, кроется в том, что работа выполнялась в основном вручную и невозможно

было достигнуть высокой чистоты, или же кокандская бумага изготавливалась из остатков тряпья и потому на бумаге было множество пятен.

Объем золы, остающейся после сжигания кокандской бумаги (неорганические соли), почти нулевой, в то время как по нормам производства современной бумаги этот показатель может достигать 4%.

По современной технологии для обеспечения гладкости (глянца) в качестве наполнителей используют различные неорганические вещества. При сжигании бумаги они не сгорают, остается зола. Следовательно, при производстве кокандской бумаги неорганические вещества, обеспечивающие гладкость, не

добавлялись, а наоборот, для придания глянца бумага покрывалась смесью воды и пшеничной муки и затем тщательно обрабатывалась твердым телом, в результате достигалась гладкость, приближенная к стандартным требованиям.

Еще один важный признак качества писчей бумаги – уровень расплывчатости чернил. На бумаге, вырабатываемой на современном оборудовании с применением высоких технологий, расплывчатость чернил составляет 0,6 мм, а на кокандской бумаге – 0,2 мм. Стандартный показатель длины (рулона) для современной бумаги – 3000 м, а протяженность разрыва образца кокандской бумаги, несмотря на то, что прошло столько столетий, составляет 3388 м.

FROM THE HISTORY OF PAPER PRODUCTION

The centuries-old values, scientific achievements of the past, the written heritage have been preserved and reached us thank to paper – an ordinary artisan product.

Paper production began in the second century in China by straining watery mass of vegetable fibers. This method had long been kept secret. Then the paper production spread in the early 6th century in Japan, and in the 6th – 8th century – in Asia. The paper, which production was launched since the 7th century in Samarkand, was in great demand not only in the cities of Central Asia but also in the neighboring states.

From historical sources we know that paper production was widely developed in ancient Samarkand yet in the middle of the 8th century. The Samarkand paper differed with its high quality. Abu Mansur Saolibi wrote about this in one of his works: "Samarkand is also known for its paper, quality of which is better than that of the Egyptian paper. The paper is beautiful, thin, easy-to-write".

Depending on the methods of production, Samarkand produced several types of paper – "khatma", "khariri", "sultoni", "nukhar". The paper-producing masters produced paper "khatma" from the cotton fiber and cotton, from silk fibers they produced "khariri", from the mixture of silk, cotton and hemp fibers they produced paper "nim khariri". While paper "sultoni" and "nukhar" treated with special water was made for book-publishers. Each book – its pages, cover, used ink and paints, gilding – was preparing for a certain norm. Sometimes amber or rose water were added to the ink so that pages of a book would give off a pleasant aroma. Special powders prepared from natural plants were added to paper for resistance against insects.

One of the paper production methods in Samarkand was: linen junk and waste of cotton stocking were used as a raw material mass which was placed in special containers and was treated.

The Samarkand paper was greatly appreciated by clerks of the medieval East, part of the product was even exported to neighboring countries. However, by the 17th century the situation inside the country forced the artisans to leave for other cities and continue their business there. In the 18th - 19th centuries, paper production started in Kokand, but its quality was worse and it was relatively cheaper. This ensured the demand for it in the markets of Central Asia.

Rags and waste cotton were used as feedstock for production of the Kokand paper. Year by year, qualitative indicators of the product raised and the Kokand paper started to be in great demand.

By the 19th – early 20th century, demand for paper increased and it began to be produced in Tashkent and Bukhara. Since 1924 the paper production was handed to the Office of the Government and in 1932 the first paper mill was established in Tashkent.

Samples of the paper produced in those years have advantages regarding several indicators over the high-quality paper produced in modern paper mills. And in this regard, the study of the paper samples of each time-period, comparison of achievements and shortcomings is of great importance for studying the history of papermaking in our republic. At present, the scientific and practical work on the

conservation of historic manuscripts for future generations is carried out at the State Museum of the History of the Temurids.

Mechanical characteristics of the Kokand paper were examined in jointly with the leading experts of the research laboratory of the joint-stock association of open type "Uzbek kogozi" functioning since 1932. The comparative analysis shows that the Kokand masters in their times had achieved certain positive results.

All the stages were performed manually. For example, the smoothness of the paper was of special significance. In this regard, the Kokand paper-makers reached a high level. But the technology of coated paper production was not yet developed at that time and that's why the whiteness level was low. But, despite this, the paper whiteness was achieved by other methods. Thus, by adding natural compounds they made paper of beige, light-blue, and pink colors. The Kokand paper-makers using hard manual labor produced high-quality fine paper. It is known in the field of paper production that the level of purity is the highest indicator of writing paper. According to the requirements of modern standard, 80 spots per 1m² are acceptable for the paper, but the Kokand paper revealed 1333 spots per 1m². The reason probably lies in the fact that the work was done mostly by hand and it was impossible to achieve high purity, or the Kokand paper was made of the remnants of clothes and so the paper had many spots.

The volume of the ash left after incineration of the Kokand paper (non-organic salts), almost makes zero, whereas according to the norms of the modern paper production, this figure could reach 4%.

The modern technology uses different inorganic substances as fillers to ensure smoothness (gloss) of the paper. After the combustion of paper they do not burn out, they stay as ash. Hence, inorganic substances ensuring smoothness of paper were not applied in production of the Kokand paper, but rather to get gloss the paper was coated with a mixture of water and flour and then was carefully treated with solid thing, resulting in the paper-smoothness close to the standard requirements.

Another important sign of quality of writing paper is the level of ambiguity of ink. On the paper produced by modern equipment using high technology, the ink blurring makes 0.6mm; while that of the Kokand paper is 0.2mm. The standard measure of the length (roll) for the today paper is 3000m, whereas the length of the rupture of the Kokand paper sample, despite the fact that so many centuries have passed, makes 3388m.

Ноёб кўлэзма изидан

Афтондил ЭРКИНОВ

Ўрта Осиёнинг бошқа мамлакатлар билан маданий алоқалари тарихи яна бир янги ноёб кўлэзма — манба билан бойиди. Туркиядан топилган бу асар Кўкон хони Амир Умархон (1810–1822) кўрсатмаси асосида тузилган “Муҳаббатнома” бўлиб, мазкур кўлэзма турк султониغا тухфа сифатида юборилган.

Умархон Кўконга хонлик қилиб турган вақтда маданий ва адабий ҳаётга ҳомийлик қилган. Ўзи ҳам “Амирий” тахаллуси билан шеърлар ёзиб, девон тартиб берган. Умархон саройида етмишдан ортиқ шоирлар бадий ижод билан шугулланганлар. Уларнинг шеърлари Умархон кўрсатмаси билан 1821 йили тузилган “Мажмуаи шоирон” баёзига тўпланган. Фанда бу тўплам ҳақидаги маълумотлар маълум ва машҳур бўлгани холда, айтиш вақтида, Умархон раҳбарлигида тузилган яна бир асар — “Муҳаббатнома” ҳақида фақат умумий маълумотларгина мавжуд эди. Миён Бузрук Солиҳов (1891–1938) ўзининг “Ўзбек адабиётига умумий бир қараш” (1930) номли китобида Умархон ўзи ҳамда Алишер Навоий ва Лutfий девонларидан ташкил топган “Муҳаббатнома” номли кўлэзма мажмуа тuzдириб, уни 1820 йили халифа — турк султони Маҳмуд II (1808–1839)га совға тариқасида юборганини ёзган.

1975 йили рус олими А.Шчербак айти кўлэзмани ўзининг мақолаларидан бирида эслаб ўтган. У “Муҳаббатнома” тўплами Лutfий ва Амирий шеърлари ҳамда Хайдар Хоразмийнинг “Махзан ул-асрор” дostonларидан ташкил топган, дейди. Аммо бизнинг текширишларимиз шун кўрсатдики, А.Шчербакнинг “Муҳаббатнома” таркиби ҳақидаги маълумотлари ҳақиқатга тўғри келмайди. Масалан, “Махзан ул-асрор” асари кўлэзмадан ўрин олмаган. Олим мазкур мажмуанинг Туркия кутубхонасидаги сақланиш рақамини ҳам нотўғри келтирган. Афтидан, олим бу кўлэзма таркиби билан бевоСИТА таниш бўлмаган ёки уни кўрган тақдирда ҳам тўпламга киритилган асарларни аниқлашда камчилиқка йўл қўйган. Бундан ташқари, собиқ совет замонидаги сиёсат ҳам айти мажмуани етарлича ўрганилмаганлигига олиб келган. Шу сабабдан, “Муҳаббатнома” яхлит тўплам ва ҳукмдор Умархон томонидан тuzдирилган бир асар сифатида назардан четда қолиб кетган. Ҳамидулла Болтабоев 1997 йили “Ўзбекистон адабиёти ва санъати” газетасида эълон қилган “Амир Умархоннинг турк султониға мактуби” мақоласида “Муҳаббатнома” мажмуасини ҳам ёдга олиб ўтади. Олим маълумотиға кўра, 1820 йили Умархон Маҳмуд II га ўзининг

сиёсий фаолиятида кўмак беришини сўраб хат йўллаган ва “Муҳаббатнома” ҳам ана шу мактуб билан юборилган совғалар қаторида бўлган. Япон олими Хисао Коматсу айти мактуб ҳақида қизиқарли маълумотлар келтирган.

“Муҳаббатнома”да аввалига Навоийнинг тўрт девондан ташкил топган “Хазойин ул-маоний”си, Амирий девони, сўнг Лutfий ва Фузулий девонлари келтирилганлиги боис кўлэзма ҳажман анча салмоқли. Мажмуа охиридаги хотимада унинг номи “Муҳаббатнома” деб аталиши кайд этилган. Шунга кўра уни фанда шартли тарзда Амир Умархон “Муҳаббатнома”си деб аташ мумкин.

Мажмуа турк султониға тақдим этиш учун саройида тайёрланганлиги сабаб олий сифатли қоғоз, жимжимадор нақшлар, тилла суви югуртирилган безаклар билан безатилган. Туркиялик санъатшунос Лола Улуҷ “Муҳаббатнома” XIX аср боши Ўрта Осиё китобат санъатининг юксак намуналаридан бири эканлигини ва ўлкамиздаги санъатлар тарихи учун ёрқин мисоллардан бири сифатида хизмат қилиши мумкинлигини таъкидлайди.

“Муҳаббатнома”да ўқувчи диққатини жалб қиладиган бир нуқта мавжуд бўлиб, бу унда келтирилган асарлар кетма-кетлигидан келиб чиқади. Тўпламда таъкидлаб ўтганимиздек, тўрт шоир девонлари бор: дастлаб Алишер Навоий, сўнг Умархон, Лutfий ва Фузулий. Нега айти шундай кетма-кетлик танланган? Бу тасодифми ёки муайян мақсаддан келиб чиқилганми? “Муҳаббатнома” Умархон кўрсатмаси асосида тузилган экан, демак, унинг таркиби ҳам муайян ғояға хизмат қилиши мумкин. Шундай бўлса, Умархон ўз девонини ўзбек мумтоз адабиётининг қатта классик шоири Лutfий ва туркий адабиётда Навоийдан кейинги ўринда турувчи Фузулийдек улкан ижодкор девонларидан аввал келтиришидан қандай мақсад кўзланган экан? Жавобни XIX аср бошидаги Кўкон саройи мухитидан, ундаги сиёсий ва маданий жараёнлардан излаш ўринли бўлади. Маълумки, Кўкон хонлари ўзларини насл-насабда Амир Темур авлодидан эканликларига урғу берардилар, яъни Бобур ўғилларидан бири билан қолдириб кетилган бешик билан боғлиқ “Олтин бешик” афсонаси тарихий асарларда тақрор ва тақрор келтирилди, айти ўша боладан Кўкон хонлари таркаган, дейиларди.

Мана шундай қондошлик асосида Темурийлар давомчиси бўлишнинг ўзи етарли бўлмай, Кўкон хонлигида маданий жиҳатдан ҳам Темурийлар билан бўйлашиш орқали улар вориси эканлигини исботлашға уринилади. Бунинг натижаси ўларок, “Мажмуаи шоирон” баёзи тузилган. Ундан сал аввал эса “Муҳаббатнома” кўчирилганлиги ва уни халифа — турк султониға юборилиши ҳам тасодифий эмас. “Муҳаббатнома” таркиби воситасида Умархон тахминан шундай демокчи: «Шоир сифатида Темурийлар мухитининг энг улкан туркиғўй шоири Алишер Навоий ҳаммадан устун, туркий шеърятда Навоийдан кейинги ўринда мен тураман; насл-насабда Темурийлар давомчиси эканлигим ва шоирлик маҳоратим шун кимона қилади...».

Бунга кўра Лutfий ва Фузулийдек улкан шоирлар ҳам Амирийдан кейинги ўринға тушиб қоладилар. Мажмуани ташкил этган девонлар тартиби воситасида таъкидланган маънолар турк султони, яъни халифаға қаратилган эди. Халифаға совға йўллаган хон учун туркий тилли шоир маҳоратидаги табиий кетма-кетлик ифодасидан ҳам кўра “Муҳаббатнома” таркиби воситасида ўзининг насаби ва маданий жиҳатдан Темурийларға боғлиқ эканлигини кўрсатиш ўта муҳим бўлган. Шу маънода “Мажмуаи шоирон” сингари “Муҳаббатнома” ҳам Кўкон хонлигидаги давлат мафкураси маҳсулидир. Шу ниётда мажмуа учун фақат туркий шеърят классиклари девонлари танланган. Дарҳақиқат, Умархон шеърлари билан туркий адабиётда ўзига хос ўрин эгаллаган шоир. Лекин Умархоннинг баёзда Лutfий ва Фузулийдан устунликка даъво қилишини

факатгина сиёсий мақсадлар асосидагина оқлаш мумкин бўлади. Бизнингча, Умархон саройидаги сиёсий ва маданий мухит “Мухаббатнома” мажмуасининг туғилиши ва кўриб ўтилган тартибда тузилишига олиб келган. Умархоннинг “Мухаббатнома”си Туркия саройининг маданий мухитида ҳам катта аҳамиятга эга бўлган кўринади. Сабаби, Умар-

хон девони Туркияда XIX аср охири – XX аср бошларида тошбосма усулида бир неча марта чоп этилган.

Хулоса қилиб айтганда, Умархон ўзининг Темурийларга шажаравий боғланишини халифага билдириш етагида бўлган. Умархон буни тарихий бирор асар орқали эмас, балки шеърини тўплам воситасида ифодамоқчи бўлган.

ПО СЛЕДАМ УНИКАЛЬНОЙ РУКОПИСИ

История культурных связей Средней Азии с другими государствами обогатилась еще на одну уникальную рукопись, которая в 2007 г. была обнаружена в Турции – «Мухаббатнома» (Любовное письмо). Составлена она по приказу Кокандского правителя Умархана (1810–1822) и была отправлена турецкому султану. Известно, что Умархан был меценатом культуры и литературы в кокандской среде. Он писал прекрасные стихи под поэтическим псевдонимом (*тахаллус*) «Амирий» и составил свой сборник поэзии (*диван*).

Под покровительством Умархана при его дворе поэтическим творчеством занимались более 70 поэтов. Их стихи собраны в антологию «Маджмуаи шаиран» (Собрание поэтов), которая тоже была составлена по его приказу. Эта антология давно известна научному миру, что нельзя сказать о «Мухаббатнома». Литературовед Миян Бузрук Салихов (1891–1938) в своей книге «Общий взгляд на узбекскую литературу» (1930) писал о том, что по приказу Умархана был составлен рукописный сборник «Мухаббатнома», в который были включены стихи самого Умархана, Алишера Навои и Лютфи; и в 1820 г. Умархан данный сборник в качестве подарка отправил турецкому султану Махмуду II (1808–1839).

В 1975 г. эту рукопись упоминал русский ученый А.Щербак. В одной из своих статей он утверждал, что сборник «Мухаббатнома» состоит из стихов Лютфи, Амири и поэмы «Махзан ал-асрар» (Сокровищница тайн) Хайдара Хорезми. Однако сведения А.Щербака о составе «Мухаббатнома» не совсем точны. К примеру, поэмы «Махзан ал-асрар» не существуют в данной рукописи. Кроме того, он неправильно указал инвентарный номер рукописи из библиотеки Турции. Вероятно, А.Щербак не был непосредственно знаком с рукописью, а если и был, то допустил ошибку при идентификации произведений из сборника. «Мухаббатнома» длительное время не изучался специалистами. Лишь Хамидулла Балтабаев в статье «Письмо Амира Умархана турецкому султану», опубликованной в 1997 г. в газете «Узбекистон адабиёти ва санъати», упоминает сборник «Мухаббатнома». По сведениям ученого, в 1820 г. Умархан написал письмо, где просил поддержки у Махмуда II в своей политической деятельности. И «Мухаббатнома» был отправлен в числе других подарков вместе с письмом. Интересные сведения об этом письме приводит японский ученый Хисао Коматсу.

Рукопись «Мухаббатнома» начинается подборкой стихов Алишера Навои, известных под общим названием «Хазайин ал-маани» (Сокровищница мыслей). За ними следуют диван Амири и диваны Лютфи и Фузули. В конце огромной по объему рукописи приведено заключение, в котором указывается, что данный сборник называется «Мухаббатнома». Условно можно его называть «Мухаббатнома» Амира Умархана.

В связи с тем, что сборник предназначался турецкому султану, он великолепно оформлен: высокого качества бумага, орнаменты аккуратные и позолоченные ... По утверждению турецкого искусствоведа Лале Улуч, данная рукопись – блестя-

щий пример книжного искусства Средней Азии начала XIX в. и может служить для изучения книгоиздания этого края.

В рукописи «Мухаббатнома» есть одна особенность. В сборнике последовательно приведены диваны четырех поэтов: Алишера Навои, Умархана, Лютфи и Фузули. Именно такая последовательность выбрана случайно или целенаправленно? Если учесть, что сборник «Мухаббатнома» был составлен по приказу Умархана, то структура его, возможно, была не случайной. Если это так, то почему Умархан свои стихи приводит перед стихами таких классиков тюркской поэзии, как Фузули и Лютфи? Ответ на этот вопрос скорее всего заключается в политических и культурных процессах Кокандского ханства. Как известно, кокандские правители в указанную эпоху утверждали, что по генеалогии они являются продолжателями рода Темуридов. Для этого они создали легенду «Алтин бешик» (Золотая колыбель), по которой Бабур (1483–1530), спасаясь от преследования врагов, оставил одного из своих сыновей вместе с колыбелью. От этого мальчика и происходил якобы род Кокандских ханов. Эта легенда в исторических хрониках начала XIX в. встречается часто.

В этой ситуации быть преемниками Темуридов на основе кровного родства, наверняка, не было достаточно. И был начат поиск духовных и культурных основ. С этой целью кокандские правители стремились быть наравне с Темуридами и таким способом доказать свое родство с ними. В результате была составлена антология «Маджмуаи шаиран». И изготовление «Мухаббатнома» до этого и отправление его турецкому султану было не случайно. Через композицию «Мухаббатнома» Умархан выражает примерно следующее: «Алишер Навои как самый видный тюркский классик эпохи Темуридов стоит на высоте. В тюркской поэзии после Навои занимаю место я. Это доказывает мое происхождение от Темуридов и мое поэтическое мастерство...»

По этой концепции Лютфи и Фузули оказываются после Амири. Одновременно становится ясной такая завышенная оценка Умархана. Смысл такой последовательности в сборнике заключался в его предназначении для турецкого халифа. Для Умархана, который послал в качестве подарка «Мухаббатнома» турецкому султану, не важен был факт естественной последовательности поэтов в мастерстве в тюркской поэзии. Для него быть культурным преемником Темуридов было важнее. В этом смысле, как и «Маджмуаи шаиран», «Мухаббатнома» является продуктом государственной идеологии Кокандского ханства. Для этой цели в сборник были включены только диваны тюркских классиков. Действительно, Умархан как поэт занимает достойное место в тюркской литературе. Однако он претендовал в сборнике на более высокое место, чем Лютфи и Фузули. Политическая и культурная атмосфера во дворце Умархана в определенной степени объясняют структуру сборника «Мухаббатнома». Поэзия Умархана чтится в придворной и культурной среде Турции, не случайно в конце XIX – нач. XIX в. в Турции несколько раз литографическим способом был опубликован диван Умархана.

Таким образом, в Кокандском ханстве при Умархане стремились показать турецкому халифу свои генеалогические связи с Темуридами. Умархан это осуществил посредством поэтического сборника.

FOLLOWING THE TRACES OF A UNIQUE MANUSCRIPT

The history of cultural links of Central Asia with other countries was enriched with one more new unique manuscript, which was found in 2007 in Turkey. This manuscript is named "Mukhabbatnama" (The Love Letter). It was made under the order of the Kokand ruler Umarkhan (1810-1822) and sent to the Turkish sultan. It is known that Umarkhan was a great patron of culture and literature in the Kokand cultural circles. He was rather a good poet and wrote fine verses under a poetic pseudonym (*takhallus*) "Amiriy" and even made his own collection of poetry (*divan*).

More than 70 poets were engaged in poetic creative writing under Umarkhan's patronage. Their verses were collected in the anthology "Madjmuai shahiran" (Assembly of poets) which was also made under the order of the Kokand khanate ruler Umarkhan. For a long time the given anthology is known to the scientific world, but it is impossible to say so about "Mukhabbat-nama". The literary critic Miyan Buzruk Salikhov (1891-1938) in his book "The General View at the Uzbek Literature" (1930) wrote that a hand-written collection "Mukhabbat-nama" was made under the order of Umarkhan, and it included the verses of Umarkhan, Alisher Navoi and Lutfi. In 1820, Umarkhan sent that collection to the Turkish sultan Makhmud II (1808-1839) as a gift.

In 1975, the Russian scientist A.Scherbak mentioned this manuscript. In one of his articles he claimed that the collection "Mukhabbat-nama" consisted of verses by Lutfi, Amiri and the poem "Makhzan al-asrar" (The Treasury of Secrets) by Khaidar Khorezmi. However, A.Scherbak's data regarding the content of "Mukhabbat-nama" have discrepancies. For example, the poem "Makhzan al - asrar" is not present in the given manuscript. Besides, he incorrectly specified the inventory number of the manuscript from the library of Turkey. Probably, A.Scherbak was not directly familiar with the content of the manuscript, or if he was familiar with it, he made a mistake during the identification of works from the collection. For a long time the experts did not study well "Mukhabbat-nama" in a proper manner. The Uzbek scientist Khamidulla Baltabaev in his article "Amir Umar-khan's Letter to the Turkish Sultan", published in 1997 in the newspaper "Uzbekiston adabiyoti va san'ati", mentions the collection "Mukhabbatnama". According to the scientist, in 1820 Umarkhan wrote a letter asking support in his political activity from Makhmud II. Together with the specified letter "Mukhabbatnama" was sent among other gifts. The Japanese scientist Khisao Komatsu presented interesting data regarding the specified letter.

The manuscript "Mukhabbatnama" begins with the collection of poems by Alisher Navoi known under the general name "Khazayyin al - maani" (The Treasury of Ideas). They are

followed by the *divan* of Amiri and *divans* by Lutfi and Fuzuli. At the end of the huge and tremendous manuscript there is the conclusion which indicated that the given collection is referred to as "Mukhabbatnama". It can conditionally be called as "Mukhabbatnama" by Amir Umarkhan.

Due to the fact that the collection was intended to the Turkish sultan, it was made with high quality: it has high-quality paper, ornaments are accurate and gilded ... According to the art historian Lala Uluch from Turkey, the given manuscript is a brilliant example of book art in Central Asia of the beginning of the 19th century and can be useful in studying the history of book art of our region.

The manuscript "Mukhabbatnama" has one peculiar feature. The collection presents the sequence of poetic *divans* by four poets: Alisher Navoi, Umarkhan, Lutfi and Fuzuli. Why was such sequence chosen? Was it done on purpose or accidentally? If you take into account that the collection "Mukhabbatnama" was made under Umarkhan's order, its structure probably served for definite purposes. If it is so, why Umarkhan put his own verses before the poems of such recognized classical authors of Turkic poetry as Fuzuli and Lutfi? The answer to this question most likely lies in the political and cultural processes happening in the Kokand khanate. As is known, the Kokand rulers during the specified epoch claimed that regarding their genealogy they were the bearers of the family name of the Timurids. For this purpose they invented a legend under the name "Altyn beshik" (A Gold Cradle), according to which Babur (1483-1530), fleeing from the enemies' prosecution, had left a cradle with one of his sons lying in it. According to this legend, the Kokand khans originated from that boy. This legend was frequently presented in the historical chronicles from the beginning of the 19th century.

In this situation to be the successors of the Timurids on the basis of consanguinity, for certain, was not sufficient. The search for spiritual and cultural grounds was started. With this object in mind the Kokand rulers sought to be level with the Timurids and in such a way to prove their relationship with them. As a result of it, the anthology "Madjmuai shairan" was compiled. It was not a casual affair that the created earlier "Mukhabbatnama" was sent to the Turkish sultan. Through the structural composition of "Mukhabbatnama" Umarkhan expresses approximately the following: "Alisher Navoi as the most outstanding and prominent Turkic classical author from the epoch of the Timurids holds the highest place. In Turkic poetry I occupy the place after Navoi. It is proved by my origin from the Timurids and my poetic skills..."

According to such concept, Lutfi and Fuzuli stand in line after Amiri. Simultaneously, such overestimated estimation of Umarkhan becomes quite clear. The sense of such sequence in the collection was intended for the Turkish caliph. For Umarkhan who sent "Mukhabbatnama" as a gift to the Turkish sultan the fact of natural sequence of poets in skills in Turkic poetry was not important. It was more important for him to be a cultural successor of the Timurids. In this sense, "Mukhabbatnama" as well as "Madjmuai shahiran" is a product of governmental ideology of the Kokand khanate. For this purpose, the collection was compiled only by chosen *divans* of the Turkic classical poets. In point of fact, Umarkhan as a poet takes the worthy place in the Turkic literature. However, in the Umarkhan's collection he claimed for a higher place than Lutfi and Fuzuli. Political and cultural atmosphere in Umarkhan's court explain to some extent the compilation of the collection "Mukhabbatnama". Umarkhan's poetry was esteemed in the royal court and cultural circles of Turkey. The following fact leads to such an idea: it is that the *divan* of Umarkhan was published several times by a lithographic method in Turkey at the end of the 19th - the beginning of the 20th centuries.

Thus, in the Kokand khanate under Umarkhan there was an aspiration to demonstrate to the Turkish caliph the genealogic connections with the Timurids. Umarkhan realized it through his poetic collection.

ОГАХИЙ АБАДИЯТИ

Дилмурод БОБОЖОНОВ

XIX асрда Хива адабий мухитида ўчмас из қолдирган машҳур инсонлардан бири – Муҳаммад Ризо Эрнийезбек ўғли Огаҳий эди. 1809 йилда Хива шаҳри яқинидаги Қиёт қишлоғида мироб оиласида таваллуд топган адиб: “Биз Хивада яшовчи юз тоифасидан бўлган Амир Эшимбийнинг авлодидандирмиз”, деб ёзганди. Эрнийезбек мироб 1812 йилда вафот қилгандан кейин Оллоқулихон Шермуҳаммад ибн Авазбей мироб ўғли Мунисни мамлакатга бош мироб қилиб тайинлайди. Мунис Огаҳийнинг амакиси бўлиб, отаси ўрнида жиянига ғамхўрлик қилади. Унинг болалик ва ёшлик йиллари Қиёт қишлоғида ўтган, сўнг Хивадаги мадрасаларда таҳсил олган. Араб, форс, туркий халқлар адабиёти, шунингдек, мумтоз мусиқа ҳамда тарих фанини кунт билан ўрганган. Шеърят оламида унинг таҳаллуси Огаҳий бўлиб, луғавий маъноси – *Огаҳман-сергакман*, демакдир. У моҳир хаттот бўлиб қуфий, райҳоний, хатти шикаста каби хатларни яхши билган.

Хива хони Оллоқулихоннинг Хуросонга қилган сафариди вабо касали тарқалиб (1829) амакиси Мунис вафот этгач, Оллоқулихон Огаҳийни Муниснинг ўрнига бош мироблик вазифасига тайинлайди.

Огаҳий ўз ҳаёти давомида Хива хонлари Муҳаммад Раҳимхон I (1806-1825), Оллоқулихон (1825-1843), Раҳимқулихон (1843-1845), Муҳаммад Аминхон (1845-1855), Абдуллахон (1855), Қутлуғмуродхон (1855), Сайид Муҳаммадхон (1855-1864), Муҳаммад Раҳимхон II (1864(1864-1874)-1910) даврларида яшаб ижод қилган. Бу хонлар даврига оид воқеа-ходисаларни ўзининг тарихий асарларида баён этган. Огаҳийнинг ўзбек тилида ёзилган шеърлари, яъни ғазал, мустаъзо, мухаммас, мусаддаслари «Таъвиз ул-ошиқин» («Ошиқлар тумори») девонига жамланган.

Огаҳий лирикасининг мавзу доираси кенг. Унда анъанавий мумтоз шарқ шеърятига хос инсонпарварлик, қомилликка даъват, ижтимоий ҳаётга муносабат, панднасихат, айниқса, ишқ оҳанглари етакчилик қилади.

Шоир бир ғазалида ёзади:

*Огаҳий ҳолини гар ишқ ичра билмак истасанг,
Чаши ибрат бирла дардангиз девонимга боқ.*

Дарҳақиқат, 20 минг мисрадан ортик шеърни камраб олган “Ошиқлар тумори” девони шоирнинг ишқидан, ёрга оташин мухаббатидан хабар беради.

Огаҳий ўз ижодида умуминсоний ғояларга жиддий эътибор қаратди. Хусусан, лирик қаҳрамон гоҳида дунёнинг ўткинчилигини таъкидлайди:

*Даҳр бир гулшандурур, бўйи вафоси йўқ анинг,
Жонга ҳаз еткурғудек, обу ҳавоси йўқ анинг.*

Огаҳий шоиргина эмас, балки улкан тарихнавис ва таржимон ҳамдир.

“Риёз уд-давлат” (“Давлат ишлари”, 1825-1842), “Зубдат ут-таворих” (“Тарихлар қаймоғи”, 1846-1855), “Жомеъ ул-воқеоти Султоний” (“Султонлар воқеалари тўплами”, 1856-1865), “Гулшани давлат” (“Давлат гулшани”, 1865-1872), “Шоҳиди иқбол” (1872) каби тарихий асарлар Огаҳий дунёкарашининг кенглиги, тарихий давр воқеаларини холис баҳолаганини кўрсатади.

Огаҳий устози Мунис ёза бошлаган, лекин тугата олмаган «Фирдавс ул-иқбол» номли тарихий асарни ёзиб охирига етказди. Ушбу асар ўзбек халқининг, шунингдек, тожик, қозок, туркман, қорақалпоқ, рус, эрон, афғон халқларининг тарихи, маданияти, санъати, урф-одатларини ўрганишда бой манба бўлиб хизмат қилади.

Огаҳий ижодий меросининг маълум бир қисми таржима асарлардан иборат. Моҳир таржимон сифатида Саъдийнинг “Гулистон”, Жомийнинг “Юсуф ва Зулайхо”, Низомий Ганжавийнинг “Ҳафт пайкар” каби мумтоз асарлардан йигирмага яқинини форсийдан ўзбек тилига таржима қилган.

Қайқовуснинг “Қобуснома”сининг таржимаси 1860 йилда амалга оширилган бўлиб, ўзбек китобхонлари тўла равишда қайта нашр қилинган (2006 йил, “Ўқитувчи”) мазкур асарни айнан Огаҳий таржимасида ўқимокда.

Ҳозирги кунда Огаҳий асарларининг 22 таси 72 та қўлёзма нусхада дунёнинг турли нодир фондларида сақланмоқда. 1873 йилда А.Кун хон хазинасидан 300 та нодир китобларга қўшиб, Мунис ва Огаҳийларнинг асарларини ҳам олиб кетган.

Алоҳида таъкидлаш лозимки, адабиётшунос олимлар Огаҳий асарларининг кўлами, поэтик қиймати жиҳатидан Алишер Навоийдан кейинги энг забардаст ижодкор деган илмий хулосага келдилар.

Огаҳий хонликда улкан ўзгаришлар бўлаётган бир вақтда, 1874 йилда 65 ёшида вафот этди.

Адибнинг қабри амакиси Шермуҳаммад Мунис қабри ёнига Шайх Мавлон бобо зиёратгоҳига қўйилган бўлиб, қабристон Хива яқинидаги Қиёт қишлоғида жойлашган. Огаҳий ижоди мустақилликдан кейин халқимиз ўртасида кенг тарқалди; олимлар Огаҳийнинг ҳаёти, ижодига бағишлаб қўлаб илмий мақола ва рисолалар ёздилар. Шоир туғилган қишлоқда “Огаҳий Уй-музейи” очилган.

Мухаммад Ризо Эрнийзбек углы, вошедший в литературу под псевдонимом Огахи – «бдительный» – один из известных людей в литературной среде Хивы XIX века. Родился в 1809 г. в семье мираба в кишлаке Киёт, недалеко от Хивы. Детство и юность поэта прошли в кишлаке Киёт, затем он в медресе Хивы изучал историю, литературу арабских, персидских, тюркских народов, классическую музыку. Он был талантливым каллиграфом, хорошо владел методами «куфи», «райхони», «хатти шикаста».

В 1829 г., после смерти дяди Муниса, Огахи был назначен на место главного мираба.

Творчество Огахи многогранно. Сторонник просветительства, он пропагандировал знания, призывая изучать грамматику, физику и др. науки. В своих исторических произведениях он разоблачал пороки общества, в котором жил. Стихи (газели, мустазоды, мухаммасы, мусаддасы) Огахи на узбекском языке собраны в диване «Таъвиз ул-ошикин» («Талисман влюбленных»). Широкая тематика лирики Огахи, лейтмотивом которой звучат присущие классической восточной поэзии гуманизм, призыв к совершенству, отношение к общественной жизни, наставления и нравочужения, и особенно – тема любви.

В диване «Талисман влюбленных» собрано более 20 тысяч полустиший, в которых воспеваются любовь, верность любимой.

В своем творчестве Огахи уделяет большое внимание общечеловеческим идеям. В частности, посредством образа лирического героя подчеркивает мысль о том, что мир – преходящ.

Огахи – не только поэт, он – историк и переводчик. Исторические произведения «Риёз ул-давлат» («Государственные дела», 1825-1842), «Зубдат ут-таворих» («Сливки истории», 1846-1855), «Жомеъ ул-вокеоти Султаний» («Сборник историй султанов», 1856-1865), «Гулшани давлат» («Давлат гулшани», 1865-1872), «Шохида икбол» (1872) говорят о широте его мировоззрения, объективной оценке исторических событий.

Огахи завершил оставленное недописанным историческое произведение своего наставника Муниса «Фирдавс ул-икбол», в котором изложена история Хорезма, вопросы культуры, искусства, традиций и обычаев узбекского, таджикского, казахского, туркменского, каракалпакского, русского, иранского, афганского народов.

Определенная часть творческого наследия Огахи – это переводные произведения. Огахи был искусным переводчиком, его перу принадлежат переводы с персидского на узбекский язык классических произведений «Гулистон» Саади, «Юсуф и Зулейха» Джамии, «Хафт пайкар» Низами Ганджеви.

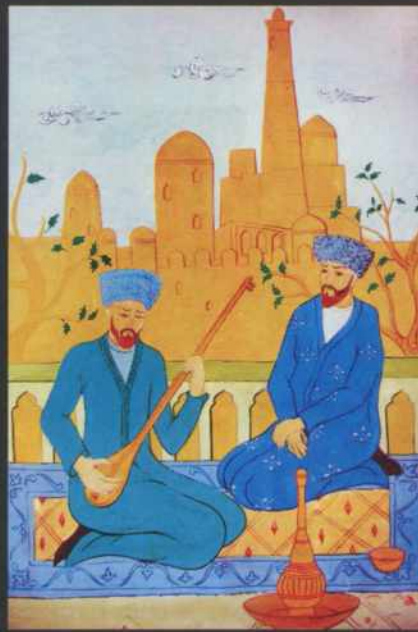
В 1860 г. он осуществил перевод «Кабуснамэ» Кайковуса, узбекский читатель знаком с этим произведением именно в переводе Огахи, которое в полном объеме было издано в 2006 г. В настоящее время 22 произведения Огахи в виде 72 рукописей хранятся в различных библиотеках мира. В 1873 г. А.Кун среди редких 300 книг из запаса хивинского хана приобрел и произведения Муниса и Огахи.

Современные литературоведы пришли к выводу о том, что Огахи по объему и поэтическому содержанию своих творений считается лучшим поэтом после Алишера Навои.

Огахи умер в возрасте 65 лет в 1874 г. Похоронен он в кишлаке Киёт, около г. Хивы, рядом с захоронением его дяди Шермухаммада Муниса на месте поклонения Шейха Мавлон бобо. Творчество Огахи стало более подробно изучаться после достижения страной независимости. Написано много научных работ, посвященных жизни и творчеству Огахи. В кишлаке, где родился поэт, открыт Дом-музей.

Mukhammad Rizo Erniezbek ougly, known in literature under the pseudonym Ogakhi – “alert” – is one of the famous people in the literary milieu of Khiva in the 19th century. He was born in 1809 to a family of mirab in a village Kiet, near Khiva. Childhood and youth of the poet were spent in the village Kiet, then in the Khiva medrese he studied history and literature of the Arabic, Persian, and Turkic peoples, classical music. He was a talented calligrapher, possessed the writing stiles “kufi”, “raikhoni”, “khatti shikasta”.

In 1829, after the death of his uncle Munis, Ogakhi was appointed to the position of the main mirab.

Creativity of Ogakhi is pretty various. Supporter of enlightenment, he propagated knowledge encouraging to learn grammar, physics and other sciences. In his historical works, he exposed the evils of the society in which he lived. Poems (gazel, mustazod, mukhammas, musaddas) by Ogakhi in the Uzbek language are collected in the divan “Taviz ul-oshikin” (“Talisman of the lovers”). Variety of topics lyric by Ogakhi that focused on the inherent sounds of classical oriental poetry of humanism, the call to excellence, relevance to public life, teachings and sermons, and especially – the theme of love, is really wide.

Over 20 thousand hemistiches, which praise the love and loyalty of the beloved, are collected in the divan “Talisman of the lovers”.

In his works Ogakhi pays great attention to universal ideas. In particular, he stresses the idea that the world is transient by way of presenting the image of a lyrical hero.

Ogakhi is not only a poet, he is also a historian and translator. Historical works “Riez ud-davla” (“Public affairs”, 1825-1842), “Zubdat ut-tavorikh” (“Cream of history”, 1846-1855), “Jome-ul-vokeoti Sultoniy” (“Collection of stories of sultans”, 1856-1865), “Gulshani Davlat” (“Davlat gulshani”, 1865-1872), “Shokhidi ikbol” (1872) tell about the breadth of his understanding, his objective assessment of historical events.

Ogakhi completed the unfinished historical work left by his mentor Munis “Firdavs ul-ikbol”, which reflected the history of Khorezm, culture, art, traditions and customs of the Uzbek, Tajik, Kazakh, Turkmen, Karakalpak, Russian,

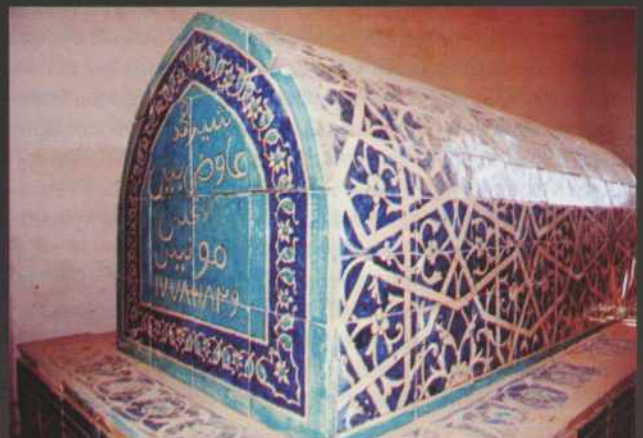
Iranian, and Afghan peoples.

A certain part of the creative heritage left by Ogakhi is the translated works. Ogakhi was a skilled translator. Translations of the classic works “Guliston” by Saadi, “Yusuf and Zuleikha” by Jami, “Khaft paykar” by Nizami Gandzhevi from the Persian into the Uzbek language belong to his pen.

In 1860 he translated the book “Kabusname” written by Kaykovus. The Uzbek readers are familiar with this work in translation provided by Ogakhi, which was fully published in 2006. At present around 22 works by Ogakhi in the form of 72 manuscripts are stored in various libraries of the world. In 1873 A. Kuhn, among 300 rare books from the Khiva Khan stock, acquired also the works by Munis and Ogakhi.

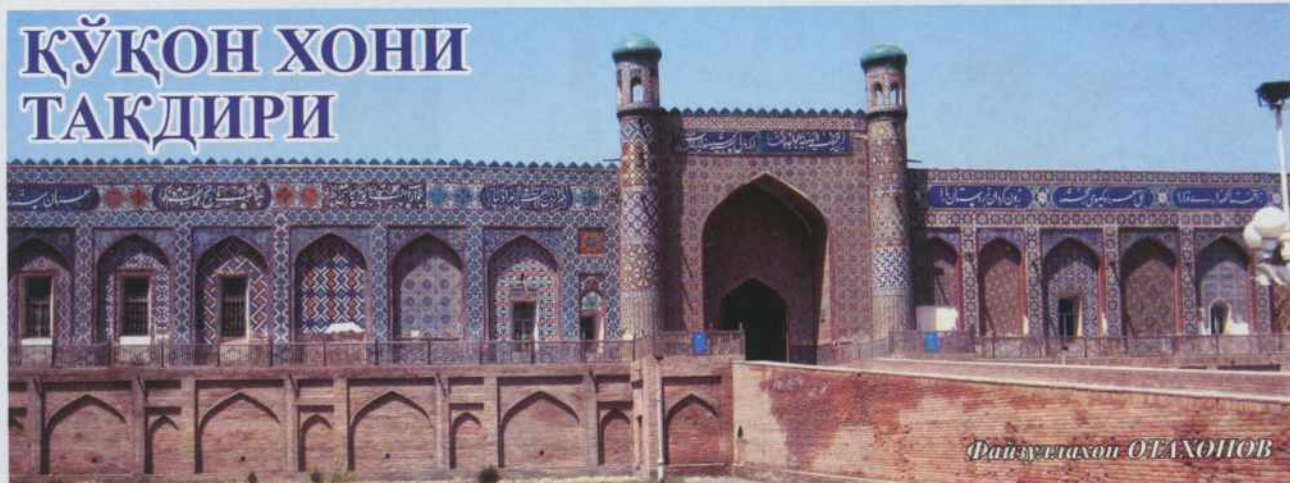
Modern literary critics drew a conclusion that Ogakhi is considered the best poet after Alisher Navoi regarding the volume and poetic content of their creations.

Ogakhi died at the age of 65 in 1874. He is buried in the village Kiet, near the city Khiva, next to the burial of his uncle Shermukhammad Munis in a place of worship of Sheikh Mavlon bobo. Ogakhi’s creativity was studied in more detail after the country gained its independence. There are many written scientific works dedicated to the life and work of Ogakhi. The House-Museum of Ogakhi has been opened in the village where the poet was born.

ҚЎҚОН ХОНИ ТАҚДИРИ

Файзуллаҳон ОТАХОНОВ

Қўқон хонлиги тарихида қисқа бир муддат ҳукмронлик қилган Олимхон (1798-1810) эсга олинганда ҳар доим “золим хон” лақаби қўшиб айтилади. Олимхонга бағишланган тарихий манбаларда бунинг турли сабаблари келтирилади. Исоқхон Ибрат “Фарғона тарихи” асарида Олимхоннинг “золим” лақабига сабаб қилиб, унинг ўз амакиси Ҳожибекни ўлдириб, ўрнига тахтга ўтиргани ва халққа кўп зулмлар қилганини кўрсатади. Шунингдек, у пирини 70 дарра ҳам урдиради. Сабаби, пири Олимхонга: “Фалон ой, фалон кун Фарғона шахрига ҳужум қилсанг, босиб оласан”, деб қаромат кўрсатган экан. Олимхон эса: “Қароматни яшириш вожибдир, сиз эса ошқора қилдингиз”, деб уни жазолати.

Олимхоннинг отаси Норбўтабий (1763-1798) тахтга ўтирганида укаси Ҳожибек бундан норози бўлиб исён қилган ва ўзига тарафдорлар тўплаган эди. Қўзғолон тинчлик йўли билан бостирилади. Олимхоннинг тахтга ўтириш навбати келганида ҳам амакиси Ҳожибек ва бошқа онадан укаси Рустамбек кескин қарши чиқиб, халқни ўзларига оғдира бошлашади. Олимхон тахтга ўтирганидан бошлаб давлат ишларини мустаҳкамлашга киришади ва мухолифатнинг олдини олиб, амакиси Ҳожибек, укаси Рустамбек ва уларнинг тарафдорларини қатл эттиради.

«Тарихи Азийий» асарида Олимхонни «золим хон» дейилишининг иккита сабаби кўрсатилади. Биринчиси кўра, Олимхоннинг қаттиқ ҳарбий интизом жорий қилганидир. Аниқроғи, у тоғлик зожиклардан тузилган ҳарбий қисмни қўшиннинг олдига жойлаштирган бўлиб, бу қисм душманнинг ўқ отишига қарамасдан, шиддат билан олдинга юришга мажбур эди. Шундан сўнг қўшиннинг қолган қисми жангдаги ғалабани таъминлаган. Иккинчидан, Олимхоннинг мамлакатдаги саййидлар ва эшонларга берилган тархонларни қайта кўриб чиқиш мақсадида ўтказган текшируви ҳам унинг «золим хон» номини олишига сабаб бўлган. Аслида, бу текширувдан мақсад, мазкур ижтимоий қатлам вакилларига берилган имтиёз, яъни солиқлардан озод этишнинг ҳақиқий ёки сохта эканини тасдиқловчи ҳужжатларни аниқлашдан иборат эди. Чунки, бу даврга келиб мазкур имтиёздан фойдаланиб қолиш мақсадидаги сохта ҳўжа ва саййидлар сони кўпайиб, натижада давлат хазинасига тушадиган даромад миқдори камайиб кетганди.

Мирзо Олим Мушрифнинг “Ансоб ус салотин ва таворих ул хавоқин” асарида Олимхон эшонларга қаромат кўрсатинглар деб уларни хижолатга қўйгани, шундан кейин умаро ва фузалолар Олимхондан юз ўгириб укаси Умархонга бўйсунганлари тўғрисида маълумот келтирилади. Олимхон ўз пирига хурматсизлик кўрсатиши ёки

эшонларга “қаромат кўрсатинглар” деб зуғум ўтказиши ҳақиқатдан йирок. Чунки “Тарихи Туркистон”да Олимхон тарикат аҳли бўлганлиги, уламо ва фузалоларни йиғиб усто-зи шайх Носир бошчилигида ҳар ҳафта жаҳрий зикр тушиши (овоз чиқариб Аллоҳ таолони улуғлаш) баён қилинади. Демак, бу манба унинг дин уламоларига ҳурмати баланд бўлганлигини кўрсатади. Олимхон Эшон Мавлавийга қўл бериб, жаҳрий зикр билан машғул бўлгани ҳақида «Мунтахаб ут-таворих» асарида ҳам аниқ маълумот берилади ва яна Ҳакимхон тўра бу асарида Олимхонни «Размда Рустами дoston ва базмда Жамшиди замон, эҳсон бобида қўли абри найсондек гуҳарфош эрди. Ва адолатда офтобдек ва-зий ва шарифга баробар эрди», деб ёзади.

Мирзо Қаландар Мушриф ўзининг “Шохномаи Нусратпаём” асарида қуйидаги маълумотларни келтиради: “Олимхон хилофат маснадига ўтирганидан кейин унинг кишваргушолик ва жаҳонгирлик завқи жўш ура бошлайди. У ўтган ажодлари тутган йўлдан боришни афзал кўрди. Сонсаноксиз моллар ва мансабларни фуқаролар ва саркардаларга улашди. Шунингдек, золимлар зулмидан қийнаётган аҳолини ҳимоя қилди. Натижада фуқаролар ватаннинг серфайз нафасидан бемалол баҳраманд бўла бошлади”.

Олимхон бирор жиддий ишга қўл урадиган бўлса, албатта, уламоларнинг маслаҳатини олар эди. “Тарихи Туркистон”да шундай маълумотлар келтирилади: Олимхон Қурама устига қўшин тортишдан олдин хос мажлис тўплайди. “Тамоми Фарғона вилоятига эшон домла Ёқуб Охундни бош қилиб, кўп уламо ва фузалолардин ўрдага таклиф айлаб, қўшун воқеоти ва душман аҳволотини ва ул душманнинг дафъи ва Фарғонанинг осойишталиги ва раоёнинг бесаранжом ва тахти по бўлмаслиги ва ҳифзи мамлакат хусусида маслаҳатни бо тариқи илтимос арз қилганида ҳамма одоб айлаб сукут ва хомуш бўлубдур. Бир оз фурсатдан кейин эшон домла Ёқуб Охунд сўз бошлаб, аввало, оят ва ҳадисдан баён қилиб айтибдурлар: «Эй амир, бу муқаддима – муқаддимаи қиёматдур. Қиёмат куни бўладургон муҳосабада ҳар бир одам ўз кирдорига лойик ҳисоб берадур. Эй амир, кўнглингизда осойиши фуқаро ва дафъи шарри душман ва золимики, сизнинг мулк ва вилоятларингизга зулм қўлини узатган бўлса, они дафъ ва қатъ қилмакни лозим билган бўлсангиз, бизлар ҳам бул маънини қабул қилдук». Ҳазрат домланинг бу ваъз-насихатлари аҳли мажлисга таъсир қилиб, ҳаммалари йиғлаб, амирнинг доимо музаффар бўлмоғини Худованди қаримдин сўрабдилар. Сониян, Олимхон ҳамма уламо ва фузалоларга сарупои подшоҳона бериб, эшонни арк дарвозасигача пиёда кузатиб, иккинчи маротаба фотиҳа олибдур”.

Асарлардаги карама-қаршилиқлар мазкур мавзунинг чигаллигини кўрсатади. Олимхоннинг ҳукмронлиги даврида бўйсунмасдан исён қилганлар кўп бўлди. Бу бора-бора қонли тўқнашувларга олиб келди, натижада исёнчиларнинг кўплари қатл этилди. Чунончи, Олимхон ҳукмронлигининг дастлабки йилларида унга қарши шайх Лутфуллох Чустий Бузрукхўжанинг авлоди бўлган Чуст ҳокими (Норбўтабийнинг қудаси) кўзғолон кўтарди. Кўзғолон қийинчилик билан бостирилди. Шу билан бирга яна 1803 йили Фарғонага Тошкентдан Юнусхўжа кўшини бостириб кирди. Бўлиб ўтган шиддатли жангда Юнусхўжа Сирдарёнинг ўнг соҳили Гурумсаройда Ражаб қушбеги бошчилик қилиб турган Кўқон хонлиги кўшинидан мағлубиятга учради. Натижада, ўзбек зиёли-

лари ва хўжалари орасида хонга нисбатан душманлик қайфияти ортиб борди. Олимхон ҳукуматда тартиб ўрнатишга мажбур бўлди. У тоғлик тожик аҳолисига хайрихоҳлик билдирди. Чунки уларнинг маҳаллий низоларга алоқалари йўқ эди. Зеро, улардан харбий соҳада жуда кўп фойдаланиларди. Хон улардан кучли қўшин тузиб, ўқотар қурооллар билан қуроолантирди ва улардан баъзиларини Арк ва Ўрдага посбонликка тайинлади. Саркардалиқни ҳам ҳеч кимга ишонмай ўз кўлига олди. Шу сабабдан ҳам саркарда ва кўшинлар орасида норозилиқлар кучайди. Олимхоннинг ҳукумат бошқарувидаги қатъияти, темир интизомни яхши кўргани “золим хон” лақабининг кенг ёйилишига сабаб бўлган эди. Аслида, тарихий манбалар бу сифат ҳам нисбий эканини кўрсатади.

СУДЬБА КОКАНДСКОГО ХАНА

Обычно Олимхана (1798-1810), недолго правившего Кокандским ханством, называют «Жестоким ханом». Многие авторы комментируют это по-разному. В «Истории Ферганы» Исхакхан Ибрат пишет, что его так прозвали из-за того, что он, убив своего дядю Хожибек, захватил трон и принес немало горя своему народу. Кроме этого, он повелел нанести 70 ударов своему наставнику (пиру) из-за того, что пир предсказал Олимхану: «Если в определенное время и в определеннный день пойдешь на Фергану, ты завоеешь этот город». На что Олимхан ответил: «Предсказание нужно скрывать, а ты огласил его».

Когда отец Олимхана Норбутабий (1763-1798) занял престол, его брат Хожибек, собрав сторонников, взбунтовался. Бунт был подавлен. Когда настало время вступления на престол Олимхана, Хожибек и его сводный брат Рустамбек вновь воспротивились, и стали склонять народ на свою сторону. После занятия трона Олимхан приступил к укреплению государства и в целях устранения противостояния казнил Хожибек и Рустамбек, и их сторонников.

В произведении «Тарихи Азийи» Олимхана называют «Жестоким ханом», во-первых потому, что он ввел жесткую военную дисциплину. В частности, воинская часть из числа горных таджиков была размещена впереди войска и должна была идти в атаку, несмотря на наступление противника. Благодаря этому могла быть достигнута победа. Вторая причина заключалась в том, что была проведена жесткая проверка полномочий, возложенных на саййидов и эшанов. На самом деле, это было организовано с целью уточнения документов, подтверждающих наличие льгот и освобождения от уплаты налогов для представителей этих слоев. В работе «Ансоб ул салотин ва таворих ул хавокин» Мирзо Олим Мушриф говорит о том, что Олимхан попросил эшанов продемонстрировать свои «чудеса», привел их тем самым в замешательство, а эмиры и ученые отвернулись от него, заняв сторону его младшего брата Умархана. Но то, что Олимхан не оказал уважения своему пиру и усомнился в способностях эшанов, не соответствует истине, т.к. в «Тарихи Туркистон» упоминается, что Олимхан принадлежал к числу людей, стремящихся к духовному совершенствованию, вместе с улемами и фузало во главе с шейхом Носиром каждую неделю проводил зикр (громкоголосое возвеличивание Аллаха), следовательно, он уважительно относился к представителям духовенства. Точные сведения о совместном проведении зикра Олимхана с Эшоном Мавлави приводятся в произведении «Мунтахаб ут-таворих» и здесь же Хакимхан тура пишет: «По стати он был похож на Рустама, а по жизнелюбию – на Джамшида, был добр и справедлив, как солнце, дарящее лучи».

Мирзо Каландар Мушриф в работе «Шохномаи Нусратпаём» пишет: «После занятия престола проявились патриотизм и героизм Олимхана. Следуя по пути своих предков, он покровительствовал и поощрял материально народ, защищая его от угнетателей, что положительно сказалось на уровне жизни».

Решая любой серьезный вопрос, Олимхан обязательно советовался с улемами. В «Тарихи Туркистон» читаем: «Перед наступлением на Курамы Олимхан созвал совет. Назначив эшана Ёкуба Охунда главным над всей Ферганской областью, пригласив многих улемов, фузало, обсудил состояние войска, положение во вражеском стане и способы его ликвидации, ради стабильной жизни в Фергане, обеспечения безопасности народа и защиты страны. Его слова были встречены молчанием. И только когда эшан Якуб Ахунд, приведя аяты и хадисы из Корана, сказал: «Эй, эмир! Это начало конца. Когда наступит светопреставление, каждый человек понесет ответственность за содеянное. Если ты думаешь о спокойствии народа и устранении врага, посягнувшем на наш край, то мы едины с тобой». Эти слова хазрата эшана подействовали на собравшихся, и они молились Аллаху, чтобы эмир всегда был победителем. Затем Олимхон одарил всех улемов и фузало царскими подарками и лично проводил эшана до ворот Арка и второй раз получил его благословение».

Противоречия в этой работе отражают некоторую запутанность темы. В период правления Олимхана у него было много противников, что приводило к кровавым столкновениям. Олимхан казнил многих мятежников. Например, в первые годы властвования Олимхана против него поднял бунт хоким Чуста (сват Норбутабий) из рода шейха Лутфуллоха Чусты Бузрукхужа. Мятеж был подавлен. В это же время, в 1803 г. на Фергану из Ташкента наступало войско Юнусхожи. В жарком бою Юнусхожи потерпел поражение от войска Кокандского ханства под руководством Ражаба кушбеги, которое стояло в Гурумсаре на правом берегу Сырдарьи. После этого среди узбекской интеллигенции стало возрастать враждебное чувство против хана. Олимхан был вынужден навести порядок в правительстве. Он проявлял снисходительность в отношении таджиков, проживающих в горных районах, т.к. они не вмешивались в местные конфликты. Из их числа он сформировал сильное войско, оснастил хорошим оружием и назначил некоторых из них стражами в Арк и Урду. Никому не доверяя, он сам возглавил это войско, это тоже послужило причиной для недовольства военачальников. Твердость и железная дисциплина, которую применял Олимхан в период своего правления, вероятно, и стали основанием для прозвища «Жестокый хан».

THE DESTINY OF THE KOKAND KHAN

Olimkhan (1798-1810) who ruled the Kokand khanate for a short while is usually named "Cruel khan". Different authors differently comment it. In his book "The history of Fergana" Iskhackhan Ibrat writes that he had such a nickname because, having killed his uncle Hozhibek, he grasped a throne and caused a lot of grief to his people. Besides that, he enjoined to give 70 lashes to his instructor (*pir*) because the *pir* predicted to Olimkhan: "If you attack Fergana at a certain time and on a certain day you will win over this city". To that Olimkhan replied: "The prediction should be hidden but you have announced it".

When Olimkhan's father Norbutaby (1763-1798) seized a throne, his brother Hozhibek, having collected his supporters, rebelled. The revolt was suppressed. When the time came to put Olimkhan onto the throne, Hozhibek and his stepbrother Rustambek opposed again and began to decline the people to their side. After taking the throne, Olimkhan started strengthening the state and with a view of elimination of opposition he ordered to execute Hozhibek and Rustambek and their supporters.

In the book "Tarikhi Aziziy" Olimkhan was named a "Cruel khan", first because he introduced a very strict military discipline. In particular, the military unit formed from the mountainous Tajiks was placed as a vanguard of the army and it was supposed to attack first despite of direct attack from the enemy. The victory could be reached owing to it. The second reason was that there was made a thorough check-up of the powers assigned to the *saiids* and *eshans*. But in fact, it was organized with the purpose of updating the documents confirming availability of benefits and deliverance of payment of taxes for the representatives of these layers. In the book "Ansob ul salotin va tavorih ul havokin" Mirzo Olim Mushrif tells that Olimkhan asked the *eshans* to demonstrate their "miracles", which caused their confusion and made the emirs and scientists turn away from him to his younger brother Umarkhan. But saying that Olimkhan did not show respect to the *pirs* and doubted the capabilities of the *eshans* would not correspond to the truth, since in "Tarikhi Turkiston" it is mentioned that Olimkhan belonged to the people who endeavored their spiritual perfection, and every week he together with the *ulems* and *fuzalo* headed by

sheikh Nosir carried out *zikh* (loud-voiced exaltation of the Allah), and therefore he had respectful relations with the representatives of the clergy. The book "Muntahab ut-tavorih" gives exact information on joint carrying out of *zikh* of Olimkhan with Eshon Mavlavy and here again Hakimhan tura writes: "His figure structure was similar to that of Rustam, and his cheerfulness reminded that of Djamshid, he was kind and fair as the sun radiating his warm beams".

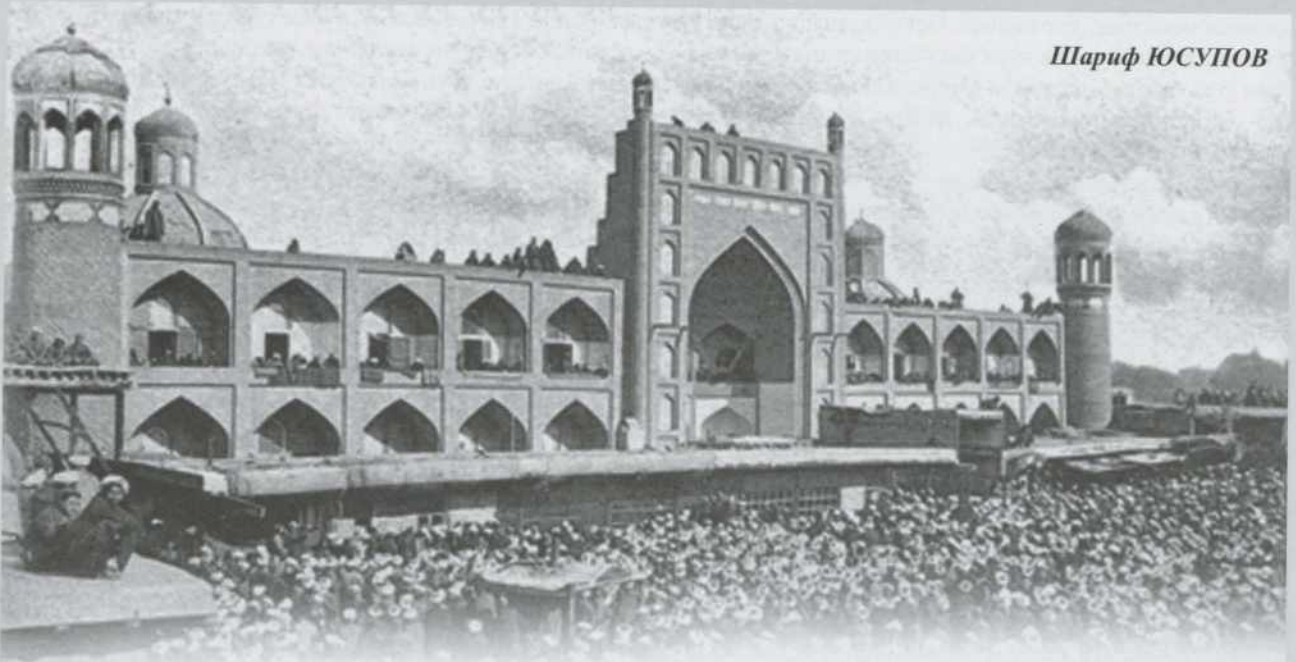
Mirzo Kalandar Mushrif in his work "Shohnomai Nustarpayom" writes: "After taking the throne, Olimkhan showed his patriotism and heroism. Following the way of his ancestors, he patronized his people and provided them with financial support, protecting them from oppressors, and this all positively affected people's living standards".

Solving serious question, Olimkhan would necessarily consult with the *ulems*. In "Tarikhi Turkiston" we read: "Before attacking Kuramy, Olimkhan summoned all of them for advice. Having appointed *eshan* Yakub Ahund as the chief above all the Fergana region, having invited many *ulems* and *fuzalo*, he discussed the state of the army, situation in the enemy camp and ways of their liquidation, for the sake of stable life in Fergana, for the safety of his people and protection of the state. His words were met by silence. And only when *eshan* Yakub Ahund, accompanying his words with the *ayats* and *hadis* from the Koran, told: "Hey, emir! This is the beginning of the end. When there comes the end of the world, every person will be responsible for what he did. If you think of calmness of your people and destruction of the enemy which encroached our land, we are with you". These words of the *hazrat eshan* worked for the people gathered, and they prayed to the Allah that the emir always be a winner. After that Olimkhan presented all *ulems* and *fuzalo* with imperial gifts and personally saw the *eshan* off to the gates of Arck and received his blessing for second time".

Contradictions in this book reflect some complexity of the subject matter. During his reign, Olimkhan had many opponents and that led to bloody clashes. Olimkhan executed many rebels. For example, in the first years of Olimkhan's reign there was a revolt against him caused by Chust khokim (Norbutabijja's father of the son-in-law) from the family of sheikh Lutfulloha Chusti Buzrukuzha. The revolt was suppressed. At same time in 1803 to Fergana from Tashkent there came Yunushodja's army. In bloody fighting Yunushodja suffered defeat from the army of the Kokand khanate led by Radjab Kushbegi which was camping in Gurumsarai on the right coast of the Syr-Darya river. After that, hostile feelings against the khan began to increase among the Uzbek intelligence. Olimkhan was compelled to put things in order in his government. He showed condescension concerning the Tajiks who were living in the mountain regions since they did not interfere with the local conflicts. From their population he generated a strong army, equipped them with good weapons and appointed some of them as guards in Arck and Urdu. Trusting nobody, he himself headed this army, and this also served as a reason for discontent among the military leaders. Hardness and cast-iron discipline which Olimkhan applied during his reign, possibly, became the basis for his nickname "Cruel khan".

Шариф ЮСУПОВ

ХОН ЎФИЛЛАРИ ФИТНАСИ

Кўкон хони Саййид Худоёрхон Шералихон ўғлига (1865 июнь – 1875 июль оралиғида) салтанатни ўта оғир шароитда бошқаришига тўғри келган. Гап шундаки, Туркистон генерал-губернатори фон Кауфман хонни турли хийла-найранглар билан ўзига мутлак тобе қилиш учун барча тадбирларни ишга солган эди.

Чунончи, 1871 йил 24 мартда хонга йўллаган мактубида “Сиз оқ подшоҳнинг буюк хомийлигида экансиз, сизнинг ҳар бир дўстингиз бизнинг дўстимиз, ҳар қандай душманингиз эса бизнинг ёвимиз бўлиб қолади”, деб ёзади. Орадан бир йил чамаси вақт ўтгач, хоннинг тўнғич фарзанди Насриддинбек шарафига берилган зиёфатда у Худоёрхонни Пётр I га ўхшаган ҳукмдор сифатида мактовларга кўмиб, “Яшасин Худоёрхон!” дея тантанали равишда қадаҳ кўтарган эди.

Шунингдек, 1872 йилдаёқ Худоёрхонга император хонадони шахсларига бериладиган “Светлость” унвони берилди, хон жавоҳир юлдузли биринчи даражали Станислав ордени билан мукофотланади. Бу даврга келиб, Кўкон хонлигида қаттиқ бесаранжомликлар, ғалаён ва тож-тахт учун тинимсиз курашлар зўрайиб кетади. Бу ҳолатга барҳам бериш учун Худоёрхон ўзининг Тошкентдаги “содик” дўсти Кауфманга ёрдам сўраб мурожаат қилади. Аммо Кауфман айрим “доно маслаҳатлар” беришдан нари ўтмайди. 1875 йил ёзига келиб Худоёрхонни тахтдан қулатишга эски душманлари эмас, балки энг яқин кишилари – иниси Султон Муродбек, ўғиллари Насриддинбек билан Муҳаммад Аминбек, қайниси Абдурахмон офтобачи, жияни Назирбек, амакисининг невараси Абдукаримбеклар қаттиқ киришган эдилар. Бундай курашларга бардош бера олмаган Худоёрхон 1875 йил июлининг учинчи ўн кунлигида тахтни ташлаб, аввал Хўжандга, августнинг биринчи ўнқунлигида эса фон Кауфман хоҳишига кўра, Тошкентга келишга мажбур бўлади. Генерал-губернатор фон Кауфман Худоёрхонни “Петербургда бориб, император билан учра-

шасиз”, дея алдаб Оренбург сурғунига жўнатади. 24 июлда хонлик тахтини Насриддинбек эгаллайди. Худди ўша кунларда фон Кауфман Насриддинхонга йўллаган дастлабки мактубдаёқ генерал-губернатор нақадар чиркин шахс экани аён бўлади. У Худоёрхон хақида: “Сизга маълумдирки, узок йиллар давомида дўст бўлишимга қарамай, мен ҳеч қачон унинг (отангизнинг демокчи – Ш.Ю.) хатти-ҳаракатини маъқуллаган эмасман”, дея сурбетларча ёзганди.

Мактубдаги бир нуктага алоҳида эътибор қаратиш лозим бўлади. Гап шундаки, фон Кауфман янги хонга илк бор мактуб ёзипти, аммо ўзининг Худоёрхон хатти-ҳаракатларини ҳеч қачон маъқулламагани мактуб олувчига аввалдан маълум эканини айтмоқда. 1870 йил бошида отасини тахтдан ағдариш хусусида унинг душманлари билан тил бириктирган ва орадан икки йил ўтгач, хон томонидан маълум муддатга Тошкентга юборилган Насриддинбек бу ерда фон Кауфман билан учрашувлари чоғида генерал-губернатор Худоёрхонга нодўстона муносабатда эканини унинг ўз оғзидан эшитган, деб ҳисоблаш мумкин. Мунофиқликни қарангки, ичида хоннинг фаолиятидан норози бўлган генерал-губернатор Насриддинбек билан ана шу суҳбатларидан кейин Петербургдаги энг юқори мартабали амалдорларга Худоёрхон фаолияти хақида мактовларга тўла тавсияномалар ёзиб, унинг юксак унвон ва мукофотга сазовор бўлишига эришган. Аммо орадан кўп ўтмай Насриддинхон фаолияти ҳам фон Кауфман томонидан отасиники сингари фоживий тарзда тугатилади.

Туркистон генерал-губернаторлиги идорасида узок йиллар хизматда бўлган давлат маслаҳатчиси Струве 1870 йил 10 февралда Кўкондан фон Кауфманга қуйидагича маълумотнома юборди: “Ўн кун чамаси аввал бу ерда хон ҳаётига қарши қартилган қандайдир фитна хусусида ноаниқ миш-мишлар юра бошлади, бу фитнада гўё Кўконнинг манаман деган амалдорларидан анча киши

катнашганлигини, фитнанинг барча катнашчилари гўё хоннинг фармойишига кўра қатл этилганмиш, дейишди. Мен ўша заҳотиёк бу ҳақда Мирзо Ҳакимга ётиги билан гап очгандим, унинг бундан хабари йўқлигига қаноат ҳосил қилдим. Бугун эрталаб эса у менинг хузуримга келиб, куйидагиларни баён қилди: “Ўтган ойнинг йигирма бешинчи куни чамаси Қўқонда ўн тўрт чоғли одам тунги зиёфатга тўпланишган ва шароб кайфи билан Қўқондаги ҳозирги ишлар мусулмон давлати учун иснод бир алфозда экани борасида гапга тушиб кетишган. Улар хоннинг ишларидан ошқора норози бўлиб, уни бир ёқлик қилиш керак деган ва ҳоказо фикрларни айтишибди. Бу йигиннинг бош раҳбари Қўқоннинг миршаббоши (қўрбоши)си Эсон Али бўлиб, Мирзо Ҳакимнинг гапига караганда, у абжир, ақлли ва анча ҳалол одам экан. Хоннинг ўн тўққиз ёшли тўнғич ўғли хонзода Насриддинбек ҳам катнашган, бу ўспирин Андижон беги бўлиб Қўқонга вақтинчаликка келган экан. У кўпчилик меҳрини қозонган ва унинг халқ орасидагина эмас, балки хоннинг яқинлари орасида ҳам хурмати яхши экан. Йигиннинг бошқа катнашчилари пастроқ мавқедаги одамлар билан бир неча бекларнинг хазиначилари мирзолар ва шунга ўхшаш кишилар бўлган. Улар орасида хуфия ҳам топилган. Хон бу йигиндан хабар топгач, етказилган чакувнинг тўғрилигига қаноат ҳосил қилиб, кечасининг ўзидаёқ зудлик билан барча исёнчиларни қўлга тушириб саройга келтиришни буюрган. Хон ўз ўғлини хипчин билан саваламоқчи экан, лекин унинг Марғилон беги бўлмиш укаси Султонмурод хонзоданинг ёшлиги ҳамда тажрибасизлигини, бунинг устига хонзода ўша пайтда кайф устида бўлганини, бемаза маслаҳатчилар уни йўлдан урганини айтиб, хонни бундай қилмасликка кўндирибди. Ҳозирда тахт вориси отаси саройида хибсада тутиб турилибди. Бошқа исёнчиларнинг қисмати маълум эмас. Улар дом-дараксиз. Уларнинг ўлдирилгани эҳтимолга яқин. Абдулкарим бу гапни Мирзо Ҳакимдан сир сақлаган. Мирзо бу воқеа ҳақида бошқалардан билиб олгач, Абдулкаримнинг носамиймийликда айблаб, унга дашном берган. Абдулкарим бу иш Қўқонда қаттиқ сир тутилаётганини, ўзи ҳам бу хусусда ҳеч нарса билмаганини, Қўқондан йўлга чиқиши арафасидагина меҳтар ўтган кечаси хон жаллод чақиртирганини, чамаси, қандайдир катта жиноятчи қўлга туширилганини, халқ орасидаги таомилга зид равишда уни кечаси, ҳеч кимга билдирмай қатл эттирганини иймон сири сифатида маълум қилди”.

Шундай дахшатли ҳодисадан сўнг ҳам Насриддинбек Андижон ҳокими лавозимида қолдирилгани, бироқ хон уни қаттиқ таъқиб этиб, орқасидан хуфиялар қўйдирганлиги, улар бекнинг ҳар бир босган қадами ҳақида хонга муттасил чакувлар юбориб турганликлари маълум. Лекин тез орада Насриддинбек фон Кауфман хузурига ўз хуфия кишисини юбориб, генерал-губернатор билан махфий алоқа ўрнатади. Шундан сўнг валиахд шахзода фон Кауфманга, генерал-губернаторлик ходимлари – давлат маслаҳатчилари Струве ҳамда Мирзо Ҳакимга махфий тарзда бир неча мактуб юборди. Бу мактублардаги асосий жиҳат шундаки, Насриддинбек отаси томонидан оғир аҳволга солиб қўйилганини айтиб, генерал-губернатордан бирор йўл топиб, ўзини Тошкентга чақиртиришларини, бунга Худоёрхонни кўндиришларини қайта-қайта илтижо этади. Мустамлака маъмуриятининг амалдорлари Худоёрхонга валиахд

фарзанди Насриддинбек русча турмуш тарзи, рус фан-техникаси, ҳарбий салоҳияти, маданияти, ютуқлари билан танишиш учун Тошкентга маълум муддатга юборилиши зарурлигини уқтирадилар. 1872 йилнинг январь ойида Насриддинбек хонликдаги бир неча йирик амалдорлар ҳамроҳлигида фон Кауфман хузурига етиб келади. Бу шаҳарда шахзода генерал-губернатор шарафига, фон Кауфман эса Насриддинбек шарафига тантанали зиёфатлар беради. Фон Кауфманнинг ҳам, Насриддинбекнинг ҳам хонга муносабатлари тамоман салбий бўлган. Лекин расмий доираларда, катта-катта йиғинларда Худоёрхон ҳар гал мақталган, хоннинг Россия билан муносабати кўшни мамлакат ҳукмдорларига яхши ибрат сифатида кўрсатилган.

Тошкентда бир ой чамаси генерал-губернаторнинг шахсий меҳмони бўлиб Қўқонга қайтган Насриддинбек Андижон вилояти ҳокими сифатидаги ўз фаолиятини давом эттиради. Айни чоқда, хонга қарши кайфиятини сир сақлаб, тезроқ тахтни эгаллаш учун қулай пайт пойлайди. Орадан уч йил чамаси муддат ўтиб, сохта Пўлатхон Қўқон тахти учун кураши сабаб бўлади-ю, у Худоёрхоннинг энг ёвуз душмани Абдурахмон офтобачи билан тил бириктиради. У ўз қўл остидаги Андижон вилоятининг хазинасини, 5000 кишидан иборат қўшинини, яроғ-аслаҳасини ўзи билан олиб, қўзғолончилар тарафига ўтиб кетади. Бироқ отасига хиёнат қилиб душманлар томониغا ўтган, шу душманлар тарафидан оқ наमतга ўтказилиб хон кўтарилган Насриддинбекнинг Қўқон хонлиги тахтидаги нашъу намоси роса икки ярим ойдан сўнг, 1875 йил 9 октябрдаёқ барбод этилади.

Қўқонликларнинг қайта тақлифига кўра Насриддинбек 1876 йил 29 январда Қўқонга кириб келади ва эртаси куни қайтадан тахтга ўтқазилади. Лекин бу вақтда Қўқон хонлигини тугатиш ва унинг ўрнида Туркистон генерал-губернаторлиги таркибида Фарғона вилоятини тузиш ҳақидаги режа узил-кесил амалга ошувига атиги бир неча кунгина қолган эди. Насриддинбек Қўқон халқи томонидан тақлиф этилиб, қайта тахтга чиқарилганининг учинчи куни, яъни 1876 йил 3 январда Тошкентда генерал-губернатор лавозимини вақтинча адо этувчи генерал-майор Колпаковскийга Петербурдан фон Кауфман батафсил телеграмма юборди. Унда, жумладан, бундай дейилган: “Қўқон хонлиги халқининг Россия фуқаролигини ўз хоҳишлари билан қабул қилиш истагини инobatга олиб, шунингдек, халқни бошқа йўл билан тинчитиб бўлмаслиги сабабли, Император Ҳазратлари Қўқон хонлигини дарҳол Олий Ҳазрат қўл остиларига олишни менга буюрадилар. Шу сабабли сизга хонликни қўшун билан... эгаллашни топшираман... Сизнинг берган буйруқларингиз ва ҳаракатларингиз ҳақидаги хабарни кутаман. Собик Қўқон хонлиги ўрнига Фарғона вилояти номи берилсин, вилоят бошлиғи этиб Скобелев тайинлансин, Насриддин эса ҳозирча Тошкентга юборилсин”.

Генерал-губернаторнинг Петербурдан юборган бу буйруғи бир неча кун ичида амалга оширилди, тахтдан четлатилган Насриддинбек Тошкентга олиб келинади ва мустамлака маъмурияти қарорига биноан Владимир шахрига сургун қилинади.

(Давоми келгуси сонда)

ИНТРИГИ СЫНОВЕЙ ХАНА

В очень сложные времена (июнь 1865 – июль 1875 гг.) пришлось править государством Шералихану – сыну кокандского хана Сайида Худоёрхана. Генерал-губернатор Туркестана фон Кауфман использовал все возможности для того, чтобы полностью подчинить себе хана.

Так, в послании хану от 24 марта 1871 г. он пишет: «Вы находитесь под покровительством белого царя, все ваши друзья – наши друзья, а ваши враги будут врагами и для нас». Приблизительно через год на званом вечере по случаю рождения первого сына хана Насриддинбека, он одарил Худоёрхана льстивыми речами, сравнивая его с Петром I.

В 1872 г. Худоёрхан был удостоен звания «Светлость», которое присваивалось лицам императорского дома, и награжден орденом «Станислава» первой степени с драгоценной звездой. В этот период в Кокандском ханстве усиливаются беспорядки и борьба за престол. Худоёрхан обращается за помощью к своему «верному» другу в Ташкенте Кауфману. Однако Кауфман ограничивается лишь «мудрыми советами». Летом 1875 г. Худоёрхана свергнуть с престола пытаются младший брат Султон Муродбек, сыновья Насриддинбек и Мухаммад Аминбек, брат жены Абдурахмон офтобачи, племянник Назирбек, внук дяди Абдукаримбек. Не имея возможности противостоять, в конце июля 1875 г. он покидает престол и уезжает в Ходжент, а в начале августа по настоянию Кауфмана вынужден приехать в Ташкент. Генерал-губернатор отправил его в Петербург «на встречу с императором», но на самом деле это была ссылка в Оренбург. 24 июля престол занимает Насриддинбек. Фон Кауфман в письме Насриддинбеку пишет о Худоёрхане: «Вам известно, несмотря на то, что мы на протяжении многих лет были с ним друзьями (т.е., с его отцом – Ш.Ю.), я никогда не поддерживал его действий».

Дело в том, что фон Кауфман впервые пишет новому хану, но подчеркивает, что его неприятие действий Худоёрхана было и ранее известно. Вероятно, в начале 1870 г. он договаривался с врагами отца об изгнании его

с престола, а через два года, когда был отправлен ханом в Ташкент, слышал о его недружественном расположении к Худоёрхану. Генерал-губернатор, недовольный деятельностью хана, направляет в Петербург хвалебные письма о Худоёрхане и добивается для него высоких званий и наград. Но по прошествии недолгого времени деятельность Насриддинбека с подачи фон Кауфмана, так же, как и его отца, завершается трагически.

Государственный советник Струве, работавший в Туркестанском генерал-губернаторстве, 10 февраля 1870 г. направляет фон Кауфману справку из Коканда: «Приблизительно десять дней назад здесь распространились неопределенные слухи о заговоре против жизни хана, будто участниками заговора являлись высокопоставленные лица Коканда и все участники заговора убиты по распоряжению хана. Я сразу сообщил об этом Мирзо Хакиму и удостоверился в его неосведомленности о происшедшем. Сегодня утром он пришел ко мне на прием и сообщил следующее: «Двадцать пятого числа прошлого месяца в Коканде вечером якобы собрались четырнадцать человек и говорили о том, что нынешняя обстановка в Коканде постыдна для мусульманского государства. Они открыто выражали недовольство деятельностью хана и высказывали мысли о его устранении. Руководил ими миршаббоши Коканда (курбаши) Эсон Али, и, по словам Мирзо Хакима, это ловкий, умный и в целом честный человек. Среди них был и девятнадцатилетний старший сын хана Насриддинбек, этот юноша – бек Андигана прибыл в Коканд. Он пользуется авторитетом, его уважают не только в народе, но и среди приближенных хана. Остальные участники этого мероприятия – представители более низких рангов, а также казначей беков, мирзы и подобные им люди. Среди них был также и хуфия. Узнав об этом, хан, поверив в донесение, велел тут же схватить заговорщиков и доставить во дворец. Хан якобы хотел наказать сына розгами, но его младший брат Султонмурад – бек Маргилана отговорил его, объяснив поведение сына тем, что он еще молод и не опытен, и к тому же будучи пьяным поддавался советам других людей».

В настоящее время наследник престола сидит в темнице во дворце отца. Судьба остальных заговорщиков неизвестна. Вполне возможно, что их убили. Абдукарим скрыл все это от Мирзо Хакима. Но, узнав об этом от других людей, Мирзо Хаким обвинил Абдулкарима в неискренности и отругал его. Абдулкарим сказал, что это происшествие в Коканде держится в тайне, что он и сам ничего не знал об этом и только при выезде из Коканда узнал о том, что ночью в день заговора хан вызвал палача и тайно казнили какого-то большого преступника, что противоречило распространенным среди народа слухам».

После этого Насриддинбек был оставлен в должности хокима Андижана, но тайные агенты контролировали его действия и постоянно доносили хану. Однако вскоре Насриддинбек направил к фон Кауфману своего агента и установил тайную связь с генерал-губернатором. Позже наследник престола отправляет послания фон Кауфману и сотрудникам генерал-губернаторства – Струве и Мирзо Хакиму, где он писал о том, в какое сложное положение поставил его отец и просил генерал-губернатора изыскать возможность и добиться разрешения на его возвращение в Ташкент. Должностные лица колониальной администрации указывают Художану, что Насриддинбек должен быть направлен в Ташкент, чтобы ознакомиться с жизнью русских, наукой и техникой, военным потенциалом, культурой. В январе 1872 г. в сопровождении нескольких должностных лиц ханства приезжает к фон Кауфману. В городе наследник устраивает торжественный вечер в честь генерал-губернатора, а фон Кауфман – в честь Насриддинбека. В целом и фон Кауфман, и Насриддинбек негативно относились к хану, но в официальных кругах в его адрес воздавали почести, а отношения между ханом и Россией представляли в качестве примера для соседних государств.

Возвратившись в Коканд, Насриддинбек продолжил обязанности хокима Андижанской области. Скрывая

враждебность к хану, поджидал удобный момент для занятия трона. Приблизительно через три года в связи с борьбой Лжепулатхана за трон, он в сговоре с самым ярым врагом Художана – Абдурахманом офтобачи захватил казну подведомственной ему Андижанской области, и вместе с войском в 5000 солдат и оружием он перешел на сторону повстанцев. Но Насриддинбек занимал трон всего лишь два с половиной месяца и был свергнут 9 октября 1875 г.

По предложению кокандцев, Насриддинбек 29 января 1876 г. приезжает в Коканд и на следующий день вновь занимает престол. Однако оставалось лишь несколько дней до ликвидации Кокандского ханства и создания Ферганской области в составе Туркестанского генерал-губернаторства. На третий день после занятия престола Насриддинбеком, т.е. 3 января 1876 г., фон Кауфман присылает подробную телеграмму из Петербурга генерал-майору Колпаковскому – временно исполняющему обязанности генерал-губернатора в Ташкенте. В ней, в частности, говорилось: «Принимая во внимание желание кокандского народа о принятии российского гражданства, а также невозможность иным путем утихомирить население, Его величество император приказал мне немедленно подчинить Кокандское ханство Его величеству. В связи с этим приказываю... вам захватить ханство при помощи войска... Буду ждать информацию о принятых вами приказах и действиях. Бывшему Кокандскому ханству присвоить наименование «Ферганская долина», начальником области назначить Скобелева, а Насриддина пока отправить в Ташкент».

Приказ генерал-губернатора был исполнен в течение нескольких дней, отстраненного от трона Насриддинбека привезли в Ташкент, и по решению колониальной администрации он был сослан в город Владимир.

(Продолжение в следующем номере)

INTRIGUES OF SONS OF THE KHAN

Sheralikhan, son of the Kokand Khan Sayyid Khudoerkhan, had to rule the state in very challenging times (June 1865 – July 1875). The Governor-General of Turkestan, von Kauffmann used every opportunity to fully subdue the Khan.

Thus, in his message to the Khan of March 24, 1871, he writes: "You are under the patronage of the white tsar, all your friends are our friends, and your enemies are enemies for us". About a year later at the soiree to mark the birth of the Khan's first son Nasridinbek, he gifted Khudoerkhan with flattering speeches comparing him to Peter I.

In 1872 Khudoerkhan was awarded the title of "Serene", which was assigned to persons of the imperial household, and was awarded the Order of "Stanislaus" of the first degree with a precious star. The riots and struggles for the throne in the Kokand Khanate get intensified during this period. Khudoerkhan appeals for help to his "faithful" friend in Tashkent, Kauffmann. But Kauffmann only offers "wise counsel". In the summer of 1875 the younger brother Sulton Murodbek, the sons Nasridinbek and Mukhammad Aminbek, the wife's brother Abdurakhmon oftobachi, the nephew Nazirbek, grandsons, and uncle Abdukarimbek tried to overthrow Khudoerkhan from

the throne. Unable to resist, in late July 1875 he left the throne and went to Khodzhen, and in early August at the insistence of Kauffman he is forced to come to Tashkent. The Governor-General sent him to St. Petersburg "to meet with the emperor", but in fact it was an exile to Orenburg. On July 24 Nasridinbek takes the throne. Von Kauffmann wrote about Khudoerkhan in his letter to Nasridinbek: "You know, despite the fact that we had been friends with him over many years (i.e. with his father – Sh. Yu.), I have never supported his actions".

In fact von Kauffmann wrote to the new Khan for the first time, however, he emphasizes that his rejection of Khudoerkhan's action was previously known. Probably, in early 1870, he negotiated with his father's enemies about taking him off the throne, and two years later, when he was sent by the Khan to Tashkent, he heard about his unfriendly relation to Khudoerkhan. The Governor-General, dissatisfied with the actions of the Khan, sends letters of praise about Khudoerkhan to St. Petersburg and achieves for him high titles and awards. But after a short time, Nasridinbek's actions, on von Kauffmann's advice, just like his father's, end tragically.

On February 10, 1870, the State Councilor Mr. Struve, who was working in the Turkestan General-Governorship, sends his message from Kokand to von Kauffman: "The vague rumors about a conspiracy against the life of the Khan, as if the conspirators were the dignitaries of Kokand and all the participants in the conspiracy were killed on the orders from the Khan, were spread here about ten days ago. I immediately reported this to Mirzo Khakim and ascertained his ignorance about the incident. This morning he came to see me and said: "The twenty-fifth of the last month, in the evening, fourteen men allegedly gathered in Kokand and talked that the current situation in Kokand is shameful for a Muslim state. They openly expressed their dissatisfaction with the Khan's actions and suggested his removal. Mirshabboshi of Kokand (kurbashi), Eson Ali supervised them, and, according to Mirzo Khakim, he is a clever, intelligent and generally honest person. Among them there was also a nineteen-year-old Nasriddinbek, the Khan's eldest son, this young man – bek of Andijan, arrived to Kokand. He has authority, he is respected not only among the people but also among the confidants of the Khan. The other participants of this event are representatives of the lower ranks, as well as treasurers of the beks, mirza and similar people. Among them there was also a khufiya. Learning about this, the Khan, believing the report, ordered to immediately seize the conspirators and bring them to the palace. The Khan as if wanted to punish his son with the rod, but his younger brother Sul-tonmurad – bek of Margilan, dissuaded him explaining the behavior of his son as he is still young and not experienced enough, and besides being drunk he succumbed to the advice of others. At present, the heir to the throne is being kept in prison in the palace of his father. The fate of the rest of the conspirators is unknown. It is quite possible that they were killed. Abdulkarim hid all this from Mirzo Khakim. But after learning about it from other people, Mirzo Khakim accused Abdulkarim of insincerity and scolded him. Abdulkarim said that the incident in Kokand is kept

secret, and that he himself knew nothing about it and only when departing from Kokand he learned that at night the day of conspiracy the Khan summoned the executioner and secretly executed some great offender, contrary to the rumors widely spread among the people".

After that Nasriddinbek still kept the position of the khokim of Andijan, but the undercover agents monitored his actions and constantly informed the Khan. But soon Nasriddinbek sent his agent to von Kauffman and established a secret relationship with the Governor General. Later, the heir to the throne sends a message to Von Kauffman and members of the General Government – Struve and Mirzo Khakim, where he wrote about the difficult situation which he was put in by the father and asked the Governor-General to seek the opportunity and get permission for his return to Tashkent. The officials of the colonial administration point to Khudoerkhan that Nasriddinbek should be sent to Tashkent to study the life of the Russians, science and technology, military capabilities, and culture. In January 1872 he was accompanied by several officers of the Khanate and came to Von Kauffman. In the city the heir hosts gala evening in honor of the Governor-General, and von Kauffman – in honor of Nasriddinbek. In general, both von Kauffman and Nasriddinbek had negative attitude to the Khan, but in the official circles they were paying homage to his address, and the relations between the Khan and Russia were presented as an example for the neighboring countries.

Returning to Kokand, Nasriddinbek continued his responsibilities as the mayor of the Andijan region. Hiding his hostility to the Khan, he was waiting for the opportune moment to take up the throne. About three years later in connection with the fight of mock-Pulat Khan for the throne, he was in cahoots with the most ardent foe of Khudoerkhan – Abdurrakhman oftobachi and seized the treasury of the subordinate Andijan region, and with an army of 5000 soldiers and weapons he defected to the rebels. But Nasriddinbek held the throne only two and a half months and was overthrown on October 9, 1875.

At the suggestion of the Kokand people, Nasriddinbek arrives to Kokand on January 29, 1876 and the next day he takes the throne again. However, there were only a few days before the abolition of the Kokand Khanate and establishment of the Fergana region in the Turkestan General-Governorship. On the third day after Nasriddinbek occupied the throne, i.e. on January 3, 1876, von Kauffman sends a detailed telegram from St. Petersburg to Major-General Kolpakovsky – Acting Governor-General in Tashkent. It, inter alia, stated: "Taking into account the desire of the people of Kokand to accept the Russian citizenship, as well as impossibility of other means to pacify the people, His Majesty the Emperor ordered me to immediately subdue the Kokand Khanate to His Majesty. In connection with this ... I order you to seize the khanate with the troops ... I'll be waiting for the information about the orders and actions undertaken by you. The former Kokand Khanate is to be given the name "The Fergana Valley", Skobelev is to be appointed the head of the place, and Nasriddin is to be sent to Tashkent".

The Order of the Governor-General was fulfilled within a few days, Nasriddinbek driven from the throne was brought to Tashkent, and under the decision of the colonial administration he was exiled to the city of Vladimir.

(To Be Continued)

“ЎЗБЕКЛАР”

Несмотря на то, что этническая история узбекского народа начиная с XIX в. является темой многих научных трудов, нельзя утверждать, что она изучена в достаточном объеме. Заполнит пробелы в истории в какой-то мере изданная в 2008 г. в издательстве «Шарк» книга одного из ведущих специалистов в области этнографии Исо Жабборова «Ўзбеклар».

В книге анализируются проблемы этногенетики, генеалогии узбекского народа. Опираясь на последние достижения археологии и этнологии, ученый рассматривает древнюю историю узбеков, этапы формирования и развития народа, в частности, на основе конкретных доказательств пытается раскрыть проблемы местных народностей и пришлых племен, впоследствии вошедших в состав узбеков. Вместе с тем, автор отмечает научную и логическую необоснованность антинаучных взглядов о зарождении народов Средней Азии обособленно, о том, что в сложное время формирования независимых государств в регионе эти мнения негативно воздействовали на народные массы и были причиной трагических событий.

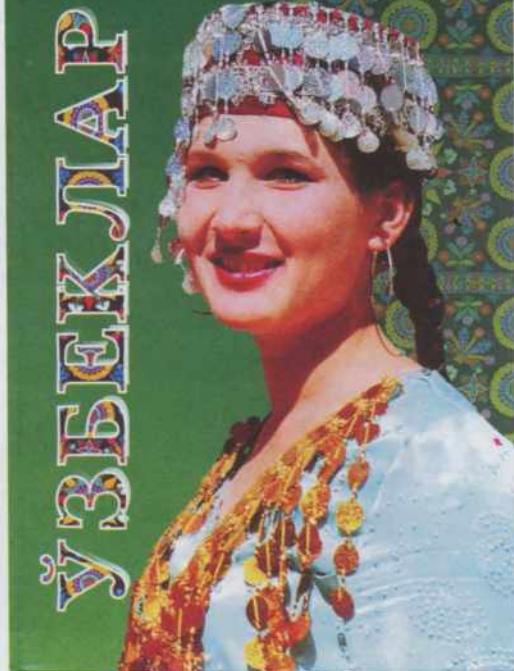
При изучении этногенеза народа важное значение имеют традиционные занятия и хозяйственная деятельность. Эта тема в достаточном объеме раскрыта в книге. Автор широко освещает зарождение и развитие земледелия, введение поливного земледелия, формирование водного хозяйства в Средней Азии и строительство первых сооружений искусственного орошения, изобретение водоподъемных установок и их особенности, агрокультурное хозяйство и традиционную агротехнику, животноводство, связанные с этой сферой мероприятия, ремесленничество, в частности – вопросы надомных профессий, на основе источников и материалов исследований освещает особенности, присущие разным областям и их различия.

Одна из глав книги посвящена особенностям материальной культуры узбеков. Интересен раздел о территориальном расселении, традициях строительства и интерьера жилья, где подробно описана техника строительства жилья, ее особенности, присущие отдельно взятой области, учет основных условий при строительстве – климат, сейсмичность, наличие строительных материалов, а также интересные сведения о национальной одежде, ювелирных изделиях, традициях кулинарии и гостеприимства.

Последняя глава посвящена проблемам социальной, культурной и семейно-бытовой жизни. Описываются национальные народные праздники, игры и церемонии, религиозные представления, традиции и обычаи. Читателя не оставит равнодушным история возникновения народных игр и церемоний, традиций и обычаев, их формирование в связи определенными событиями, глубокое философское содержание.

Произведение «Ўзбеклар», рассчитанное на широкий круг читателей, – это результат многолетних научных поисков, кропотливого труда и наблюдений Исо Жабборова. Книга легко читается, представленные в ней сведения вызывают доверие в связи с тем, что составлены на основе исследований, проведенных непосредственно самим автором. На протяжении многих лет автор посещал различные страны, изучал этнографию разных народов и национальностей, что без сомнения, послужило толчком к созданию этой книги. В равной степени она будет полезна и студентам, и специалистам, и широкому кругу читателей. Прочитав эту книгу, можно получить подробное представление об узбекском народе и его этнических особенностях.

ИСО ЖАББОРОВ

«ЎЗБЕКЛАР»

Анвар ЯХШИЕВ

Ўзбек халқининг ниҳоятда бой ва мураккаб этник тарихи илмий жиҳатдан XIX асрдан бошлаб тадқиқ этилаётган бўлса ҳам, ҳозирга қадар батафсил ўрганилган эмас. Таниқли этнограф олим Исо Жабборовнинг 2008 йили “Шарк” НМАҚда чоп этилган “Ўзбеклар” номли китоби ана шу бўшлиқни маълум маънода тўлдиришга хизмат қилади.

Китоб этногенетик муаммолар, ўзбек эли шажараси таҳлилидан бошланади. Археология ва этнология фанларининг сўнгги ютуқлари асосида муаллиф ўзбек халқининг қадимги аجدодлари тарихини, шаклланиши ва ривожланиши босқичларини, унга таъсир кўрсатган омиллар, хусусан, автохтон элатлар ва кейинчалик четдан келиб халқимиз таркибига сингиб кетган қавмлар муаммоларини далиллар асосида очиб беради. Шунингдек, ғайриилмий қарашларнинг мантиқан асоссиз эканини, минтақада мустақил давлатлар юзага келган бир даврда сохта фикрлар халқ оммасини чалғитиб,

фожиали вокеаларнинг туғилишига сабаб бўлаётганини алоҳида таъкидлайди.

Этногенезни ўрганишда халқнинг анъанавий машғулотлари ва ҳўжалик фаолияти муҳим ўрин тутлади. Китобда ушбу масалаларни таҳлил қилар экан, муаллиф деҳқончилик ҳўжалиги, суғорма деҳқончилигининг кашф этилиши, сув ҳўжалиги, дастлабки сунъий суғориш иншоотларининг қурилиши, сувни тепага кўтарувчи мосламаларнинг ихтиро қилиниши, анъанавий агротехника, чорвачилик, ҳунармандчилик, шунингдек, уй-рўзғор касблари масалаларини манбалар асосида ёритиб беради.

Ўзбекларнинг моддий маданиятига оид бўлимнинг аҳоли жойлашиши, уй қурилиши ва жиҳозлаш анъаналарига бағишланган фасли, айниқса, ўқувчида катта қизиқиш уйғотади. Унда уй-жой қурилиши техникаси, унинг вилотларда ўзаро фарқланиши, уй-жой қуриш иқлим шароити, сейсмик вазият, қурилиш материаллари ва бошқа сабабларга боғлиқлиги мисоллар орқали кўрсатиб берилган. Шунингдек, китобдан миллий кийим-кечак, безаклар, зеб-зийнат буюмлари, миллий таомлар, пазандачилик ва меҳмон кутиш анъана ва маросимларига оид қизиқарли маълумотлар ҳам ўрин олган.

Асарнинг охириги бўлимида ижтимоий, маданий ва оилавий-маиший турмуш муаммолари, хусусан, миллий байрамлар, ўйин ва маросимлар, диний тасаввурлар, урф-одат ва удумлар ёритилади.

Кенг китобхонлар оmmasига мўлжалланган “Ўзбеклар” асари Исо Жабборовнинг кўп йиллик илмий изланишлари ва кузатишларининг меvasидир. Муаллиф узок йиллар мобайнида жаҳоннинг кўплаб мамлакатларида бўлиб, турли халқ ва элатлар этнографиясини ўргангани ушбу асарнинг яратилишига туртки бергани, шубҳасиз. Китоб содда, раvon ва жонли тилда ёзилган, енгил ва қизиқиш билан ўқилади. Хуллас, ўзбеклар этнографияси билан қизиққан ўқувчи китобни ўқиб, ўзбек халқи ва унинг этник хусусиятлари ҳақида етарлича тасаввур хосил қилиши мумкин.

“UZBEKLAR”

Despite the fact that the ethnic history of the Uzbek people starting from the 19th century is the subject of many scientific researches one can argue that it studied sufficiently enough. The book “Uzbeklar” by Iso Zhabborov, one of the leading specialists in the field of ethnography, published in 2008 in the publishing house “Sharq” can fill the gaps in history to some extent.

The book examines the problems of ethno-genetics and genealogy of the Uzbek people. Based on the recent discoveries in archeology and ethnology, the scientist studies the ancient history of the Uzbeks, the stages of formation and development of the nation. And, in particular, on the basis of concrete evidence he is trying to reveal the problems of local ethnic and immigrant tribes who later became parts of the Uzbeks. However, the author notes the scientific and logical invalidity of anti-scientific views about the origin of the Central Asian peoples in isolation, that in difficult times of formation of independent states in the region, these views had negative impacts on the masses and were the cause of the tragic events.

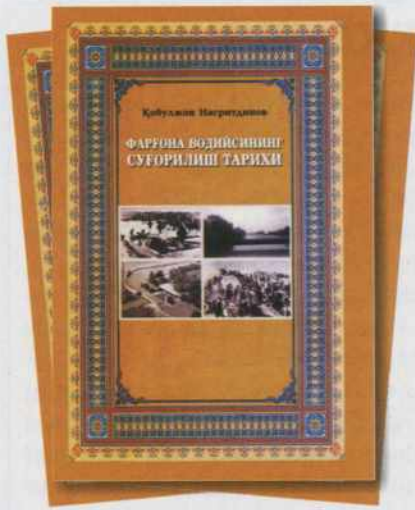
Traditional occupations and economic activities are very important while studying the ethno-genesis of the nation. This topic is disclosed in the book well enough. The author extensively covers the origin and development of agriculture, introduction of irrigated agriculture, formation of the water management in Central Asia and construction of the first devices of artificial irrigation, invention of water-lifting equipment and their features, agricultural economy and traditional agricultural techniques, animal breeding and the activities associated with this area, handicrafts, in particular – issues of home-based crafts; based on the sources and research materials he covers the particularities specific to different regions and their differences.

One of the chapters of the book is devoted to the peculiarities of the material culture of the Uzbeks. It has an interesting part about the territorial resettlement, traditions of construction and interior design of housing, where the technique of housing construction is described in detail, its features specific to a given area, consideration of the core conditions of construction – climate, seismic conditions, availability of building materials, as well as interesting information about national clothes, jewelry, cuisine traditional and hospitality.

The last chapter is dedicated to problems of social, cultural, family and everyday life. It describes the national folk festivals, games and ceremonies, religious beliefs, traditions and customs. The history of folk games and ceremonies, traditions and customs, their formation in relation to certain events, and their profound philosophical content will not leave the reader indifferent.

The book “Uzbeklar” meant for a wide range of readers is a result of many years of scientific research, painstaking work and observation done by Iso Zhabborov. The book is easy to read, the information provided is credible due to the fact that it is based on the research carried out directly by the author himself. Over many years he visited different countries, studied the ethnography of various peoples and nationalities, which undoubtedly gave rise to creation of this book. It will be equally useful both for students and for the professionals, as well as to a wide range of readers. After reading this book, you can get a detailed picture of the Uzbek people and their ethnic characteristics.

Она ватанимиз тарихини ўрнида суғорма деҳқончилик тарихи муҳим аҳамиятга эга. Зеро, у кўп минг йиллик тарихимизнинг ажралмас таркибий қисми сифатида ўзига хос тараққиёт йўлини босиб ўтди. Шу жиҳатдан Қобулжон Насритдиновнинг “Фарғона водийсининг суғорилиш тарихи” (XIX асрнинг иккинчи ярми – XX асрнинг

«ФАРҒОНА ВОДИЙСИНИНГ СУҒОРИЛИШ ТАРИХИ»

Зокиржон ҚУТИБОЕВ

биринчи ярми) номли монографияси (“Янги аср авлоди” нашриёти, Тошкент, 2009 йил) қадимдан суғорма деҳқончилик ривожланган минтакалардан бири ҳисобланган Фарғона водийсининг суғорилиш тарихини комплекс тарзда умумлаштириб, ҳозиргача илмий жамоатчиликка маълум бўлмаган архив ҳужжатлари, ёзма манбалар, этнографик маълумотлар, хорижий ва соҳа тарихини ўрганишга оид махсус илмий адабиётлар, мақолаларни ҳолисона ёндашув асосида, уларнинг натижаларига концептуал нуқтаи назардан янги хулосалар килиб ўрганишга бағишланган.

Шунингдек, асарда хронологик изчиллик билан водий суғорма деҳқончилигига асос солиниши, унинг тараққиёт босқичлари, халқимиз томонидан бунёд этил-

ган йирик суғориш иншоотларининг қурилиш тарихи, суғорма деҳқончиликда маҳаллий аҳоли томонидан қўлланилган суғориш усуллари ва суғорма деҳқончилик соҳасига оид ўрганилган атамалар тарихи ҳамда водийни суғориш бўйича Чор империяси ҳукумати ва Москва суғориш компаниясининг буюртмасига асосан ишлаб чиқилган лойиҳалар тарихи ҳам атрофлича ёритиб берилган.

Монографиянинг муҳим илмий жиҳатларидан яна бири, асарда Чор империяси ва Совет ҳокимияти ҳукмронлиги даврида, мустамлакачи ҳукуматлар томонидан соҳада олиб борилган сиёсатнинг моҳияти, амалга оширилган чора-тадбирлар, йўл қўйилган хато ва камчиликлар яхлит тарзда турли архив ҳужжатлари ва хилма-хил манбалар асосида илмий жиҳатдан асослаб берилган.

ИСТОРИЯ ПОЛИВНОГО ЗЕМЛЕДЕЛИЯ ФЕРГАНСКОЙ ДОЛИНЫ

История поливного земледелия в Узбекистане неразрывно связана с многовековой историей края в целом. Этой теме посвящена монография Кобулжона Насритдинова «История поливного земледелия Ферганской долины» (2-я пол. XIX – нач. XX вв.) (Изд. «Янги аср авлоди», Т. 2009). Автор на основе архивных документов, во многом неизвестных научной общественности,

письменных источников, этнографических сведений, специальной научной литературы и статей, посвященных этой сфере представил комплексное обобщение истории поливного земледелия в одном из крупнейших регионов страны, где с древних времен было развито земледелие.

В работе хронологически представлены все этапы развития поливного земледелия, история

строительства оросительных сооружений, методы, применяемые издавна населением в поливном земледелии, история разработки проектов орошения долины.

Одним из достоинств монографии является то, что автор, опираясь на многие источники, дает научное обоснование аграрной политике тех лет, объективно оценивает и достижения, и недостатки.

THE HISTORY OF IRRIGATED AGRICULTURE IN THE FERGANA VALLEY

The history of irrigated agriculture in Uzbekistan is inextricably linked with centuries-old history of the region as a whole. The monograph by Kobuljon Nasritdinov “The history of irrigated agriculture in the Fergana Valley” (late 19th – early 20th centuries) (Published by “Yangi asr avloidi”, T. 2009) is devoted to this subject. The author, based on archival documents mainly unknown to

the scientific community, based on written sources, ethnographic information, peer-reviewed scientific literature and articles devoted to this area, presented a comprehensive compilation of the history of irrigated agriculture in one of the regions of a largest country, where agriculture has been developed since ancient times.

All stages of the irrigated agriculture development, the history of construction of irrigation facilities, the

methods of irrigated agriculture long used by the population, the history of development of irrigation projects in the valley are chronologically presented in the book.

One of the pluses of the monograph is that the author, based on many sources, gives a scientific basis for the agrarian policy of those years and the objective assessment of both achievements and disadvantages.

«ХАЗРАТИ БАШИР МАНОКИБИ»

Баҳоидир КАРИМ

Аждодларимиз қолдирган маънавий-маданий меросни холис ўрганиш, қўлёзма манбаларни жорий ёзувга таъдил этиб, авлодларга етказишдек хайрли ишлар истиқлол йилларида жиддий равишда йўлга қўйилди. Айниқса, мустабид тузум даврида халқ назаридан четда сақланган Мовароуннахрда яшаб ўтган улуғ алломаларнинг диний-тасавуфий руҳдаги асарлари қўлаб нашр қилинди. 2009 йили «Янги аср авлоди» нашриётида босилиб чиққан «Хазрати Башир манокиви» номли китоб ҳам ана шундай муҳим манбалардан бири саналади. Заҳматқаш тарихчи олим Аҳмаджон Чориевнинг илмий изланишлари сифатида майдонга келган бу китобда «Манокиви»нинг деярли тўлиқ матни берилган. Олим томонидан ёзилган «Сўзбоши»да Хазрати Башир Ота шахсига оид айрим биографик маълумотлар, ушбу улуғ зотнинг фазилатлари, яшаган даври, тарихий хизматлари мухтасар тарзда ёритилади. Китоб учун «Руҳи

қудусийлар эҳтироми» деган сарлавҳа остида махсус сўз ёзган профессор Нажмиддин Комилов тарихчи олимнинг фидойилигини алоҳида таъкидлайди; тарихий манбага, яъни сўфийлар хусусидаги мўътабар «Манокиви»га юсак баҳо беради.

«Хазрати Бузруквор», «Хазрати Башир» сифатлари билан улуғланган бу зотнинг асл исм-шарифлари Султон Саййид Аҳмад Валидир. Мирзо Улуғбек билан замондош бўлган бу авлиёсифат инсон Китобда яшаб ўтган. «Хазрати Башир манокиви» китобида ана шу улуғ инсоннинг хислатлари, кизикарли воқеа-ходисалар, тасавуфга оид фикр-мулоҳазалар, машхур шайхлар ҳаётидан олинган ибратли хикоятлар келтирилади. Шунингдек, унда инсонни маънавий камолотга ундовчи: «Нафс билан ақл инсоннинг жасаидан баробар жой олгандур. Иккаласи ҳам баробар ҳаракат қилур. Қачонким, инсон ақлини ишлата бил-

са, у камол топади, икки дунёда ҳам обрў қозонади. Агарда инсон нафснинг раъйига борса, икки дунёда ҳам шарманда бўлади», каби пурхикмат фикрлар ҳам мавжуд. Асар матни Хазрати Баширнинг вафотлари битилган саҳифалар билан якунланади.

«Хазрати Башир манокиви» тарихнинг муайян саҳифаларини ёритувчи, маърифатга интилан инсонни қомилликка ундовчи мўътабар манба ҳисобланади.

«ХАЗРАТИ БАШИР МАНОКИБИ»

В годы независимости появилась возможность объективного изучения культурно-духовного наследия нашей страны стали доступны рукописные источники. Изданы многие произведения живших в Маверанахре мыслителей, которые ранее были запрещены. Одним из таких значительных источников является книга «Хазрати Башир манокиви», изданная в 2009 г. издательством «Янги аср авлоди». Благодаря научным изысканиям ученого-историка Ахмаджона Чориева представлено практически полное содержание «Манокиви». В введении ученый приводит отдель-

ные биографические сведения о Хазрати Башир Ота, его эпохе, деятельности мыслителя. В написанной специально для книги статье «Руҳи қудусийлар эҳтироми» профессор Нажмиддин Комилов отмечает самоотверженность историка и дает высокую оценку исторического источника о суфистах.

Султон Саййид Аҳмад Вали – настоящее имя человека, известного в истории как Хазрати Бузруквор, Хазрати Башир. Современник Мирзо Улуғбека жил в Китабе. В книге «Хазрати Башир манокиви» приводятся лучшие качества этого человека, интересные

события, его размышления мистического характера, сведения из жизни известных шейхов. Также приводятся наставления, призывающие человека к духовному совершенству: «Вместе с душой человеку дан разум. Правильно используя разум, человек, совершенствуясь, достигнет лучшего на этом и на том свете. Если же человек пойдет на поводу своих прихотей, он будет опозорен и на этом, и на том свете». Произведение завершается описанием кончины Хазрати Башира.

«Хазрати Башир манокиви» освещает многие страницы истории и призывает к совершенствованию стремящегося к просветительству человека.

«KHAZRATI BASHIR MANOKIBI»

A chance to objectively study the cultural and spiritual heritage of our country appeared in the years of independence. Many of the works of the thinkers who lived in Mauveraunnakhr, which were previously banned, were published. The book "Khazrati Bashir manokibi", published in 2009 by the publishing house "Yangi asr avlodi", is one of such significant sources. Almost the full content of the book "Manokibi" is presented thanks to the scientific researches of the scholar-historian Akhmadjon Choriev. In the Introduction the scientist gives some biographical information about Khazrati Bashir Ota, about his era, and about the

activity of the thinker. In the article "Ruhi kodusiyalar ehtiromi" written specially for the book the Professor Najmiddin Komilov states the dedication of the historian and highly appreciates the value of the historical source about the Sufis.

Sulton Sayyid Akhmad Vali is the real name of the man known in the history as Khazrati Buzrukvor, Khazrati Bashir. A contemporary of Ulugbek, he lived in Kitab. The book "Khazrati Bashir manokibi" brings the best qualities of this man, interesting events, his thoughts of mystical nature, and data from life of famous sheikhs. There is also guidance calling people for their spiritual perfection: "Together with the soul, a man is

given the reason. Rightly using the mind, the man improving will reach his best in this and the other worlds. If the man goes on about his habits, he will be disgraced both in this and the other worlds". Predictions by Khazrati Bashir, which noted that "Ilmi holl wa ilmi kol ul zotda oliy darazhada edi" are given in the separate chapters. The work ends with a description of Khazrati Bashir's passing away.

Ahmadjon Choriev adds the book with a list of names of historical monuments and names of places of worship in the Kashkadarya region.

The book "Khazrati Bashir manokibi" covers many pages of then history and encourages the people, striving for enlightenment, to improve.

АБУЛҚОСИМ МАДРАСАСИ

Маъруф ОТАХОНЗОДА

Мухташам Олий Мажлис биноси билан Истиклол санъат саройи бинолари ўртасидаги пишиқ ғиштдан қурилган икки гумбазли бино – Абулқосим мадрасаси кишини ўзига тортади. Абулқосим мадрасасидан ташқари Кўкалдош мадрасаси, унинг ёнидаги Чорсу бозори, Хожа Аҳрор Валий масжиди, савдо растаси, ҳаммом, ховуз каби маиший хизмат учун мўлжалланган жойлар ҳам Абулқосимхон ибни шайхул-ислом Эшонтўраҳон томонидан қурилган. Бу маърифатпарвар зот мадрасага энг билимли мударрисларни, илмга чанқок турли миллатга мансуб ёшларни жалб этиб, уларни моддий жиҳатдан таъминлаганлар. Натижада, ушбу илм даргоҳидан Абдулла Қодирий, Абдурауф Фитрат, шоир Чустий каби кўплаб адиблар, олиму уламо, дин пешволари, таржимонлар етишиб чиққан.

XIX асрнинг иккинчи ярмида қурилган Абулқосим мадрасаси ўтмишдаги исломий меъморчилик намунаси, шу билан бирга, замон ҳукмдорларининг шаҳарсозлик сиёсатини акс эттирувчи ўзига хос бино саналади.

Маълумки, 1919 йили барча диний ташкилотлар катори Абулқосим мадрасаси махсус қарор билан ёпилган, ўн йил қаровсиз қолган. 1980 йили, яъни шўролар ҳукуматининг энг кучайган даврида, мадрасани бузиб ташлаш масаласи ўртага қўйилган. “Олтин мерос” Тошкент шаҳар бўлими аҳолини ёрдамга қақриб, керакли маблағ тўплаб, уни тиклашга муваффақ бўлади.

Мустақиллик Абулқосим мадрасасига иккинчи умр бағишлади. Мадраса эндиликда халқ амалий санъати ҳунармандлари мактаби саналади.

Мадраса тарихи учун меҳроб пештоқига чиройли наставлиқ хати билан битилган ушбу шеърини қитъа муҳим саналади:

*Ушбу муборак бино, арш каби жабҳасо
Чунки будур манзили мўи латифи Расул.
Фахрланиб ундан Мир ёзди бу “таърих”ни:
“Бақъайи олийи мўйи шарифи Расул”.*

Тўртинчи мисрадаги биринчи сўз нукталари реставрация (2002) жараёнида ноўрин қўйилгани боис, базўр “бақъа” тарзида тўғри ўқилди. “Уй” маъносидаги бу сўз шеър мазмунига, шунингдек, абжод ҳисобига ҳам мос келди: Бақъайи: б-2, қ-100, ь-70, й-10, и-10=192; Олии: ь-70, о-1, л-30, и-10, и-10=121; Мўйи: м-40, ў (вов) -6, й-10, и-10=66; Шариф: ш-300, р-200, и-10, ф-80=590; Расул: р-200, с-60, у-6, л-30=296.

Ниҳоят, “Таърих моддаси” (тўртинчиси тарҳларини абжод ҳисобидаги сон киймати) 1265 чиқди. Бу хижрий йил маълум формула асосида (1265:33=38; 1265-38=1227; 1227+622=1849) милодийга айлантирилса 1849 (1850) келиб чиқади. Яна бир “тилсим” очилди.

Тошкент чор армияси томонидан қамал қилинган 1865 йили Черняев “шаҳарнинг обрўли оксоқоллари” – Ҳакимхўжа қозикалон, Абулқосимхон Эшон, Солиҳбек Охунд Додхоҳ билан ана шу мадраса ҳовлисида йиғилишиб, “келишув (сулҳ) шартномаси”га имзо чекишган. Орадан кўп ўтмай, генерал Черняев жаҳон афкор оммасини чалғитиш, босқинчилик сиёсатини оқлаш учун яна шу мадраса ҳовлисида шаҳар катталарини йиғиб, “Тошкент ўз ихтиёри билан Россияга қўшилди” деган шартномани имзолаш масаласини ўртага ташлайди. Биринчилардан бўлиб Солиҳбек Охунд Додхоҳ бунга қарши чиқади. Генерал Черняев Додхоҳ тарафдорларини, яъни 10 кишини бир томонга ўтказди. Улар ана шу мадраса ҳовлисида камокқа олиниб, кейинроқ Сибирга бадарға этилади. Шу зайлда 1865 йили Тошкент гўё ўз ихтиёри билан чор Россиясига қўшилди, деган сохта фикр туғилади ва бу тарихий ёлғон – “тилсим” 1865 йилдан 1991 йилгача ҳукм сурди...

Абулқосимхон “Тошкент ўз ихтиёри билан чор Россиясига қўшилди” деган актни имзо чекишда дўсти Солиҳбек Охунд йўлини тутмади. Зеро, бу донишманд мударрис сиёсий вазиятдан тўғри хулоса чиқарди. Солиҳбек Охунд каби дўстларини зolimлар дастидан қутқариш ишини ўздан бошқа киши эплай олмаслигини яхши англади. Зеро буни (биринчидан) “Оқподшо” номига ёзилган афв мактуб; иккинчидан, 1892 йилдаги Тошкент “вабо кўзғолони” ташкилотчиларидан бири бўлгани тўла тасдиқлайди. Уларни оқлаш ва жазодан қутқариш учун Абулқосимхон генерал-губернатор номига шаҳар зодагонлари билан бирга мактуб уюштириб, уни ўзи генерал-губернатор ҳузурига олиб кириб, халқ номидан узр сўраган.

Бу далиллар Абулқосимхон эшон Тошкент зиёлилари етакчиси, шаҳар аҳолисининг ҳомийси эканини кўрсатади. У кишининг мартаба ва обрўси, рус тилини билиши, руслар билан тўғри муносабатда бўлгани “дўстлар билан муросо, душман билан мадуро” деган маънони англатади.

Абулқосимхон эшон узокни кўра биладиган маърифатпарвар, эл-юрт хизматида камарбаста инсон бўлган. У киши ёзган баъзи бир хужжат, мактуб ва аризалар охирига “ҳодим-ул-фуқаро Абулқосим эшон” деб имзо чеккан. Абулқосимхон эшон Хожа Аҳрор Валийдек халқ хизматини бажо келтириш, унинг оғирини енгил қилишга ҳозир эди. Бу йўлда ҳатто босқинчилар билан ҳам тил топишга азм қилган.

Абулқосимхон эшон Бешёғоч маҳалласида мавжуд “Хонақойи мўйи муборак”ни қайта таъмирлаб, мадраса (ёнида масжид, қарвонсарой, ҳаммом, тижорат растаси, ховуз) барпо этишдан мақсад, муқаддас хонақоҳга чирой ва умр бағишлаш, шаҳарнинг нисбатан янги (Бешёғоч) маҳалласини обод этиб, маҳалладаги илмга чанқок ёшларни ўқишга жалб қилиб тарбиялаш эди.

Насабномаларига кўра, Абулқосимхон шажараси эшон “хулафои рошидин” ҳазрати Али ибн Абу Толиб зурриётларига, пайгамбаримиз Муҳаммад (с.а.в.) авлодига бориб тақалади.

Абулқосимхон эшоннинг ота-боболари халқ ўртасида катта обрўга эга бўлган. Бу зот умрларининг охиригача (1892) Тошкент аҳлига хизмат қилиб, шу йўлда жон фидо этган.

Чор ҳарбий маъмуриятида юқори мансабларда ишлаган шарқшунос Н.С.Ликошин (1860–1922) “Полжизни в Туркестане” (1916) номли китобининг бир бобини “Эшонлар ва уларнинг жамиятдаги ўрни” (“Ишаны и их значение у туземцев”) деб номлаган. Унда ёзади: “Ҳошимхон Абулқосимхон эшон ўғли. Бешёғоч даҳасининг Янги маҳалласидан, 47 ёшда. Накшбандияи хуфияга мансуб. У элға машҳур бўлган. 1892 йил 24 июнида юз берган тўполон учун ҳукуматдан узр сўраган тошкентлик ерли миллат вакиллариға сарвар бўлган ва шу йили тарқалган вабодан вафот топган Абулқосимхон эшоннинг ўғлидир. Абулқосимхон қурган мадрасада дарс беради. Унинг акаси Саид Боқихон қози Бешёғоч даҳасининг қозиси. Отанинг обрў-эътибори асосан шу ўғлиға ўтган”.

1892 йили Тошкентда бўлиб ўтган халқ кўзғолонининг раҳнаомаларидан бири Абулқосимхон эшон эди. Мазкур кўзғолон ҳозирги мустақиллигимизнинг дебочаси бўлган бўлса ажабмас.

Оломон кўзғолон пайти руслар турадиган янги шаҳарга икки қисм бўлиб сурилган. Биринчисида Азизлар эшон 100 киши билан, иккинчиси билан Абулқосимхон эшон ва бозор оқсоқоли Зиёмуҳаммад Исомуҳаммадов 500 га яқин одам билан йўл олишган.

Кўзғолончилар ҳеч қандай яроғ-аслаҳасиз ҳужум қилганлари аниқ. Буларга қарши ҳукумат энг замонавий ўқотар қуролларни ишлатган. Лекин воқеани юмшатиб барон Вревский ҳарбий министрға куйидагича хат йўллаган: “Генерал-губернатор Гродеков, шаҳар бошлиғи Путинцев бозорға келиб аҳолини тарқатмоқчи бўлганда, одамлар тош отди. 3 марта залп берилди, 10 киши ўлди, 70 киши қамокқа олинди”.

Н.С.Ликошин: “Абулқосимхон эшон 1892 йили юз берган тўполон учун ҳукуматдан узр сўраган” деб ёзган эди. Шунингдек, Абулқосимхон эшоннинг бу кўзғолонга раҳбарлик қилганига тафтиш-тергов ҳужжатларида ҳам ишора бор эди. Лекин, 1916 йили Ликошин Абулқосимхон эшонни “бу воқеа учун ҳукуматдан узр сўраган” деб, оқлаган. Бунга сабаб шуки, Абулқосимхон эшон халқ, аҳли тасаввуф, уламо, мансабдорлар ўртасида катта эътибор ва эҳтиромга эга шахс, катта эшон эди. “Узр” сўраш замиридаги гапни тафсири бундай: Катта оқсоқол Инъомхўжа, Шарифхўжа қози ва яна бир қанча одам, воқеага айбдор топилиб сургун қилинади, бир қанча одам қамок жазосини олган, устига-устак, Л.Климович ибораси билан айтсак, “ваҳшийлашган Гродеков” аҳолидан турли йўллар билан ўч олишга ўтиб, ўз шафқатсизлигини авжига чиқара бошлади. Бу хатарнинг олдини олиш учун шаҳар уламолари Абулқосимхон эшон ҳовлиларида тўпланиб, генерел-губернатор номига хат – арзнома ёзадилар. Унга “фуқароларнинг яхшилари” (домла Муҳаммадзохир аълам домла Отажон ўғли, Мулло Муҳаммад Раҳматил-

ла қози ўғли, ходим ул-фуқаро Абулқосимхон эшон, Сайидмахмудхон Юсуфхон эшон ўғли, Муҳиддинхон Муҳаммадсодиқ ўғли, Муллоғанихон Эшонхўжақори ўғли, Муҳаммадолим домла Абулқосимхон халфа ўғли, Мулломуҳаммад Мирқозихон ўғли, Сайидбоқийхон Абулқосимхон ўғли, Ҳақимжон мулла Азимжон ўғли, Раҳматилла Ғафур ўғли, Алихон Махмудхўжа ўғли) ўз қўллари ва муҳрларини қўядилар.

“Арзнома” куйидаги матндан иборат: “Сиз баланд мартабалу ва марҳаматлу бош ҳокимимизға тубанчилик ила арзимиз шулки, аввалдан марҳаматли ва камолотли юзингизни кўрмоқ ва бу билан кўкрагимиз кўтарилиб, хаддан хурсанд бўлурмиз. Яна, тубанчилик ила арз қиламизки, Тошканд фуқаролари барчаси иттифоқ ила Урусия давлатига ҳеч вақт бетартиблик солмаслиғига эътимодимиз бордур ва умид қиламизки, бетартиблик ҳеч бир вақт бўлмас, анинг учун ким императур аъзам подшоҳлик ҳазратлариға Тошканд фуқароларининг чин ихлос ва комил эътиқодлилиғига бовар қиламиз.

Ушбуни сиз баланд мартабалу ҳокимимизға маълум қилиб ўтинамизки, Тошканд шаҳрини яхшилари жанобингизға ёзғон “Арзнома”ларини бизларни қўлларимиздан илтифот ила оллуб, марҳаматли жавоб бериб, бизларни ва барча фуқароларни хурсанд ва сарафроз қилсангиз экан, деб умид билан қўл қўйдим (1892 й. 30 июнь)”.

“Арзнома” Ликошинни Абулқосимхон эшоннинг ҳукуматдан “узр сўраган”, деб ёзганини тасдиқлаб, шу билан бирга, эшоннинг халқ ва ҳукумат олдидаги мавқе ва ҳурмати ниҳоятда баланд эканини исботлайди. “Арзнома”ни губернатор хузурига Абулқосимхон эшон (бир-икки киши билан бирга) олиб кирган.

Абулқосимхон эшон “Арзнома”ни Туркистон вилоятининг генерал-губернаторига топширади. Халқ манфаатларини ҳимоя қилиб, жоҳил губернаторни бундан кейин аҳолини кийнамасликка ундайди. Аммо шаҳарда вабо ҳануз давом этиб, юзлаб одамларни ўз қомига тортар эди.

Айтадиларки, Абулқосимхон эшон халойиқ ўртасида амри маъруф пайтида вабонинг шаҳардан қайтишини башорат қилган. 1892 йил 4 июль куни Абулқосимхон эшон оламдан ўтади. Ўша куни вабо ҳам тўхтаган. У зотни минглаб одам охириги манзилға кузатишган.

Рус этнографи Н.Остроумов бунини куйидагича тасвирлаб, ўзи сезмаган ҳолда (инкор этмоқчи бўлган воқеани) тасдиқлаган: “Мункиллаган ёшида, сўнгги кунлардаги воқеалардан қаттиқ ларзага тушган Абулқосимхон шундан кейин вабо касалидан вафот этди. Қизиқарлиси шундаки, ана шундан кейин вабо барҳам топганлигини тошкентлик сартлар унинг вафотига нисбат бердилар. Ўзини Оллоҳ йўлиға бағишлаган одамнинг ўлими ҳамиша гуноҳлари кўпайиб кетган одамлар бошига вабо юборадиган Худонинг ғазабини юмшатади, дейишди улар”.

Хуллас, Абулқосимхон эшон мамлакат сиёсий-ижтимоий ишларига фаол қатнашган. Тошкент аҳлига тегишли муаммоларни ҳал қилишда, энг аввало, халқ манфаатларини назарда тутиб иш юритган. У зот томонидан барпо этилган Абулқосим мадрасаси эса азим Тошкент шаҳрига кўрк бағишлаб турибди.

МЕДРЕСЕ АБУЛКОСИМА

По пути к медресе Абулкосима, можно увидеть медресе Кукельдаш, рядом с ним – рынок Чорсу, мечеть Хожа Ахрор Вали, торговые ряды, баня, хауз, пункты бытовых услуг, построенные по велению Абулкосимхона ибн шайхул-ислом Эшонтурахона. Будучи просветителем, он привлекал в медресе самых талантливых мударрисов, стремящуюся к знаниям молодежь и обеспечивал их трехразовым питанием, одеждой, общежитием, учебными принадлежностями. Вполне вероятно, что именно эти очаги знаний – медресе – послужили выявлению талантов обучавшихся в них Абдуллы Кадыри, Абдурауфа Фитрата, поэта Чусты и многих известных людей.

Построенное во второй половине XIX века медресе Абулкосима было своеобразным образцом исламского зодчества и одновременно отображало градостроительную политику того периода.

Не секрет, что в 1919 году наряду с другими религиозными организациями специальным решением было закрыто и медресе Абулкосима, которое на протяжении десяти лет было заброшенным. В 1980 году, в период расцвета власти советов, был поставлен вопрос о сносе медресе. Однако усилиями Ташкентского городского отделения фонда «Олтин мерос» медресе было восстановлено.

Независимость придала вторую жизнь медресе Абулкосима – ныне здесь разместились мастерские народных мастеров.

Интересна история медресе, жизнь его создателя Абулкосимхон эшона, и поэтическое стихотворение, выведенное на портале сооружения почерком «насталик».

Возможно, буквы первого слова четвертого полустишия были неправильно написаны во время реставрации (2002), и потому я довольно затруднялся и читал его как «яфъа» (высший) и «яфга», но, прочитав его как «бакъа» (буква), определил его смысл – «дом», обитель который соответствовал смыслу стихотворения и абжаду (условному названию восьми искусственных слов)...

В результате получилось 1265 – сумма абжата букв четвертой строки. Если этот год хиджры перевести на летосчисление после Рождества Христова (на основании известной формулы: $1265:33=38$; $1265-38=1227$; $1227+622=1849$), получится 1849 (1850). И тогда я сказал бы себе, что разгадана еще одна тайна.

Во время осады Ташкента в 1865 г. войсками во главе с Черняевым группа известных людей города, авторитетные аксакалы города – Хакимхужа козикалон, Абулкосимхон Эшон, Солихбек Охунд Додхох – собрались во дворе медресе и подписали «договор о примирении». Для отвлечения мирового сообщества и оправдания захватнической политики генерал Черняев через некоторое время вновь собирает правительство города и ставит вопрос о поправке в договоре, о том, что «Ташкент добровольно присоединился к России». Многие выступили против, в т.ч. Солихбек Охунд Додхох. Сторонники Додхоха были взяты под стражу и впоследствии сосланы в Сибирь. Таким образом было

сформировано лживое мнение о том, что в 1865 году Ташкент, будто добровольно, был присоединен к России и этот исторический обман – «тайна» существовал с 1865 по 1991...

По историческим источникам, Абулкосимхон подписал второй вариант договора, предложенный Черняевым. Мударрис, сделав разумный вывод из политической ситуации, считал этот путь наиболее верным. Он хорошо осознавал, что никто, кроме него, не сможет выручить Солихбека Охунда и друзей. Это подтверждается во-первых, письмом, написанным на имя «Белого царя», во-вторых, тем, что он был одним из организаторов «чумового восстания» в Ташкенте в 1892 г. Для оправдания и освобождения друзей Абулкосим вместе с влиятельными людьми города организует письмо на имя генерал-губернатора, сам идет к нему на прием и просит прощения от имени народа.

Абулкосимхон был лидером интеллигенции Ташкента, защитником народа. Вместе с тем, его позиция и авторитет, знание русского языка, отношения с русскими подтверждают, что у него было выверенное отношение и к друзьям, и к врагам.

Абулкосим был просветителем, готовым служить народу. Это подтверждается и его подписями под отдельными документами, письмами и заявлениями – «ходим-ул-фукаро Абулкосим эшон». Просветитель тоже подписывал свои письма как «ал-факир Убайдуллох». Абулкосимхон, подобно Хожи Ахрору Вали, всегда был готов служить народу, облегчать его участь. И на этом пути он даже умел договариваться с захватчиками.

Абулкосим эшон реконструировал «Хонакойи муйи муборак» в махалле Бешёгоч и построил у медресе мечеть, караван-сарай, баню, торговые ряды, хауз для того, чтобы восстановить это святилище, благоустроить район города (Бешёгоч) и внедрить новый метод образования и воспитания молодых людей.

Согласно генеалогии, Абулкосимхон происходил из родов «хулафон рошидин» хазрата Алий ибни Абу Толиба, пророка Мухаммада.

Предки Абулкосима эшона пользовались большим авторитетом среди народа. Абулкосим эшон до конца

своей жизни (1892) служил народу. И даже пожертвовал ради него своей жизнью.

Востоковед Н.С.Лыкошин (1860-1922) в своей книге «Полжизни в Туркестане» - (1916) назвал одну из глав «Ишаны и их значение у туземцев». Он пишет: «Хошимхон Абулкосим эшон углы. Из новой махали района Бешёгоч, 47лет. Имеет отношение к учению Накшбандия. Известен среди народа. Просил прощения у правительства за беспорядки, произошедшие 24 июня 1892 года, Был лидером среди представителей ташкентского народа, сын Абулкосима эшона, умершего от распространенной в этот год эпидемии чумы. Преподают в медресе, которое построил Абулкосим эшон. Его брат Саид Бокихон служит казимем района Бешёгоч. Как и отец, имеет большой авторитет»

Народное восстание в Ташкенте в 1892г., среди лидеров которого был и Абулкосим эшон, было словно предтечей нынешней независимости.

В новый город люди шли, разделившись на две группы. Первая – 100 человек с Азизлар эшоном, вторая - почти 500 человек с Абулкосим эшоном и аксакалом рынка Зиёмухаммад Исомухаммадовым.

Повстанцы не были вооружены. Против них правительство применило самое современное оружие. Но, сглаживая события, барон Вревский писал военному министру: «Когда генерал-губернатор Гродеков, глава города Путинцев на рынке пытались разогнать народ, люди стали бросаться камнями. Было произведено 3 залпа, 10 человек погибли, 70 арестованы».

Н.С.Лыкошин пишет, что: «Абулкосим эшон просил прощения у правительства за беспорядки 1892 года». Также, что этим восстанием руководил Абулкосим эшон, и были подтверждены его следственные документы. Однако в 1916 году Лыкошин оправдал Абулкосима эшона тем, что «он просил прощения у правительства за это событие». Потому что Абулкосим эшон пользовался огромным авторитетом среди должностных лиц. А причиной его просьбы о прощении было следующее: старший аксакал Инъомхужа, Шарифхужа кази и еще несколько человек были признаны виновными и сосланы, несколько человек попали в тюрьмы, и, к тому же, если говорить словами Л.Климовича, «разгневанный Гродеков решил любыми путями отомстить народу, и начал проявлять свою свирепость. Чтобы предотвратить опасность, улемы города пишут письмо на имя генерал-губернатора. (Вполне вероятно, что этот документ был написан рукой Абулкосима эшона.) Это письмо подписали домла Мухаммадзохир аьлам, домла Отажон углы, мулло Мухаммад Рахматилла кози углы, работник ул-фукаро Абулкосим эшон (то есть те, кто служил народу – М.О.), Сайидмахмудхон Юсуфхон эшон углы, Мухиддинхон Мухаммадсодик углы, Муллоганихон Эшонхужакори углы, Мухаммадолим домла Абулкосимхон халфа углы, Мулломухаммад Миркозихон углы, Сайидбокийхон Абулкосимхон углы, Хакимжон мулла Азимжон углы, Рахматилла Гафур углы, Алихон Махмудхужа углы.

«Просим вас, нашего высокопоставленного и уважаемого правителя принять нас, дабы узреть ваш лик. Еще почтительно заявляем, что все граждане Ташкент-

та никогда не будут учинять беспорядки в отношении союзнического русского государства и будут честно и верно служить его величеству императору.

Нижайше просим принять наше послание и надемся, что своим ответом вы обрадуете всех граждан. (30 июня 1892 г.)».

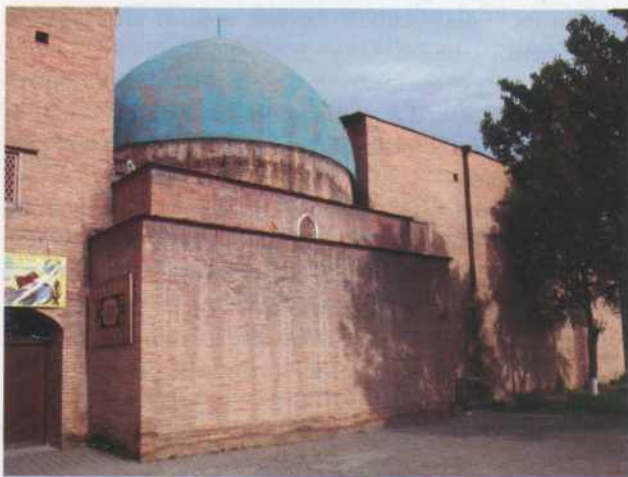
Это заявление подтверждает слова Лыкошина о том, что Абулкосим эшон «просил прощения» у правительства, и доказывает, насколько народ и правительство уважали эшона. Заявление принес губернатору сам Абулкосим эшон (вместе с одним-двумя представителями).

Подав заявление генерал-губернатору Туркестанской области, Абулкосим эшон сделал благородное дело. Хорошо владея русским языком, исходя из интересов народа, он призвал строгого губернатора впредь не мучить народ. А чума все свирепствовала и убивала людей.

По преданиям, Абулкосим эшон во время проведения амри маъруфа (мероприятия, направленные на добрые дела) предсказал, конец эпидемии чумы. 4 июля 1892 года Абулкосим эшон умирает. На его похоронах присутствовали тысячи людей. В тот же день прекратилась чума.

Вот как описывал эти события русский этнограф Н.Остроумов: «В престарелом возрасте, озабоченный последними событиями Абулкосимхон впоследствии умер от чумы. Интересно, что после этого ташкентцы стали связывать прекращение чумы с его кончиной. Они говорили, что кончина человека, посвятившего себя служению Аллаху, всегда смягчает божье наказание, ниспосланное на грешных людей».

Абулкосимхон эшон принимал активное участие в общественно-политической жизни страны, решал вопросы, касавшиеся жизни населения Ташкента, и прежде всего учитывал интересы народа. В этом плане необходимо обратить внимание на два аспекта. Преобразование небольшой мечети (хонакоха Муьи Муборак) в очаг просвещения указывает на широкий кругозор, мировоззрение этой личности. А то, что это медресе (прежнее название «Мадрасайи Муьи Муборак», после смерти Абулкосима Эшона получило нынешнее название) стало самым крупным учебным заведением в Ташкенте можно определить, по отзывам, обучавшихся в нем людей и вниманию, которое оказывал медресе сам генерал-губернатор.

THE MEDRESE OF ABULKOSIM

On the way leading to the medrese of Abulkosim, one can see the medrese Kukeldash, next to it – the market Chorsu, the mosque of Khozha Akhror Vali, trade stalls, sauna, hauz, a public services place, all built on the order from Abulkosimkhon ibn shaikhul-Islom Eshonturakhon. As an educator, he attracted to the medrese the most intelligent mudarrises and youth seeking knowledge, and provided them with three-time meal a day, clothing, dormitory, and school supplies. It is likely that these centers of knowledge – the medrese – helped to reveal the talents of those who studied there: Abdullah Kadiry, Abdurauf Fitrat, a poet Chusti and many other famous people.

Built in the second half of the 19th century, the medrese of Abulkosim was a peculiar example of the Islamic architecture and simultaneously displayed the urban planning policies of that period.

It's no secret that in 1919, the medrese of Abulkosim, which for the course of ten years had been abandoned, along with other religious organizations was closed under special order. In 1980, during the heyday of the soviet government, there appeared the issue of demolition of the medrese. However, with the help of the Tashkent city branch of the fund "Oltin meros" the medrese was reconstructed.

Independence gave a second life to the medrese of Abulkosim – now schools for folk applied art crafts are placed here.

The history of the medrese, the life of its creator Abulkosimkhon Eshon, and a poetic verse made on the portal of the building in the beautiful writing style "na'stalik" are very interesting.

Perhaps, the first letters of the words on the fourth hemistich were on restoration (2002), and that's why I was quite hampered and read them as a "yafa" (super) and "yafga", but after reading it as "baka" (buka), I defined its meaning – "home", which is consistent with the meaning of the poem and *abzhad* (conditional name of the eight artificial words) ...

The result was 1265 – the number of letters in *abzhad* in the fourth line. If this year of *khidjra* we transfer to chro-

nology after the birth of Christ (based on the well-known formula: $1265:33=38$; $1265-38=1227$; $1227+622=1849$), we will get 1849 (1850). And then I would say to myself that one more magic was solved.

During the siege of Tashkent in 1865 by the army headed by the general Chernyaev, a group of prominent people of the city, respectable aksakals of the city – Khakimkhuza kozikalon, Abulkosimkhon Eshon, Solikhbek Okhund Dodkhokh – gathered in the courtyard of the medrese and signed the "Treaty of Peace". To distract the international community and to justify the aggressive policies, a while later General Chernyaev again gathers the city government and raises the question of signing a treaty saying that "Tashkent voluntarily acceded to Russia". Many people opposed to that, including Solikhbek Okhund Dodkhokh. Dodkhokh's supporters were taken into custody and later sent to Siberia. Thus there was made a wrong conclusion that in 1865 Tashkent as if voluntarily acceded to Russia and this historical lie – "secret" lasted from 1865 until 1991...

According to historical sources Abulkosimkhon signed the second version of the contract proposed by Chernyaev. The mudarris, having made a reasonable conclusion from the political situation, felt that this way was the most preferred. He was well aware that no one, except him, would be able to help Solikhbek Okhund and the friends. It is confirmed firstly by the letter addressed to the name of the "White Tsar", secondly by the fact that he was one of the organizers of the plague riot in Tashkent in 1892. To justify and free his friend, Abulkosim together with honored people of the city writes a letter to the General-Governor, he himself goes to see the General-Governor and asks for forgiveness on behalf of the nation.

Abulkosimkhon was the leader of the intelligentsia in Tashkent, the defender of the people. At the same time, his position and authority, knowledge of Russian language, relations with the Russians proved that he had adjusted relations both with the friends and the enemies.

Abulkosim was an educator ready to serve his people. It is confirmed by his signatures on particular documents,

letters and statements – “khodim-ul-fukaro Abulkosim Eshon”. The enlightener also signed his letters of “al-fakir Ubaydulloh”. Abulkosimkhon, like Khozhi Akhror Vali, was always ready to serve the people, to alleviate their plight. And on this way, he even knew how to negotiate with the invaders.

Abulkosim Eshon reconstructed “Khonakoyi muyi Muborak” in makhallya Beshegoch and near the medrese he built a mosque, caravanserai, bath, trade stalls, hauz in order to restore this holy place, to equip this district of the city (Beshegoch) and to introduce a new method of education and upraising of the young people.

According to the genealogy, Abulkosimkhon came from the family of “hulafoi roshidin” of Khazrat Aliy ibn Abu Tolib, the Prophet Mukhammad.

The ancestors of Abulkosim Eshon enjoyed great prestige among the people. Abulkosim Eshon until the end of his life (1892) served the people. And even sacrificed his life for them.

Orientalist N.S. Likoshin (1860-1922) in his book “Half life in Turkestan” – (1916) named one of the chapters “Is-hans and their importance among the natives”. He writes: “Khoshimkhon Abulkosim Eshon ougly. Comes from the new makhallya in the district Beshegoch, 47 years old. He is related to the doctrine of Nakshbandiy. He is popular among the public. He asked for forgiveness from the government for the riots that took place on June 24, 1892. He was a leader among the representatives of the Tashkent people. Son of Abulkosim Eshon died of plague which epidemic was spread that year. He teaches in the medrese built by Abulkosim Eshon. His brother, Saiid Bokikhon, serves as kazy in the district Beshegoch. Like his father, he has great credibility”.

The people’s revolt in Tashkent in 1892, among the leaders of which there also was Abulkosim Eshon, was like a precursor of the current independence.

Into a new city, people came divided into two parts. The first part – 100 people with Azizlar Eshon, the second one – nearly 500 people with Abulkosim Eshon and aksakal of the market Ziyomukhammad Isomukhammadov.

The rebels were not armed. The government used the most modern weapons against them. But smoothing the events, Baron Vrevsky wrote to the Minister of War: “When the Governor-General Grodekov, the head of the city, and Putintsev tried to disperse the people in the market place, the people began to throw stones. There were 3 fire-shots, 10 people were killed, and 70 arrested”.

N.S. Likoshin writes: “Abulkosim Eshon asked for forgiveness from the government for the riots in 1892”. Also, the rebellion was headed by Abulkosim Eshon, and his investigative documents confirm it. However, in 1916 Likoshin acquitted Abulkosim Eshon saying that “he asked for forgiveness from the government for this event”. Because Abulkosim Eshon enjoyed great prestige among the officers. And the reason for his request for forgiveness was the following: Senior aksakal Inomkhuzha, Sharifkhuzha kazy and several other people were found guilty and sent to prison, and, moreover, in the words of L. Klimovich, “angry Grodekov decided by any means to take revenge on the people, and be-

gan to show his ferocity. To prevent danger, the ulems of the city write a letter addressed to the Governor-General. (It is quite possible that this document was handwritten by Abulkosim Eshon). The letter was signed by domla Mukhammadzokhir alam, domla Otazhon ougly, mullah Mukhammad Rakhmatillo kozy ougly, worker ul-fukaro Abulkosim Eshon (i.e. those who served the people – M.O.), Sayidmakhmudkhon Yusufkhon Eshon ougly, Mukhiddinkhon Mukhammadsodik ougly, Mulloganikhon Eshonkhuzhakori ougly, Mukhammadolim domla Abulkosimkhon halfa ougly, Mullomukhammad Mirkozikhon ougly, Sayidbokiyykhon Abulkosimkhon ougly, Khakimzhon mullah Azimzhon ougly, Rakhmatillo Ghafur ougly, Alikhon Makhmudkhuzha ougly.

“We ask you, our senior and respected ruler, to accept us to behold your face. And further we respectfully state that all citizens of Tashkent will never make riots against the allied Russian state and will honestly and faithfully serve His Majesty the Emperor.

Please kindly accept our message and we hope that you will gladden all the nation with your answer. (June 30, 1892)”.

This statement confirms Likoshin’s words that Abulkosim Eshon “asked for forgiveness” from the government and demonstrates how people and the Government respected Eshon. Abulkosim Eshon himself (together with one or two representatives) brought this letter to the Governor.

Submitting the letter to the Governor-General of the Turkestan area, Abulkosim Eshon made a noble deed. Speaking Russian language really well and taking into account the interests of the people, he called for strict governor not to torment the people any more. And the plague got more and more severe and killed more and more people.

At the time of amri maruf (activities aimed at the good deeds), Abulkosim Eshon is said to predict an end of the epidemic of plague. On 4 July, 1892 Abulkosim Eshon dies. Thousands of people attended his funeral. The plague stopped the same day.

Here is how the Russian ethnographer Nikolai Ostroumov described these events: “In old age, concerned about the recent events, Abulkosimkhon later died of plague. Interestingly, after this the Tashkent people linked the cessation of the plague with his passing. They said that the death of the person who devoted himself to serving Allah always softens the God’s punishment sent to the sinful people”.

Abulkosimkhon Eshon actively participated in the socio-political life of the country, settled the issues related to the life of the population of Tashkent, and above all always remembered the interests of the people. In this regard, it is necessary to draw attention to two aspects. Transforming a small mosque (khonakoh Muyi Muborak) into the center of education indicates broad-mindedness and world-understanding of this person. And that this medrese (formerly known as “Madrasayi Muyi Muborak”, after Abulkosim Eshon’s death received its present name) became the largest educational institution in Tashkent can be learned from the opinions of those who studied here and from the attention that the medrese received from the Governor-General himself.

ТАШКЕНТСКИЙ УШШОК

Слово «Ушшок» в переводе с арабского означает «влюбленные». Этот песенный жанр издревле был распространен среди мусульманских народов Востока, древние лады и мелодии Ушшока имели место практически во всех музыкальных формах.

Дошедшая до нас первоначальная основа Ушшоков (инвариант) относится к мелодиям средневековья – одноименным образцам системы Двенадцати макомов. Важным свидетельством этому служат общие мелодии и факторы развития образцов Ушшока. Но многие уникальные произведения под названием Ушшок не вошли в цикл макомов и являются примером творчества композиторов последующих эпох. Эти произведения называют по имени их сочинителей, указывается место рождения композитора, а иногда как название произведения используют первые поэтические строки. Например, «Самарканд Ушшоги» или «Ушшоки Хожы Абдулазиз», «Ушшок» или «Мулла Туйчи Ушшоги», «Кукон Ушшоги». Среди дошедших до нас почти тридцати Ушшоков неповторимым по красоте и любимым является «Каро кюзум...», получивший популярность благодаря творчеству Муллы Туйчи Тошмухамедова.

При его создании композитор широко использовал традиции подражания, присутствовавшие в культуре Востока. Известно, что авторы, использовавшие традиции подражания, творчески подходили к конкретному произведению поэта или писателя и стремились обогатить и развить тему, более того – через него они пытались раскрыть или решить новые проблемы и идеи. Традиция подражания в музыке в целом схожа с традициями в классической литературе, но, вместе с тем, есть и своеобразные аспекты, связанные с законами музыки. В частности, в творческом наследии М.Т.Тошмухамедова есть две части Ушшока, написанные в традициях подражания, классические образцы Баёт III, Шахноз, Эшвой, Ирок и можно проследить, что эти произведения раскрывают новые грани уникальных направлений ташкентско-ферганской школы хафизов. Это проявляется в кратком и лаконичном исполнении вводной части инструментальной мелодии, в начале основной темы непосредственно со средних ладов и оперативного достижения ускоренной кульминации. Все это красиво представлено в «Ташкент Ушшоги».

Творчество хафиза Муллы Туйчи Тошмухамедова можно проследить по его известным произведениям. На основе лучших традиций ташкентско-ферганской песенной школы хафиз создал собственный уникальный метод. Хафиз хорошо знал распространенную в восточной культуре традицию подражания. Ушшок в его творчестве в основе своей сохраняет эту традицию и относится к ряду редких и уникальных переработанных произведений. Основой этой классической песни послужила газель Алишера Навои.

Смысл этой газели, образы и символы её проникнуты глубоким философским содержанием. Например, слово «гул» - «цветок». Это слово получает развитие в каждом последующем бейте и при помощи его создаются различные значения. Такого рода процесс прослеживается в формах Ушшока. В «Ташкент Ушшоги» есть своеобразная гармония мелодии и газели. Это сохраняется и в системе чувственных образов произведения, и в его форме.

«Ташкент Ушшоги», подобно песням-сарахбор цикла Шашмаком, в начале имеет размеренный медленный темп. Этот метод, как и в ташкентско-ферганском тоже начинается «бум-бак». Небольшое инструментальное начало рассчитано на понимание слушателем основного лада. После инструментального начала по трем начальным бейтам газели исполняются в средних ладах. Начиная с четвертого бейта, в музыке появляются качественные изменения нового лада. Причину такого поворота в музыке можно проследить по содержанию газели. Так как с этого бейта проявляется новый уровень, становится понятным, что влюбленный герой жаждет свидания. В музыкальном плане это поддерживается ускорением Ушшока. Пятый, шестой, седьмой бейты тоже «прочитываются» и завершаются полным проявлением страстного ускорения Ушшока.

Мулла Туйчи Тошмухамедов был хафизом, который талантливо, с тонким чувством исполнял «Ташкент Ушшоги» и был любим народом. По словам мастеров старшего поколения, когда у Муллы Туйчи в возрасте тридцати трех лет умер сын Рихсийов палван, скорбящий хафиз шел перед его гробом и на протяжении всей дороги до кладбища исполнял «Ушшок». Еще более углубленно проявляется смысл песни Ушшок, она приобретает особую прелесть в исполнении ученика М.Т. Тошмухамедова, Народного артиста Узбекистана Юнуса Раджаби. Есть и среди молодого поколения талантливые исполнители Ушшок.

«Ташкент Ушшоги», подобно древнему и вечно молодому Ташкенту, имеет глубокий смысл, а его звучание всегда современно, и потому будет жить вечно.

ТАШКЕНТ УШШОҒИ

Чинора ЭРГАШЕВА

«Ушшок» (арабча «ошиклар») номли куй ва ашула йўллари қадимдан Шарқ мусулмон халқлари орасида алоҳида эъозланиб келинади. Жумладан, Ушшокнинг кўхна оҳанг пардалари араб макомлари, ўзбек-тожик Шашмакоми, уйғур муқомлари таркибида хануз муқим ўрин тутади.

Миллий муסיкий мерос доирасида бизнинг давримизгача етиб келган Ушшокларнинг дастлабки келиб чиқиш асоси (инварианти) ўрта асрларда машхур Ўн икки маком тизимидаги шу номли намунага бориб тақалади. Бунга Ушшок намуналарининг умумий парда-оҳанг ва ривожланиш омиллари муҳим далилдир. Шунингдек, маком турқумларига кирмаган Ушшок номли бир қатор асарлар ҳам бўлиб, улар кейинги давр (XX) бастакорлик ижодиётининг ноёб намуналари сифатида маълум ва машхурдир. Ушбу асарларга ижодкорларнинг номи, шунингдек, бастакорнинг туғилиб ўсган шаҳри ҳам нисба берилди, баъзан эса дастлабки шеърый мисралар ҳам асарнинг номи сифатида қўлланилади. Бунга «Самарқанд Ушшоги» ёки «Ушшоки Хожы Абдулазиз», «Ушшок» ёки «Мулла Тўйчи Ушшоги», «Кўкон Ушшоги» каби муסיкий намуналар мисол бўлади. Жами ўттизга яқин «Ушшок» йўллари орасида тошкентлик ҳофиз Мулла Тўйчи Тошмухамедов ижодининг махсули бўлган ва халқимиз орасида «Қаро кўзум...» номи билан машхур Ушшок ашула назираси ўзининг бетакрор таровати билан мана бир неча йиллардан бери тингловчилар кўнглига туғён солиб келади.

Атоқли ҳофиз-бастакор мазкур асарни яратишда Шарқ маданиятида кенг ўрин тутган назирана-васлик анъанасидан унумли фойдаланган. Маълумки, мумтоз адабиётда назира йўсинига таянган ижодкорлар салафдош шоир ёки ёзувчининг муайян асарига ижодий ёндашиб, берилган мавзунинг бойитиш ва ривожлантириш, қолаверса, шу баҳонада янги муаммо ва ғояларни тимсоллар орқали баён ва ҳал этиш

TASHKENT USHSHOK

йўлидан борган. Мусикий назиранислик ҳам маълум кирралари билан мумтоз адабиётда қарор топган аъналарга ўхшаса-да, бироқ мусикий қонуниятлар билан боғлиқ ўзига хос жиҳатларига ҳам эгадир. Хусусан, М.Т.Тошмухамедов ижодий меросида назира сифатида ишланган Ушшоқнинг икки кўриниши, Баёт III, Шахноз, Курд, Эшвой, Ирок каби мумтоз намуналар ҳам бўлиб, мазкур асарлар Тошкент Фарғона ҳофизлик мактабининг нодир фазилатлари билан йўрилган янгича бадий кирралар кашф этганлигини кузатиш мумкин. Булар, жумладан, кириш вазифасини бажарувчи чолғу куйининг киска ва лўнда баён қилинишида, бош мавзунинг бевосита ўрта пардалардан бошланиб, тезкорлик билан кенг нафасли авж нукталарига эришувида яққол намоён бўлади. Ушбу фазилатларнинг барчаси “Тошкент Ушшоғи”да гўзал алфозда мужассам бўлган. Авваламбор, бастакорнинг Ушшоқ куйига танлаган ҳазрат Навоийнинг куйидаги мисралар билан бошланувчи ғазали таҳсинга сазовордир:

*Қора кўзум, келу мардумдуг эмди фан қилгил,
Кўзум қаросида мардум киби ватан қилгил...*

Бу ғазалда теран маънолар турли тимсол ва рамзлар воситасида англашилади. Масалан, бу борда “гул” сўзининг байтма-байт ривож топиб, ундан кўплаб зохирий ва ботиний маънолар келиб чиқиши эътиборни ўзига тортади. Бу каби ҳолат эса оҳанг ва сўз уйғунлигининг беназир намунаси бўлган “Тошкент Ушшоғи”нинг ҳам ҳиссий-образ тизимида, ҳам унинг шакл-гузилишида намоён бўлади. Бунда сўз ва оҳанг мазмунан бир-бирини тўлдирган ҳолда ўзаро узвийлик касб этди: пардали сўзлар ишқ фалсафасига ишора этса, тингловчи қалбига йўлланган куй тузилмалари бу муқаддас туйғуни ҳис этишга кўмак беради. Асарнинг “Ушшоқ” номи ҳам тингловчини айнан шу мавзуга “созлайди”.

“Тошкент Ушшоғи” Шашмақом туркумидаги сарахбор каби вазмин бошланса-да, лекин усул асоси Тошкент – Фарғона мақом йўлларига хос “бум-бак” тарзида келади. Ихчам чолғу муқаддима дастлабки таянч пардани ҳамда асарда устувор ўзгача дардли-улуғвор ҳолатни ҳис этишга хизмат қилади. Чолғу муқаддимадан сўнг устоз ҳофиз ижросида ғазалнинг дастлабки уч байти ўрта пардаларга асосланган нолали оҳанглар ила баён этилади. Тўртинчи байтдан бошлаб куй ривожидан парда силжишлари ва сифат ўзгаришлари юзага келади. Чунки бу пайтга келиб руҳий таважжухнинг янги даражаси намоён бўлади, ошиқ қаҳрамоннинг васл истаги тобора ортиб, бу ҳол куй жиҳатдан Ушшоқ авжи билан алоҳида ифода этилади. Бешинчи, олтинчи, еттинчи байтлар ҳам Ушшоқнинг шавқларга тўла турли авж кўринишлари асосида “ўқилиб”, шу аснода асар ўз ниҳоясига етади.

Тўйчи ҳофиз ўзи ижод этган Ушшоқ ашуласини алоҳида меҳр билан ижро қиларди. Кекса авлод устозлар ва мўйсафидларнинг айтишларича, Мулла Тўйчининг ўттиз уч ёшли фарзанди Рихсивой пловон вафот этганда, бу мусибатдан қайғурган ҳофиз ўглининг тобути олдиға тушиб, жигаргўшасини кабристонгача шу ашула билан кузатиб қўйган. М.Т.Тошмухамедовнинг шогирди, Ўзбекистон халқ артисти Юнус Ражабий ижросида Ушшоқ ашуласи янада теранлашиб, ўзгача шуқух касб этди. Эндиликда “Тошкент Ушшоғи” ҳар бир хонанда-хофиз учун етуклик палласига эриштирувчи ўзига хос синов мактаби бўлиб ҳам хизмат қилмоқда.

The word “Ushshok” translated from the Arabic means “the enamored”. This song genre was spread among the Muslim peoples of ancient East since olden days. The old tunes and melodies of Ushshok occurred almost in all the musical forms.

The initial basis of Ushshok (invariant) that reached our days refers to the Medieval melodies – the same-named samples of the system of Twelve makoms. General melodies and development factors of samples of Ushshok serve as an important indication to this. But many unique music tunes called Ushshok were not included in the cycle of makoms and are an example of creativity of composers of subsequent epochs. These works are named by the name of a composer, the birthplace of the composer is usually indicated, and sometimes the first lines of poetry are used as the title of the piece. For example, “Samarkand Ushshogi” or “Ushshoki Khozhi Abdulaziz”, “Ushshok” or “Mullah Tuychi Ushshogi”, “Kukon Ushshogi”. Among the nearly thirty Ushshoks that reached our days, “Karo kuzum...” became popular thanks to creativity of Mullah Tuychi Toshmukhamedov and is uniquely beautiful and favorite.

While creating the piece, the composer widely used traditions of imitation present in the Oriental culture. We know that the authors who applied the traditions of imitation used creative approach to a particular product of a poet or a writer, and sought to enrich and develop the theme, in fact – through it they tried to expand or solve new problems and ideas. The tradition of imitation in music is generally similar to the traditions of classical literature, but at the same time, there are peculiar aspects related to the laws of music. In particular, the artistic heritage of M.T.Toshmukhamedov has two parts of Ushshok written in the traditions of imitation, classic samples Baet III, Shakhnoz, Eshvoy, Irok. And you can see that these works reveal the new sides of unique areas of the Tashkent-Fergana school of the Khafizs. This is shown in a brief and concise performance of the introduction part of the instrumental melody, at the beginning of the main theme directly from the middle tunes and to rapid achievement of the accelerated culmination. All this is beautifully presented in “Tashkent Ushshogi”.

Creativity of Khafiz Mullah Tuychi Toshmukhamedov can be traced in his well-known works. Based on the best traditions of the Tashkent-Fergana vocal schools, the khafiz created his own unique method. The khafiz knew very well the tradition of imitation spread in the oriental culture. In his creativity the Ushshok retains the core of this tradition and refers to a number of rare and unique processed products. Alisher Navoi’s gazel was the basis for this classic song.

The meaning of that gazelle, its images and symbols are permeated with a deep philosophical meaning. For example, the word “goul” – “flower”. It is being developed in each following bait, and different meanings are created with its help. Such a process is traced in the forms of Ushshok. “Toshkent Ushshogi” has a unique harmony of the melody and gazel. It persists both in the sensual images of the work and in its form.

“Toshkent Ushshogi”, like a song-sarakhbor of the cycle Shashmakom, is measured at the beginning of a slow pace. This method, as in the Tashkent-Fergana one, also begins with “boom-bak”. A short instrumental introduction is meant for understanding the basic tune. The gazels are performed in middles tunes after the instrumental start of the three primary beits. Qualitative changes in the new tune appear in the music starting from the fourth bait. The reason for this shift in music can be traced on the content of the gazels. As a new level appears with this bait, it becomes clear that the amorous hero craves for rendezvous. In musical terms, it is supported by acceleration of Ushshok. The fifth, sixth, and seventh beits are also “read” and complete with a full expression of passionate acceleration of Ushshoka.

Mullah Tuychi Toshmukhamedov was the khafiz who performed “Toshkent Ushshogi” with delicate sense and who was the fond of people. According to the masters of the older generation, when Mullah Tuychi’s son Rikhsivoy Palvan died at the age of thirty-three years, the bereaved khafiz walked in front of his coffin and performed “Ushshok” throughout the whole way to the cemetery. The meaning of the song Ushshok is expressed even more deeply, it is of special charm in performance of M.T. Toshmukhamedov’s student, People’s Artist of Uzbekistan Yunus Rajabi. Talented performers of Ushshok are also among the younger generation.

“Toshkent Ushshogi”, like ancient and ever young Tashkent, has a profound meaning, but its voice is always up-to-date, so it will live forever.

РАНГТАСВИРДА ТОШКЕНТ

Низора КУЛТАШЕВА

Ўзбекистон Давлат санъат музейининг захираси ва экспозициясида Тошкент шахрининг кўркем кўчалари, манзаралари, ўтмиши ва бугуни тасвирланган бебаҳо асарлар мавжуд. “Шарқ дарвозаси” деб ном олган Тошкент шаҳри бу йил 2200 йиллигини кенг нишонлади.

Тошкент кўҳна Хива, Самарқанд ва Бухоро шаҳарлари каби ўзининг таровати билан ижодкорларни жалб этган. Коллекцияда XX асрнинг турли даврларида турфа хил рассомлар томонидан Тошкент шаҳрига бағишланган 80 га яқин манзаралар мавжуд. Асарлар гарчи ҳар хил рангтасвир услублари ва техникаларида бажарилган бўлса-да, яхлит ҳолда шаҳарнинг бир асрли тарихий, сиёсий, ижтимоий ва маданий ўзгаришларини ёритиб беради.

Шаҳарнинг экзотик кифёси, табиати, меъморчилиги, кундалик турмуш тарзи ва этнографиясининг ўзига хосликлари XX аср бошларида ўз тақдирини Ўрта Осиё билан боғлаган аксарият рус рассомларининг ижодий изланишларини белгилаб берган эди. Тўпламдаги Тошкентнинг кўҳна кифёси Р.К.Зоммернинг “Тошкентдаги масжид”, “Тошкентдаги кабристон”, “Шайхонтохур” ва “Тошкент масжиди” каби асарларида акс этган. Шу билан бир қаторда, Н.И.Гречаниновнинг “Манзара. Тошкент”, Е.Г.Бурцевнинг “Шайхонтохурдаги чойхона” каби асарлари мавжуд. И.С.Казаковнинг “Тошкентдаги ҳайвонот боғи дарвозалари”, “Тошкентдаги ҳовли”, “Кўкалдош мадрасаси”, “Шайхонтохур” “Тошкент этюди” меъморий манзараларида импрессионистик тасвир устун тура-

ТАШКЕНТ В ЖИВОПИСИ

В Государственном музее искусств Узбекистана хранятся десятки полотен, запечатлевших прошлый и настоящий облик Ташкента, застывшую индивидуальность улиц и пейзажей города. В этом году город, который по праву называют «Воротами Востока», торжественно отметил свое 2200-летие.

Ташкент, подобно таким древним городам, как Хива, Самарканд и Бухара, своим своеобразием всегда привлекал внимание художников. В коллекции музея почти 80 полотен, созданных художниками в XX в. Это произведения, выполненные различными методами и техникой живописи, но все они освещают исторические, политические, социальные и культурные преобразования города на протяжении века.

Экзотический облик города, своеобразие природы, архитектура, образ жизни народа и этнография определили творческий путь и искания большинства русских художников, связавших свою судьбу со Средней Азией в кон. XIX – нач. XX вв. В коллекции представлены работы Р.Зоммера “Мечеть в Ташкенте”, “Кладбище в Ташкенте”, “Шайхантахур” и “Ташкентская мечеть”, на которых застыл древний Ташкент. К ряду этих произведений можно отнести и полотна художника Н.Гречанинова “Пейзаж. Ташкент”, Е.Бурцева “Чайхана в Шайхантахуре”. Импрессионистический характер преобладает в работах И.Казакова “Ворота Ташкентского зоопарка”, “Дворик в Ташкенте”, “Медресе Кукельдаш”, “Шайхантахур” “Ташкентский этюд”, отображающих архитектуру города. Яр-

TASHKENT IN ART-PAINTING

Dozens of paintings depicting the past and the present appearance of Tashkent, the individuality of the frozen streets and landscapes of the city are stored in the State Museum of Arts of Uzbekistan. This year, the city which is justly called the “Gates of the East” solemnly celebrated its 2200th anniversary.

Tashkent, like ancient cities such as Khiva, Samarkand and Bukhara, has always attracted attention of artists to its originality. The museum collection contains nearly 80 paintings created by artists in the 20th century. These works, performed by various methods and techniques of painting, illuminate the historical, political, social and cultural transformations of the city over the century.

The exotic appearance of the city, the uniqueness of its nature, architecture, lifestyles of the people and ethnography have identified the way and searching of many Russian artists who devoted their lives to Central Asia in the late 19th - early 20th centuries. The collection consists of works by R.Zommer “A Mosque in Tashkent”, “A Cemetery in Tashkent”, “Shaykhantakhur” and “A Tashkent mosque”, which froze the ancient Tashkent. The paint-cloths by the artist N.Grechaninov “Landscape. Tashkent”, by E.Burtseva “Teahouse in Shaykhantakhur” can also be attributed to a number of these works. The impressionistic character prevails in the works by I.Kazakov “Gates of the Tashkent zoo”, “A Yard in Tashkent”, “The Medrese Kukeldash”, “Shaykhantakhur”, “A Tashkent Etude”, which reflect the architecture of the city. The paintings “A Street in Tashkent”, “Tashkent” are created by the master S.Yudin in bright and rich colors.

ди. Куёшли пленер этюди устаси С.П.Юдиннинг “Тошкент кўчаси”, “Тошкент” каби асарларида ўзига хос нур ва ёруғлик манзараси ифодаланган.

1930-40 йилларда ҳаётнинг барча жабҳаларидаги тарихий, ижтимоий ўзгаришлар шаҳарга қандай таъсир ўтказганлигини тўплам таркибидан илғаб олиш мушкул эмас. А.М.Бондаровичнинг “Қадимги Тошкент” ва “Янги Тошкент” каби қиёсий манзаралари, О.К.Татевосьяннинг “Тошкент. Киров кўчаси”, Р.А.Акбальяннинг “Тошкент. Эюд”, Х.Рахимовнинг “Тошкент кўчаси”, В.И.Уфимцевнинг “Тошкент. Москва”, “Манзара. Тошкент”, Н.Г.Караханнинг “Тошкент курилмоқда”, А.Ф.Подковировнинг “Манзара. Тошкент” каби индустриал манзаралари шулар жумласидандир.

Айни пайтда, коллекцияда лирик ва лирик-эпик манзаралар ҳам мавжуд. К.Г.Григорьяннинг “Бўзсув кўли”, “Тошкент. Эски шаҳардаги бозор”, В.А.Засивенконинг “Эски Тошкент”, М.А.Аринининг “Кўҳна Тошкент”, “Эски Тошкент тонги”, В.К.Розвадовскийнинг “Шайхонтохурдаги мусулмонлар қабристон”, О.К.Татевосьяннинг “Тошкентдаги чойхона”, “Ҳосилга бурканган Тошкент ховлиси” манзара-композициялари шулар жумласидандир. Эпик манзара устаси Ў.Т.Тансиқбоев “Тошкент атрофлари”, “Тошкентдаги кўча”, “Шаҳристон довони” асарларида ландшафт ёки табиатни тасвирлабгина қолмай, балки улар уйғотувчи таассуротлар, ҳис-туйғуларни ранглар мутаносиблиги орқали беришга интилади.

Тўпламдаги 1950-1960 йилларга оид В.А.Фадеевнинг “Кечки Тошкент”, Р.Ч.Чориевнинг “Тошкент. Баҳор”, Б.А.Бринскихнинг “Тошкент. Эски шаҳар”, “Тошкент. Баҳор”, М.Е.Новиковнинг “Тошкент. Анҳор яқинида”, “Тошкент боғлари”, “Тошкент баҳори”, Г.П.Шпольянскийнинг “Тошкентдаги эски тор кўча”, “Тошкентда баҳор”, Г.А.Ткачевнинг “Эски Тошкент”, Я.П.Салпинкидининг “Себзор маҳалласи” асарлари эмоционаллик фазилатлари билан эътиборга лойиқдир. Мазкур асарларнинг аксариятида асрлардан бери шаклланган ўрта осиеликларга хос шаҳар қиёфаси жадаллик билан

кими, сочними красками написаны полотна “Улица Ташкента”, “Ташкент” мастером солнечного пленера С.Юдиным.

К серии индустриальных пейзажей, характерных для 1930-40 гг., можно отнести картины А.Бондаровича “Древний Ташкент” и “Новый Ташкент”, О.Татевосьяна “Ташкент. Улица Кирова”, Р.Акбальяна “Ташкент. Эюд”, Х.Рахимова “Улица Ташкента”, В.Уфимцева “Ташкент. Москва”, “Пейзаж. Ташкент”, Н.Карахана “Ташкент строится”, А.Подковырова “Пейзаж”.

С особой теплотой воспринимаются сегодня лирические и лирико-эпические пейзажи, такие как композиции К.Григорьянца “Озеро Бозсу”, “Старый город в Ташкенте”, В.Засивенко “Старый Ташкент”, М.Аринина “Древний Ташкент”, “Утро старого Ташкента”, В.Розвадовского “Мусульманское кладбище на Шайхантахуре”, О.Татевосьяна “Чайхана в Ташкенте”, “Урожай в Ташкентском дворе”. Мастер эпического пейзажа У.Тансыкбаев в работах “Окрестности Ташкента”, “Улица в Ташкенте”, “Городская стена” не только изображал ландшафт или природу, но и посредством соотношения цветов стремился передать пробуждающие ими чувства и впечатления.

Своей эмоциональностью привлекают внимание работы 1950-1960 гг. В.Фадеева “Вечерний Ташкент”, Р.Чориева “Ташкент. Весна”, Б.Брынских “Ташкент. Старый город”, “Ташкент. Весна”, М.Новикова “Ташкент. У Анхора”,

The paintings by A.Bondarovich “Ancient Tashkent” and “New Tashkent”, by O.Tatevosyan “Tashkent. Kirov Street”, by R.Akbalyan “Tashkent. Etude”, by H.Rakhimov “A Street in Tashkent”, by V.Ufimtsev “Tashkent. Moscow”, “Landscape. Tashkent”, by N.Karakhan, “Tashkent under construction”, by A.Podkovyrov “Landscape” can be attributed to a series of industrial landscapes characteristic for the 1930-40s.

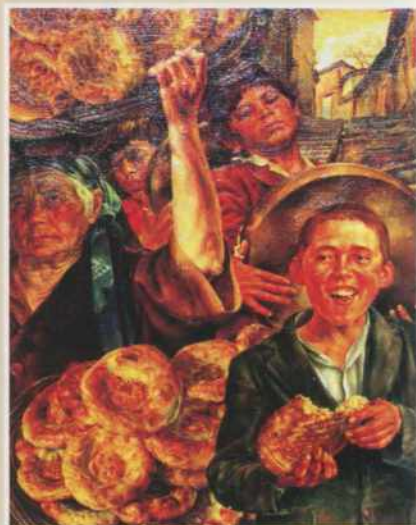
Lyric and lyric-epic landscapes, such as compositions by C.Grigoryants “The Lake Bozsu”, “The Old Town in Tashkent”, V.Zasivenko “Old Tashkent”, M.Arinin “Ancient Tashkent”, “A Morning in old Tashkent”, V.Rozvadovskiy “A Muslim Cemetery in Shaykhantakhur”, O.Tatevosyan “Teahouse in Tashkent”, “Harvest in the Tashkent backyard” are perceived today with special warmth. The master of epic scenery U.Tansyqbaev in his works “Suburb of Tashkent”, “A Street in Tashkent”, “The City Wall” not only portrayed the landscape, or the nature, but also sought to convey the awoken feelings and impressions through a combination of colors.

The works by V.Fadееv “Evening Tashkent”, R.Choriyev “Tashkent. Spring”, B.Brynских “Tashkent. Old Town”, “Tashkent. Spring”, M.Novikov “Tashkent. Near Ankhora”, “Gardens of Tashkent”, “Tashkent Spring”, G.Shpolyanskiy “Old Street in Tashkent”, “Spring in Tashkent”, G.Tkachev “Old Tashkent”,

ўзгараётганлиги намоён бўлган. Кескин, шиддатли ва кенг бўёқлар билан ишловчи В.П.Ганнинг “Тошкент кечаси” манзарасида оддий палитрадан тортиб иссиқ ва совук, кумушсимон-кулранг, садафга мойил ранг турларини кўриш мумкин.

В.П.Зеликовнинг 1966 йилда яратилган “Тошкент меҳмонхонаси”, “Тошкент. Киров кўчаси бурчаги”, “Тошкент. К.Маркс кўчаси”, “Тошкент. Чимкент кўчаси”, “Тошкент. Апанасенко кўчаси”, “Тошкент. Кафанова кўчаси” каби манзараларида шаҳар тарихидаги мудҳиш zilzila оқибатлари акс этади.

1970-80 йилларда ўзбек миллий рангасвир мактабида янги номлар пайдо бўлди. Музей коллекциясида А.Т.Мирзаевнинг шаҳар ҳаётига бағишланган “Тошкент кўприклари” ҳамда “Байрамона Тошкент”, “Тошкент дўстлик ва биродарлик шаҳри” триптихи композицион ечимда яхлит бир асарни ҳосил қилади.

Ўзбекистон Давлат санъат музейи тўпламидаги маскур асарлар Тошкент шаҳрининг юз йиллик киёфасини матога муҳрлаган. Улар ҳам тарихий, ҳам бадий эътиборга молик бўлиши билан бирга, томошабинда шаҳарга нисбатан илиқ муносабатни уйғотади. Тошкентнинг кўҳна манзараларига, рамзий маъноларига, сўлим гўшаларига бағишлаб ишланган асарлар нафақат хорижий юрт вакиллари нигоҳида пойтахтнинг сиймосини гавдалантиради, балки шак-шубҳасиз ёшлар қалбида Ватанига нисбатан ҳурмат ва ғурур туйғуларини шакллантиради.

“Сады Ташкента”, “Ташкентская весна”, Г.Шполянского “Старая улочка в Ташкенте”, “Весна в Ташкенте”, Г.Ткачева “Старый Ташкент”, Я.Салпинкидина “Махалля Себзор”. На большинстве этих произведений заметно активное изменение облика, сформированного на протяжении веков среднеазиатского города. В пейзаже “Вечер в Ташкенте” В.Ганина, работающего смелой и яркой палитрой красок, можно видеть разнообразные сочетания, начиная с обычной палитры до теплых и холодных, серебристо-пепельных, перламутровых цветов.

В работах В.Зеликова 1966 г. “Гостиница “Ташкент”, “Уголок на улице Кирова в Ташкенте”, “Улица Карла Маркса в Ташкенте”, “Чимкентская улица в Ташкенте”, “Улица Апанасенко в Ташкенте”, “Улица Кафанова в Ташкенте” отображены последствия землетрясения 1966 г.

В 1970-80 гг. в узбекской национальной живописи появились новые имена. В коллекции музея представлен триптих А.Мирзаева “Мосты Ташкента”, “Праздничный Ташкент”, “Ташкент – город дружбы и братства”, который по композиционному решению составляет целостное произведение.

Ташкентская коллекция музея – это полотна, на которых представлена почти столетняя история города. Они заслуживают внимания и в историческом и в художественном отношении, и вместе с тем пробуждают самые теплые чувства к городу. Пейзажи, символика, старинные тенистые уголки Ташкента не только приумножают представления о городе у зарубежных гостей, но и, вне всякого сомнения, способствуют формированию у современного поколения чувства уважения и любви к Родине.

J.Salpinkidin “Mahallya Sebzor” created in the 1950-1960s attract attention with their emotionality. Active changing of the Central Asian city-face formed over centuries can be noted in most of these works. In the landscape-painting “Evening in Tashkent” by V.Ganin, who used bold and bright palette of colors, you can see a variety of combinations ranging from the usual palette to warm and cold, silvery-gray, pearly colors.

The consequences of the earthquake in 1966 are displayed in the painting by V.Zelikov “Hotel “Tashkent”, “UgoloK in Kirov Street in Tashkent”, “Karl Marx Street in Tashkent”, “Shymkent Street in Tashkent”, “Apanasenko Street in Tashkent”, “Kafanov Street in Tashkent”.

In the 1970-80s, new names appeared in the Uzbek national painting art. The collection of the museum presents the triptych by A.Mirzaev “Bridges of Tashkent”, “Gala Tashkent”, “Tashkent – the city of friendship and brotherhood”, which composition solution is an integral piece.

Tashkent Museum Collection represents many canvas which illustrate almost a century-long history of the city. They deserve attention both in the historical and artistic terms, and at the same time they evoke the warmest feelings toward the city. Landscapes, symbolism, ancient shady corners of Tashkent not only add to the idea of the city among the foreign visitors, but no doubt, they also contribute to formation of a sense of respect and love for their Motherland among the modern generation.

А.МУХАММАДЖОНОВ
ЭТИМОЛОГИЯ ТЕРМИНА "ХОРЕЗМ"

A.MUKHAMMADJONOV
ETYMOLOGY OF THE TERM
"KHOREZM"

2

6

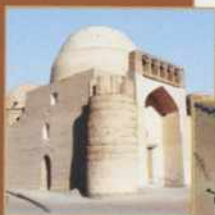
Ш.КАМОЛИДДИН, Э.УМАРОВ
СРЕДНЕВЕКОВАЯ МОНЕТА
САМАРКАНДА

SH.KAMOLIDDIN, E.UMAROV
A MEDIEVAL COIN OF SAMARKAND

К.ЖУМАЕВ
ПАМЯТНИКИ КАРАКУЛЯ

K.DJUMAEV
MONUMENTS OF KARAKUL

11

14

**Н.ХАБИБУЛЛАЕВ,
А.ВАЛИЕВ, Б.МАХМУДОВА**
ИЗ ИСТОРИИ
ПРОИЗВОДСТВА БУМАГИ

**N.KHABIBULLAEV,
A.VALIEV, B.MAKHMUDOVA**
FROM THE HISTORY OF
PAPER PRODUCTION

18

21

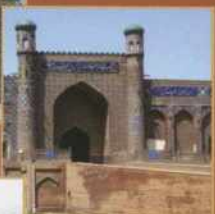
А.БИЙКУЗИЕВ
МЕЖГОСУДАРСТВЕННЫЕ
ОТНОШЕНИЯ КУШАН И КАНГЮЯ

A.BIYKUZIEV
RELATIONS BETWEEN THE STATES
OF KUSHAN AND KANGYUI

Д.БОБОЖОНОВ
ОГАХИ

D.VOVOJONOV
OGAKHI

24

27

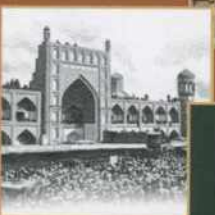
Ф.ОТАХОНОВ
СУДЬБА КОКАНДСКОГО ХАНА

F.OTAKHONOV
THE DESTINY OF THE KOKAND KHAN

Ш.ЮСУПОВ
ИНТРИГИ СЫНОВЕЙ ХАНА

SH.YUSUPOV
INTRIGUES OF SONS OF THE KHAN

31

34

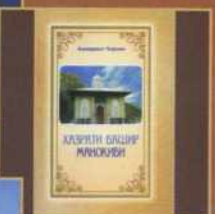
А.ЯХШИЕВ
"УЗБЕКЛАР"

A.YANSHIEV
"UZBEKLAR"

З.КУТИБОЕВ
«ИСТОРИЯ ПОЛИВНОГО
ЗЕМЛЕДЕЛИЯ ФЕРГАНСКОЙ
ДОЛИНЫ»

Z.KUTIBOEV
"THE HISTORY
OF IRRIGATED AGRICULTURE
IN THE FERGANA VALLEY"

36

37

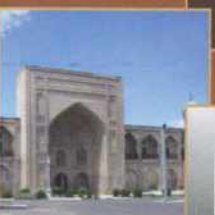
Б.КАРИМ
«ХАЗАРТИ БАШИР МАНОКИБИ»

B.KARIM
"KHAZRATI BASHIR MANOKIBI"

М.ОТАХОНЗОДА
МЕДРЕСЕ АБУЛКОСИМА

M.OTAHONZODA
THE MEDRESE OF ABULKOSIM

40

44

Ч.ЭРГАШЕВА
ТАШКЕНТСКИЙ УШШОК

CH.ERGASHEVA
TASHKENT USHSHOK

Н.КУЛТАШЕВА
ТАШКЕНТ В ЖИВОПИСИ

N.KULTASHEVA
TASHKENT IN ART-PAINTING

46

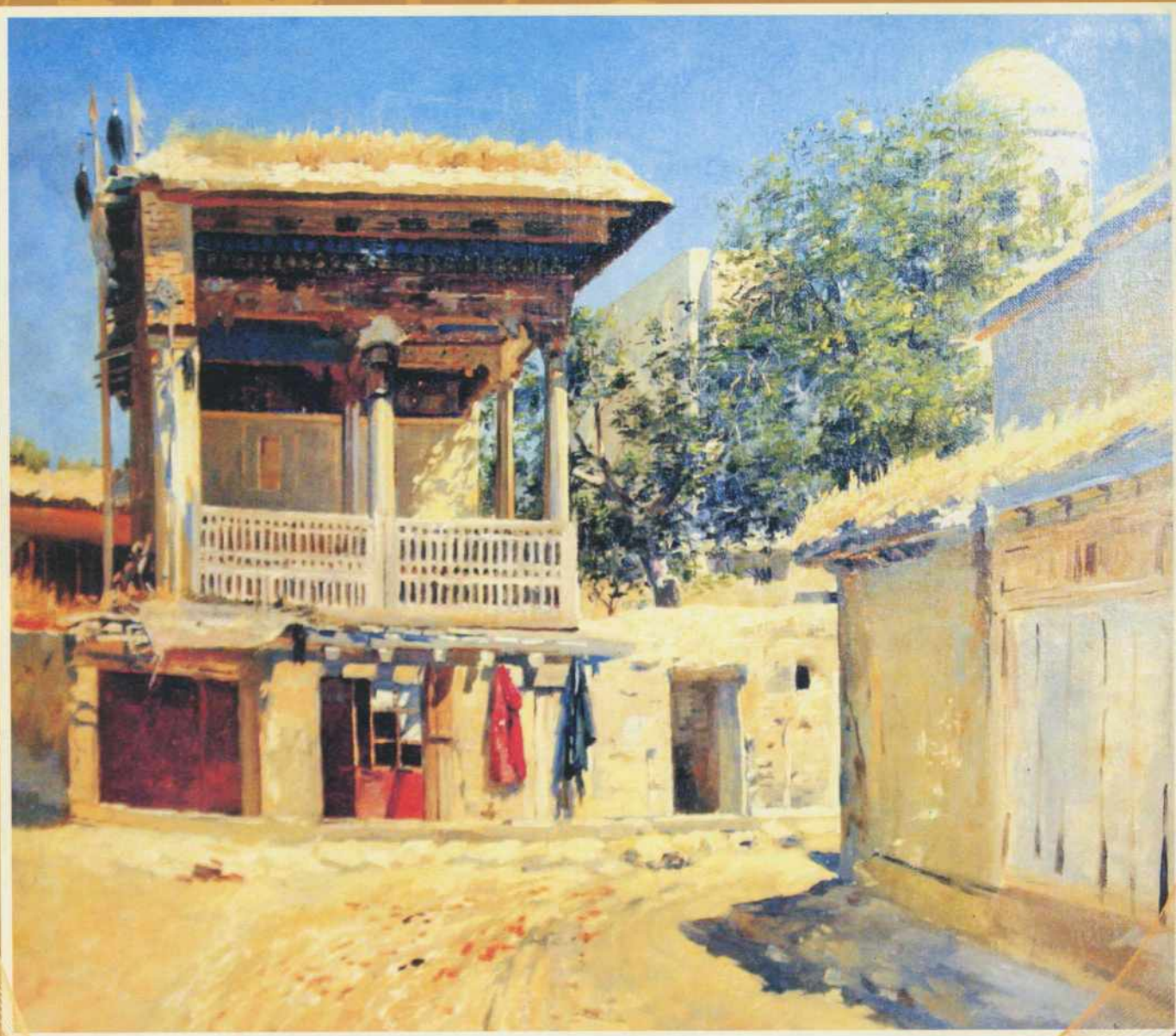
4 (44) 2009

MOZIYDAN
SADO ЭХО ИСТОРИИ

**ЎЗБЕКИСТОН МУЗЕЙЛАРИ ДУРДОНАЛАРИ
ШЕДЕВРЫ МУЗЕЕВ УЗБЕКИСТАНА
MASTERPIECES FROM MUSEUMS OF UZBEKISTAN**

**ЎЗБЕКИСТОН ДАВЛАТ САНЪАТ МУЗЕЙИ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ МУЗЕЙ ИСКУССТВ УЗБЕКИСТАНА
THE STATE ART MUSEUM OF UZBEKISTAN**

Зоммер Р.К. “Тошкентдаги масжид”. 1892 й.
Зоммер Р.К. “Мечеть в Ташкенте”. 1892 г.
Zommer R.K. “A Mosque in Tashkent”. 1892.